

Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян

Правосудие: ориентация на Конституцию

НОРМА
ИНФРА-М
Москва, 2018

УДК 342.56
ББК 67.71
Б81

Электронно-
Библиотечная
Система
znanium.com

Бондарь Н. С.

Б81 Правосудие: ориентация на Конституцию : монография / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 224 с. — (Библиотека судебного конституционализма. Вып. 8).

ISBN 978-5-91768-870-1 (Норма)

ISBN 978-5-16-013373-7 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-106059-9 (ИНФРА-М, online)

В книге, которая является восьмым выпуском серии «Библиотека судебного конституционализма», представлено авторское видение институтов правосудия, их включения в механизм обеспечения верховенства и прямого действия Конституции, последовательной реализации ее ценностно-нормативного потенциала во всех сферах правовой жизни российского общества. При этом обосновывается ключевая роль судебно-правовой реформы в конституционной модернизации страны, ее влияние на все иные реформы. В связи с этим раскрываются коллизионные политико-правовые начала правосудия, обосновывается особое значение решений Конституционного Суда РФ как нормативно-доктринального источника и средства гарантирования самостоятельности судебной власти, совершенствования всех видов судопроизводства. В этом же русле анализируется влияние национальной судебной власти, прежде всего конституционного правосудия, на реализацию принципов и норм международного права в рамках европейской конвенционной юрисдикции.

Для читателей, интересующихся проблемами современного российского конституционализма, развития правовой жизни в контексте практики конституционного правосудия в Российской Федерации.

УДК 342.56
ББК 67.71

ISBN 978-5-91768-870-1 (Норма)
ISBN 978-5-16-013373-7 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-106059-9 (ИНФРА-М, online)

© Бондарь Н. С.,
Джагарян А. А., 2018

THE LIBRARY OF JUDICIAL CONSTITUTIONALISM SERIES

N. S. Bondar, A. A. Jagaryan

Constitution- oriented Justice

NORMA
INFRA-M
Moscow, 2018

Bondar N. S.

Constitution-Oriented Justice : monograph / N. S. Bondar, A. A. Jagaryan. — M. : Norma : INFRA-M, 2018. — 224 p. — (The Library of Judicial Constitutionalism Series. Issue 8).

This is a fresh, book-format, eighth issue of the Library of Judicial Constitutionalism series, which presents its authors' vision of justice institutions, their inclusion in the mechanism of providing primacy and direct force of the Constitution, consistent actualization of its value-based statutory facilities in every legal sphere of Russia society. Meanwhile, substantiated is the key role of the judicial and legal reform in constitutional modernization of the country and its impact upon all the other reforms; in this regard disclosed are conflict political and legal principles of justice, substantiated is the paramount importance of the decisions made by the Constitutional Court of the Russian Federation as a regulatory and doctrinal source and means of guaranteeing independence of the judicial power, of perfection of all the manners of proceeding. In the same line, analyzed is the influence of the national judicial power, constitutional power first and foremost, on the actualization of those principles and provisions of the law of nations within the framework of the conventional law of Europe.

The target reader is the one interested in the problems of current Russian constitutionalism, legal life development in the context of constitutional justice practice in the Russian Federation.

Содержание

Предисловие	9
1. Суд в современном обществе: введение в конституционно-судебную проблематику	12
2. Конституционализация правовой жизни — посредством правосудия	34
2.1. Суд в правовой жизни общества	34
2.2. О судебной конституционализации: национальные и международно-правовые основы	39
2.3. Правосудие как фактор утверждения конституционных начал правовой жизни	49
2.4. О судебной интеграции конституции в правовую жизнь общества	58
3. Судебная конституционализация как способ юридикации политики	73
3.1. Политико-правовые начала правосудия — вне политизации	73
3.2. Актам правосудия — метаюридическую аргументацию	80
3.3. Преобразовательное воздействие правосудия на правовую жизнь общества	93
4. Конституционный Суд РФ и его решения в условиях судебно-правовой реформы	97
4.1. Судебно-правовая реформа — инструмент конституционной модернизации российской государственности	97
4.2. Единство юрисдикционных и конституционно- нормотворческих начал как основа преобразовательного воздействия Конституционного Суда РФ в судебной сфере	104
4.3. Конституционный Суд РФ о природе и статусных характеристиках судебной власти	112

4.4. Право на судебную защиту как выражение особой роли судебной власти: подходы Конституционного Суда РФ	118
4.5. Конституционно-судебное обоснование статуса судьи	126
5. О конституционном развитии отдельных видов судопроизводства ...	136
5.1. Конституционное правосудие — динамически развивающийся институт государственности ...	136
5.2. Гражданское судопроизводство: в поисках баланса частных и публичных начал	156
5.3. Конституционализация уголовного судопроизводства — путь к его гуманизации	163
5.4. Административное судопроизводство: притязания на учет особенностей конституционно-правового статуса	178
6. Конституционализация правовой жизни в контексте общепризнанных принципов и норм международного права	194
6.1. Судебная власть в механизме имплементации международно-правовых норм	194
6.2. О юридической силе решений Европейского суда по правам человека	204
6.3. Национальная и конвенционная юрисдикции: не противостояние, а диалог	208
Contents	219

Предисловие

Настоящее издание представляет собой восьмой выпуск авторской серии «Библиотека судебного конституционализма» и затрагивает вопросы, характеризующие саму суть концепции судебного конституционализма, исследованию которого в различных аспектах были посвящены все другие издания, входящие в эту серию.

Основная цель данной публикации — осмысление роли судебной власти в конституционно-правовом развитии современного общества, обоснование многопланового, всеобъемлющего вовлечения судебного-юрисдикционных институтов в механизм гарантирования верховенства Конституции, ее реализации на основе прямого действия и максимального раскрытия ценностного потенциала Конституции во всех сферах российской правовой жизни.

Суд, правосудие — не просто средство, инструмент решения определенных задач, это фундаментальная основа государственно-организованного общества, необходимое условие его существования в цивилизованных, конституционно признанных формах. Не случайно в историко-мировоззренческом плане идеи правосудия относятся, пожалуй, к исходным, коренным политико-правовым воззрениям человечества. В правосудии неизбежно концентрируются правовые, экономические, социальные, политические противоречия современного общества и государства. В этом плане правосудие, как справедливо отмечается в литературе, — продукт многовекового государственного и правового развития, отражающий особенности этого развития, господствующие идеологические установки и духовные традиции общества¹. В современных условиях судебная система испытывается на прочность со стороны новых вызовов и угроз социальному спокойствию и стабильности. На судебную власть ложится особая нагрузка по умиротворению общества, гарантированию общественного согласия как базиса, на котором только и может быть обеспечено верховенство права². Что же позволяет правосудию взять на себя и выполнять столь высокую миссию?

¹ См.: *Анишина В. И.* и др. *Правосудие в современном мире: монография* / под ред. *В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой.* М., 2014. С. 10.

² См.: *Зорькин В. Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 439; *Он же.* Цивилизация права: современный контекст // *Журнал конституционного правосудия.* 2014. № 5. С. 6.

При ответе на этот вопрос уместно напомнить аксиоматичное положение о том, что именно суд и только суд окончательно решает все споры о праве, определяет в каждом случае равную меру справедливости, благоприобретения и воздаяния (кары) в соответствии с выраженной в законе правовой нормой. Выступая в подобном качестве, суд служит своего рода блюстителем юридической чистоты тех нормативных критериев, которые лежат в основе принимаемых им решений, с тем чтобы последние являлись правосудными, соответствовали не только букве, но и духу сложившегося правопорядка, конституционным ориентирам общества. Не случайно в классических работах, содержащих истоки доктрины конституционализма, правосудию изначально отводилась ключевая роль в системе конституционной государственности. В этом плане преодоление «естественного состояния», формирование политического, гражданского сообщества, как полагал, например, Дж. Локк, связано прежде всего с отказом от «частного правосудия», где каждый является судьей в своем деле, в пользу институирования общего суда, компетентного и беспристрастного, на уровне верховной власти¹; правосудие — сквозное, универсальное начало государственности².

Развитие, укрепление конституционных начал жизни государства и общества, связанные в том числе с обособлением правосудия в самостоятельную и независимую ветвь государственной власти, способствуют дальнейшему усилению его институционного и функционального значения в системе конституционализма. Поэтому исследование сложных, многоуровневых взаимосвязей между правом, правосудием, Конституцией, правовой жизнью общества приобретает принципиальное значение, лежит в основе закономерностей развития конституционализма и, соответственно, понимания этих процессов на основе *концепции судебного конституционализма* как политико-правового режима судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России³. Поэтому будет уместным назвать ранее вышедшие выпуски серии «Библиотеки судебного конституционализма», в которых получили обособление различные аспекты данной концепции и ее научно-практического преломления: *Бондарь Н. С.* Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования.

¹ См.: *Локк Дж.* Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 263—266, 311, 324 и др.

² Там же. С. 335.

³ См.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2015. С.21.

Вып. 1. М., 2012; *Он же*. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике российского конституционализма. Вып. 2. М., 2013; *Он же*. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Вып. 3. М., 2013; *Он же*. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра. Вып. 4. Ростов н/Д., 2014; *Он же*. Конституционная модернизация российской государственности в свете практики конституционного правосудия. Вып. 5. М., 2014; *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Вып. 6. Ростов н/Д., 2016; *Бондарь Н. С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. Вып. 7. М., 2017.

В настоящем издании продолжена линия на дальнейшую разработку научно-практических проблем судебного конституционализма, в центре которых на этот раз находится сам по себе СУД и осуществляемое им ПРАВО-СУДИЕ. Естественно, сама концепция настоящего издания, ориентированная на уяснение глубинных взаимосвязей правосудия с Конституцией как основным законом жизни личности, общества и государства, предопределила повышенное внимание к КОНСТИТУЦИОННОМУ правосудию, имея в виду как анализ общих и специфических характеристик института конституционного правосудия при наличии различных моделей его реализации в отдельных странах, так и, в особой степени — деятельность Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), анализ его нормативно-доктринальных решений как важнейшего средства конституционализации правовой жизни современного общества.

1. Суд в современном обществе: введение в конституционно-судебную проблематику

Характерная для современного мира тенденция усиления юридикализации общественных отношений, проявляющаяся прежде всего через увеличение предметного охвата, уплотнение и детализацию правового регулирования, которое приобретает все более сложную, разветвленную и многоуровневую, структурную организацию, имеет неоднозначные последствия. При укреплении формальных гарантий законности и нормативных условий самореализации личности одновременно наблюдается «зарегулированность», не оставляющая достаточного простора для действия иных социальных регуляторов, которые могут приобретать значение весьма существенных факторов, определяющих формирование, реализацию правовых норм. Альтернативная тенденция — минимизация, оспаривание претензий права на верховенство в соотношении с иными формами проявления социальной нормативности, проистекающими либо из абсолютной надперсональной истины (религия), либо из самого естества реальной жизни (культура, традиция и т. п.).

Современное общество стремительно меняется. Усиление напряжения между процессами глобализации, в том числе в правовой сфере, с одной стороны, и стремлением обеспечить суверенно-национальные интересы, социокультурную идентичность — с другой, равно как и обострение на этом фоне финансово-экономических, геополитических, этноконфессиональных и иных социальных противоречий, связано в конечном счете с системным кризисом традиционных институтов конституционной государственности, включая острый дефицит доверия как к самому государству, его органам, так и к принимаемым законам.

Расширение правового массива, призванного соответствовать динамике общественных перемен, влечет нарастание энтропии в правовых системах, умножение юридических конфликтов, коллизий, дефектов на различных уровнях, как макро-, так и микроправовом, что имеет свои особенности в зависимости от социокультурного контекста. В странах новых демократий, переживающих глубокие трансформации на пути к достижению новых для себя (порой мнимых) поли-

тико-правовых идеалов, на это накладываются негативные факторы правового развития, как-то: неустойчивые традиции правовой самоорганизации и дисциплины; конкретно-исторические деформации правового просвещения, в том числе в виде ценностной дезориентации социально-правовой модели юриста; отсутствие национального консенсуса в отношении понимания и применения базовых принципов правопорядка, включая сбалансированность частных и публичных интересов; структурно-отраслевая аморфность и гипердинамизм законодательства, что может носить хаотичный, ситуативно-ориентированный характер, иметь недостаточную доктринальную и технико-юридическую проработку; формирование основанных на сращивании политической и экономической власти и теневом лоббизме авторитарно-олигархических (корпоративных) систем.

В этих условиях ценность конституции, конституционного права и конституционализма в целом объективно возрастает. Воплощая в юридически опосредованной форме основополагающие идеалы, ценности, интересы общества, которые характеризуют его представления о благе, справедливом жизнеустройстве, оперируя нормативными величинами наиболее высокой степени абстракции и содержательно-смысловой насыщенности, современный конституционализм выступает квинтэссенцией правовой жизни общества, приобретает значение важнейшего фактора, определяющего магистральное направление цивилизованного государственно-общественного развития. Меняется понимание самой конституции. Если в начале «конституционной эры» человечества, воплотившей итоги Просвещения, основное предназначение конституции прочно связывалось в первую очередь с обеспечением пользования правами и свободами и проведением разделения властей, то сегодня конституция призвана служить основой всей системы государственности и гражданского общества, претендует на фундаментальный мировоззренческий статус¹. Она презентуется как некий символ веры нации, воплощающий дух народа в его приверженности конституционализму, то, что в кантIANских формулах можно определить как «правовую святость»; питает надежды, определяющие желаемую перспективу общества. Сравнение конституции с «гражданской библией», через которую постигается и утверждается «конституционная вера», отнюдь не случайно, как и представление о том, что основополагающие, выраженные в конституции ценности являются своего рода концентрированным нормативно-правовым выра-

¹ Ценностная ориентация рассматривается в литературе как общая черта всех конституций, поскольку «любая конституция исходит из базовых положений, признаваемых властями в качестве ценностей в данной цивилизации, в той или иной форме закрепляет их». См.: Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование. М., 2011. С. 22.

жением того, что принято именовать национальной идеей. Удача сопутствует тем нациям и народам, отмечает Г. Г. Арутюнян, у которых не прерывается цепь формирования и переосмысления сменяющимися друг друга поколениями системы фундаментальных ценностей, которые должны включаться в «Высший Закон» страны¹.

В прикладном плане сегодня существенно актуализируется необходимость повышения уровня и качества, а также гибкости конституционно-правового воздействия на общественные отношения, в том числе на основе начал так называемого «мягкого права», распространения активизационных, иницилирующих, стимулирующих мер². В конечном счете речь идет о конституционном обеспечении идейной и, не будет преувеличением, идеологической, а также нормативной согласованности, системно-структурной целостности всего отраслевого правового регулирования, которое должно быть привержено гуманистической парадигме и ориентировано на создание надлежащих институциональных условий жизнедеятельности общества на основе признанных конституционных ценностей (уважение достоинства личности, равенство, справедливость, защита от произвола, политический и экономический плюрализм и т. п.). Весьма характерно, что в зарубежном правовом дискурсе активно обсуждаются с позиций конституционализма проблемы международного права, перспективы его развития, когда своего рода «дефрагментация» международного права нередко связывается с усилением конституционной методологии, с процессами конституционализации международно-правовой жизни, имея в виду цели формирования не иерархической, а координационно-сетевой нормативной системы современного мира³.

Реальность, действенность конституции является важнейшим фактором устойчивого и эффективного развития современной государственности. Но ее фактическое влияние на общественную практику сопряжено с трудностями и противоречиями, которые зачастую вызваны неготовностью или нежеланием следовать конституционным принципам и нормам. Требуется кропотливая заинтересованная и долговременная совместная работа институтов гражданского общества и публичной власти, чтобы конституция стала реальным право-

¹ См.: Арутюнян Г. Г. Конституционная культура: уроки истории и вызовы времени. Переиздание с дополнениями. Ереван, 2016. С. 528.

² См.: Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития. М., 2017. С. 334—339.

³ См., например: Jakubowski A., Wierczyńska K. Fragmentation vs the Constitution-isation of International Law: a Practical Inquiry. L.; N. Y., 2016; Cohen H. From Fragmentation to Constitutionalization // Pacific McGeorge Global Business & Development Law Journal. 2011. Vol. 24. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1974550 (дата обращения: 01.11.16).

вым регулятором общественных отношений и имела прямое действие, в том числе в ее восприятии политической элитой.

Жизнеспособность и действенность конституции, сама ее возможность адекватно отвечать на вызовы времени требуют понимания того, что конституция является не изолированной и статической, а открытой, динамически развивающейся системой. Потенциал конституции определяется не самим по себе актом ее принятия, а формируется, увеличивает свой запас в том числе в процессе ее реализации. Это и понятно: конституция должна, не вступая в коллизию с реальностью, обновляться (развиваться) с учетом перемен, происходящих на уровне коренных интересов личностной самореализации и социально-государственного взаимодействия. Соответственно, именно конституция, в единстве буквы и духа, должна выступать важнейшим стабилизирующим фактором социального прогресса, обеспечивать цивилизованный механизм преодоления социальных противоречий ради гражданского мира и согласия, что предполагает последовательную конституционализацию правовой системы, всей правовой жизни общества.

Актуальность связанных с обеспечением верховенства и прямого действия конституции вопросов конституционализации национальной правовой жизни, всего многообразия составляющих ее элементов не подлежит сомнению¹. С понятием конституционализации обычно связывают последовательный процесс реализации конституционных принципов и норм законотворчества в сфере публичного и частного права, в судебной и иной правоприменительной практике по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечение соответствия функционирования экономики, социальной сферы, институтов публичной власти и законодательства главным конституционным ценностям личности, общества, государства². Комплексное доктринальное обоснование самой природы процесса конституционализации, ее ценностно-целевых, функциональных, организационных начал, практических основ ее реализации, безусловно, составляет насущную проблему конституционно-правовой науки. От плодотворного решения связанных с этим задач зависит способность конституции выполнять возложенные на нее учредительную, интегративную, системообразующую, регулятивную функции, а в конечном счете — обеспечивать стабильность и эффективное функционирование институтов конституционного строя как основы гармоничной реализации интересов личности, общества, государства.

¹ См.: *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3 (112).

² См.: *Витрук Н. В.* Верность Конституции. М., 2008. С. 250; *Эбзеев Б. С.* Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования М., 2014. С. 6.

Впрочем, хотя сам термин «конституционализация» стал во многом привычным в нашем юридическом лексиконе, следует признать, что его применение нередко свидетельствует скорее о стремлении приобщиться к своего рода модному тренду и далеко не всегда сопряжено с четкими представлениями о данном понятии. При наличии попыток, порой весьма решительных и небезуспешных, придать конституционализации значение институциональной категории, позволяющей наиболее емко, рельефно отобразить укоренение начал верховенства права и конституции в виде реальных качеств ядра социального поведения человека¹, осмыслить на глубинном уровне всю гамму взаимосвязей между конституционализмом и правовой системой², процессы конституционализации, к сожалению, пока не получили должного концептуального осмысления, многие существенные аспекты этого явления остаются за рамками фундаментальных разработок в отечественном правоведении. Несмотря на то что с момента появления первых научных исследований по этой проблематике, в том числе монографических³, прошло относительно немало времени, пожалуй, только в последние годы наблюдается заметная активизация данного направления исследований⁴.

Что касается современных зарубежных исследований проблем конституционализации, то они во многом закономерно сосредоточены сегодня преимущественно на наднациональных аспектах, связанных как с общими вопросами конституционализации глобального (международного) и европейского правовых порядков⁵, так и с отдель-

¹ См.: Арутюнян Г. Г. Конституционализация социального поведения человека в правовом государстве // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5.

² См.: Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск, 2002. С. 153—155.

³ См., например: Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности: в контексте решений Конституционного Суда РФ. М., 2006; Он же. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2009.

⁴ См., например: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. М., 2016; Он же: Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. М., 2017; Он же: Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5; Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5; Чепрасов К. В. Конституционализация взаимодействия органов исполнительной власти в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование). М., 2016.

⁵ См., например: Breaux S. The Constitutionalization of the International Legal Order // Leiden Journal of International Law. 2008. Vol. 21. P. 545—561; Brown G. The Constitutionalization of what? // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. P. 201—228; Klabbbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford, 2009; O'Donoghue A. Constitutionalism in Global Constitutionalisation. Cambridge, 2014.

ными направлениями глобализационных и интеграционных процессов¹. Сущностным же, содержательным, функциональным, институциональным, методологическим и иным подобным моментам конституционализации в ее проявлениях в национальном праве в зарубежной юриспруденции уделяется меньше внимания².

Проблемы конституционализации остаются по преимуществу уделом конституционалистов, тогда как обращения к ним представителей конкретных отраслевых направлений отечественной юриспруденции остаются единичными, своего рода раритетными³. В свою очередь, и сами конституционалисты порой не проявляют должного интереса к отраслевым аспектам реализации конституционных принципов и норм, оставаясь в основном привержены исследованиям конституционного права как регулирующего организацию публичной власти во взаимосвязи с правами и свободами человека и гражданина. Такой подход небесспорный, но архаичный.

Стремление инициировать широкую междисциплинарную дискуссию по вопросам конституционализации⁴, в том числе в связи с реализацией конституционного правосудия⁵, пока не нашло продол-

¹ См., например: *Adams M., Fabbrini F., Larouche P.* The Constitutionalization of European Budgetary Constraints. Oxford; Portland, 2014; *Micklitz H.* Constitutionalization of European Private Law. Oxford, 2014; *Thompson G.* The Constitutionalization of the Global Corporate Sphere? Oxford, 2012.

² См., например: *Barak A.* The Constitutionalization of the Israeli Legal System as a Result of the Basic Laws and its Effect on Procedural and Substantive Criminal Law // *Israel Law Review*. 1997. Vol. 31. P. 3—23; *Gilead I., Kozjol H.* Constitutionalization of Tort Law? — An Israeli Perspective. Wien, 2003; *Craig P.* The Constitutionalization of Community Administration. N. Y., 2003; *Kremnitzer M.* Constitutionalization of Substantive Criminal Law: A Realistic View // *Israel Law Review*. 1999. Vol. 33. P. 720—728; *Somek A., Riekmann S.* Constitutionalization: Constitution-Making for Individualists. Baden-Baden, 2013.

³ См., например: *Головкин Л. В.* Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // *Государство и право*. 2013. № 12; *Конишкова В. М.* Проблемы конституционализации правового регулирования социально-трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014; *Луговик В. Ф.* Проблемы конституционализации оперативно-розыскной деятельности // *Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности*. СПб., 2012. С. 166—176; *Углов А. С.* Основы конституционализации правового регулирования трудовых отношений в Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 7.

⁴ См.: Современный российский конституционализм: доктрина и практика: матер. межвуз. науч.-практ. конф. (Южный федеральный университет, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский государственный университет, 5 марта 2011 г.) / отв. ред. *Н. С. Бондарь*. Ростов н/Д.; СПб., 2011. Размышления о методологических особенностях этого издания, изложенных в нем концептуальных подходах см. в статье: *Джагарян А. А., Джагарян Н. В.* Российский конституционализм: к обретению идеала // *Журнал российского права*. 2013. № 3.

⁵ См.: *Бондарь Н. С.* Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2014. № 1.

жения: исследования конституционалистов и представителей отраслевой юриспруденции чаще идут параллельно. Очевидно, однако, что эпистемологическое и праксиологическое значения конституционализации должны быть соотнесены с пониманием актуальной природы и ценности конституционного права в современных условиях. Необходимо осознать, что конституционное право сегодня — это не просто субстрат (своего рода первовещество) в национальной правовой системе. Это и некое ценностно-нормативное, юридико-семантическое поле, которое является всеобъемлющим и межотраслевым, имеет публично-частный характер, пронизывает всю правовую жизнь общества, определяет назначение, содержание, взаимодействие всех структурно-отраслевых составляющих правовой системы¹. Возможно, даже выходит за ее пределы — через воздействие, оказываемое на наднациональном уровне².

Примечателен в этом отношении вывод У. Бернама об американской правовой системе: «...конституционное право пропитывает собой практически любую отрасль права в Соединенных Штатах»³. Это означает, что, призванная воплощать реальность современного конституционализма, правовая система, равно как и отдельные юридические отрасли, не может осмысливаться в отрыве от фундаментального, смыслообразующего значения конституционно-правовой методологии. Следует внимательно отнестись к высказанному Г. Г. Арутюняном мнению о том, что понятие конституционализма необходимо воспринимать не как один из основных принципов конституционного права, а как фундаментальный принцип современного права в целом; любые же деформации конституционализма в итоге, набирая определенную критическую массу, неизбежно приводят к социальным катаклизмам⁴.

В этом плане своевременным и ценным является активизировавшийся в последнее время предметный, концептуально заостренный

¹ См.: *Бондарь Н. С.* Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11; *Джагарян А. А., Джагарян Н. В.* Российский конституционализм: к обретению идеала; *Кокотов А. Н.* Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. 1998. № 1; *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 44.

² В этом плане конституционализация описывается как «стремление подчинить государственную активность конституционным структурам, процессам, принципам и ценностям, с тем чтобы включить конституционные элементы в международную правовую систему». См.: *Mattheis C.* The System Theory of Niklas Luhmann and the Constitutionalization of the World Society // *Goettingen Journal of International Law*. 2012. Vol. 4. No. 2. P. 627.

³ *Бернам У.* Правовая система США. 3-й вып. М., 2006. С. 531.

⁴ См.: *Арутюнян Г. Г.* Конституционный мониторинг. Ереван, 2016. С. 287, 291.

научный анализ проблем конституционализации¹. Отметим монографию профессора В. И. Крусса², ставшую своего рода итогом его многолетних научных исследований, направленных на постижение конституционно-правовой реальности. Автор поставил перед собой небанальную задачу — предложить основы теории конституционализации, и, надо признать, серьезно продвинулся в формировании развернутого обоснования оригинальной доктрины конституционализации российского права, как внутринациональных, так и наднациональных ее аспектов. В основу понимания конституционализации ученым положено представление о том, что конституция есть право в его инвариантном значении, т. е. содержит в себе ценностно-нормативные смыслы, уже выявленные практикой или же еще не раскрытые и не объективированные, но в любом случае вполне достаточные для всеобъемлющего регулирования общественной жизни. Соответственно, конституционализация в его понимании представляет собой комплексный процесс сущностно-содержательного развертывания, достоверной конкретизации конституционных положений, их регулятивной и правоприменительной экспликации; это одновременно принципное насыщение правовой материи. Раскрывая состав и механизм конституционализации, В. И. Красс сосредоточивается на том, что она если и не носит в полной мере юрисдикционно-опосредованный характер, то во всяком случае решающим образом определяется судебной-юрисдикционной деятельностью.

В общем русле этой же теоретической концепции находится специально посвященное юрисдикционным аспектам конституционализации исследование, в котором предложено предметное выявление роли судебной власти (прежде всего арбитражного правосудия) в конституционном становлении и развитии системы права, предпринята попытка раскрыть судебное опосредование конституционного правопользования, показать направления и меры по оптимизации участия судов в механизме конституционализации для утверждения реального консти-

¹ См.: *Безруков А. В.* Конституционализация правопорядка: сущность, реализация, условия // *Российская юстиция*. 2016. № 5; *Варламова Н. В.* Проблемы конституционализации правопорядка в условиях современных интеграционных процессов // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 2; *Клычев Р. А.* Проблемы взаимодействия социальных регуляторов общественных отношений и перспективы их конституционализации // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 5; *Кравец И. А.* Право конституции в действии: соотношение законодательной и судебной конституционализации правопорядка, обеспечения международных обязательств, прав и свобод // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 12; *Хабриева Т. Я.* Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. № 6.

² См.: *Красс В. И.* Конституционализация права: основы теории.

туционализма¹. На этой основе становится возможным рассматривать концептуально значимые вопросы, связанные с переосмыслением роли судебной власти в механизме демократического разделения властей; выяснением своеобразия современных судебных актов (включая акты арбитражных судов) как особых форм (источников) правовой материи; конституционным преодолением стереотипов позитивистской трактовки правосудия как деятельности, заключающейся исключительно в применении норм положительного права; разрешением усиливающихся в условиях правовой глобализации коллизий актов российской конституционной и европейской конвенционной юрисдикций и т. п.

Появившиеся в последнее время подходы и необходимость их объективного, разумно-критического анализа служат весьма благоприятной предпосылкой и плодородной почвой для полемиического осмысления конституционной ориентации современной правовой жизни общества. Феномен конституционализации — комплексный, многоплановый, междисциплинарный. В центре нашего внимания — *судебно-юрисдикционные факторы интеграции конституции в правовую жизнь общества*, опосредование процесса конституционализации правовой системы правосудием, что приобретает все более существенное значение как в законодательной и правоприменительной практике, так и в системе юридического образования².

Защита правовой свободы, в том числе путем гарантирования разделения властей, составляет, как известно, сердцевину классического конституционализма³, и именно судебная власть по своей природе и назначению непосредственно ориентирована данной целью. Отсюда и ее наиболее важные конституционно-правовые характеристики, позволяющие

¹ См.: Кузьмин А. Г. Конституционализация российского правосудия (арбитражно-судебный аспект): проблемы теории и практики. М., 2016.

² Примечателен в этом отношении, в частности, тот факт, что в условиях существующей двухуровневой модели российского юридического образования в рамках его верхнего, магистерского, уровня профильное изучение с теми или иными акцентами вопросов правосудия обеспечивается соответствующими образовательными программами практически во всех вузах. Например, это магистерские программы: «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура и адвокатура» на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова; «Конституционная юстиция» — на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета; «Судебная защита прав граждан и организаций», «Судебная и иные формы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности» и др. — в Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина; «Юрист в правосудии и правоохранительной деятельности» — на факультете права Высшей школы экономики; «Судебная власть» — на юридическом факультете Южного федерального университета; «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура и нотариат» — в юридическом институте Российского университета дружбы народов.

³ В связи с этим достаточно вспомнить, например, редакцию ст. 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

определить само понятие судебной власти как особой организационно-обособленной государственно-властной функции по разрешению в процессуальной форме, отвечающей требованиям равенства и справедливости, юридических конфликтов и споров о праве и реализации юрисдикционными способами иных публичных задач, осуществляемой на началах самостоятельности и независимости исключительно судебными органами и направленной на защиту и восстановление прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, обеспечение основанного на верховенстве права и конституции нормативного порядка, связывающего взаимной ответственностью личность, общество, государство¹.

Без самостоятельного и независимого правосудия не может быть реального конституционализма, подлинной конституционно-правовой жизни. Эта релевантная современному конституционному правосознанию максима дает наиболее общее, эссенциальное представление о взаимосвязи правосудия и конституционализации, служит исходным методологическим пунктом всего нашего анализа. Конституционализация права, очевидно, носила бы скорее программно-целевой и морально-политический характер без подкрепления надежными институтами судебного гарантирования, осуществления посредством судебной власти универсального правового контроля, включая прежде всего нормоконтроль. В то же время феномен конституционализации имеет более широкие основания в институтах правосудия, не сводится к вопросу дисквалификации юридически дефектных норм, что нуждается в концептуальном прояснении.

В рамках современной научной конституционно-правовой парадигмы и социально-государственных реалий значение суда не может сводиться к роли некоего «глашатая законодателя», утверждающего его волю применительно к индивидуальным обстоятельствам посредством неких программно-процедурных алгоритмов, автоматизирующих работу судьи и во многом предрешающих в каждом деле его определенный исход. В середине XX в. Г. Л. А. Харт ввел для описания свойств права категорию открытой текстуры (*open texture of law*), подчеркивающей, что нормы (законы, прецеденты), востребованные для сообщения общих образцов поведения, содержательно открыты в том смысле, что могут допускать широкое толкование, и это обеспечивает адаптивность права, сохранение работоспособности его функций в

¹ Предлагаая соответствующее определение, авторы учитывают как цели настоящей публикации, так и то, что и в отечественной, и в зарубежной юридической науке понимание категорий «судебная власть», «правосудие», «судопроизводство» весьма неоднозначно. См., например: *Ржевский В. А., Чепурнова Н. М.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998; *Судебная власть* / под ред. *И. Л. Петрухина*. М., 2003; *Судебная власть и правосудие в Российской Федерации* / под ред. *В. В. Ершова*. М., 2011; *Правосудие в современном мире* / под ред. *В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой*. М., 2013.

условиях усложняющейся и ускоряющейся жизни¹. Р. Алекси, развивая этот тезис, обозначил присущие в той или иной степени каждой правовой системе «зоны неопределенности» позитивного права, попадание в которые свидетельствует о наличии сложного случая юридической практики или сложного судебного дела, которые, оставаясь на позициях позитивистской теории, невозможно решить в рамках позитивного права, но они могут быть решены посредством обращения к иным формам бытия права, его принципам, связывающим судью и при отсутствии писаного закона². Это позволяет понять всю ограниченность, несостоятельность представлений о правосудии как механистическом применении общей нормы к конкретному случаю.

Правосудие отнюдь не юридическая бухгалтерия, а творчески-созидательный процесс, учитывающий и невозможность всеобъемлюще вместить в формулу общего правового высказывания решение для каждого конкретного случая; и многообразии факторов социального, политического, экономического и иного характера, формирующих контекст правовой нормы и объективно влияющих на ее реализацию; и динамику социально-правовой системы, в которую вписана и от связей с которой функционально и содержательно зависит подлежащая применению норма; и общественное доверие, которым облечен судья, призванный в своих решениях воплощать свободу внутреннего убеждения, основанного на законодательстве, моральных, культурных и иных императивах общества.

Жизнь, развитие страны требуют корректировки, настройки правовой системы и законодательства, но наше правовое поле меняется, возможно, слишком быстро и порой несистемно, что создает немало угроз, и судейское сообщество, как отметил Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении на IX Всероссийском съезде судей (Москва, 6 декабря 2016 г.), способно повлиять на эту ситуацию, притом что сама стабильность и предсказуемость законов — гарантия качества национальной юрисдикции³. Профессия судьи, по словам Президента РФ, — это «миссия, которая... необходима обществу, конкретным людям, стране в целом». Осмыслению особой роли правосудия в обеспечении устойчивого правового и социально-экономического развития страны существенное внимание было уделено на VII Петербургском международном юридическом форуме (16—20 мая 2017 г.), в ходе которого подтверждена, в частности, приверженность целям повышения доверия к судебной системе как приоритетному направ-

¹ См.: Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Мусеева. СПб., 2007. С. 128—139.

² См.: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лантева. М., 2011. С. 87—88.

³ См.: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 01.12.2016).

лению государственно-правовой политики, от реализации которого напрямую зависят и другие политико-правовые приоритеты — поддержание стабильности гражданско-правовых отношений, прежде всего права собственности как фундаментальной основы современного общества, а также обеспечение целостности правового поля¹.

При осуществлении возложенных на него функций суд формулирует применительно к действующей системе законодательно-нормативного регулирования собственное представление о праве на основании общих, конституционных и иных принципов и ценностей права. Правовые суждения суда, облачаемые в его решения, безусловно, существенно влияют на правообразование, оказывают регулирующий и воспитательный эффект, олицетворяют судебское правотворчество. Судебные органы обеспечивают реализацию опосредованных конституцией и законом важнейших социальных ценностей, и вместе с тем посредством правосудия достигается согласованное формализованное выражение, юридикация актуально востребованных общественных ценностей и национальных интересов.

Особое значение имеет конституционное правосудие, позволяющее не только выявлять достоверный смысл конституционных положений, но и осуществлять нетекстуальное преобразование, развитие конституции как политико-правового, социокультурного явления. Речь идет о постепенном преобразовании конституции под влиянием социально-политических, экономических и иных факторов развития. В условиях нормального течения конституционной жизни и особенно при наличии «жесткой» конституции судебно-конституционное преобразование можно считать приоритетным механизмом конституционного развития и в определенной мере реформирования конституционно-правовой действительности. Одновременно конституционные суды оказывают существенное конституционно-преобразовательное воздействие на текущее законодательство, обеспечивают его конституционную модернизацию. Конституционно-правовое истолкование закона означает, по существу, определение нормативного смысла нормы, в котором она только и может существовать в конституционно-правовой системе, а конституционный суд, реализуя такие полномочия, напрямую вступает в нормотворческий процесс, его решения приобретают нормативно значимый характер. Подобное понимание роли конституционных судов в правотворческом процессе, связанное с их определением как «позитивных законодателей», свойственно многим современным правовым порядкам и было последовательно отражено в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европей-

¹ См.: Выступление Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева на пленарном заседании VII Петербургского международного юридического форума (Санкт-Петербург, 17 мая 2017 г.). URL: <http://government.ru/news/27692>.

ских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.)¹. В связи с этим в Докладе подчеркивается также значение полномочий конституционных судов по устранению пробелов в законодательстве².

Восприятие роли конституционного правосудия в современной России таково, что КС РФ является своего рода хранителем нравственно-этической, метаюридической святости права, чьи «правовые позиции становятся камертоном законодательного процесса, способствуют укреплению гарантий соблюдения прав и свобод граждан»³; он «вносит поистине неоценимый вклад в укрепление и совершенствование отечественной правовой системы»⁴; четко и аргументированно отстаивает ценности, касающиеся уважения государства к личности, достоинству человека, с одной стороны, и заботы граждан о своей стране, взаимной ответственности государства и человека друг перед другом — с другой, из которых вырастает патриотизм⁵.

Одновременно, обращаясь к судебно-юрисдикционным аспектам конституционализации, важно учитывать, что судебная система, служащая институциональным выражением правосудия, сама выступает одним из важнейших объектов конституционно-правового воздействия, и ее функциональный эффект определяется достигнутым уровнем конституционного качества правовой жизни. Суд — зеркальное отражение общества, в котором он существует и развивается, и одновременно он призван оказывать существенное гармонизирующее, преобразовательное влияние на общественные отношения. Именно от качества судебной системы, от профессионализма, порядочности судей, по мнению Председателя КС РФ В. Д. Зорькина, зависит наше движение по пути утверждения верховенства права, принципов правового, социального, демократического государства⁶. Соответственно, судебной системе отводится роль своего рода «главного рычага» других реформ. Но чтобы эта роль была должным образом исполнена, предстоит дать честные и содержательные ответы на обозначенные В. Д. Зорькиным весьма непростые вопросы в отношении существую-

¹ См.: Конституционное правосудие // Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. Вып. 2. С. 105–108.

² Там же. С. 90–95.

³ Выступление Президента РФ В. В. Путина на встрече с судьями КС РФ, приуроченной к 20-летию Конституции РФ (Москва, 13 декабря 2013 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19832> (дата обращения: 01.12.2016).

⁴ Поздравительная телеграмма Президента РФ В. В. Путина в связи с 25-летием КС РФ // Архив КС РФ. 2016.

⁵ См.: Выступление Президента РФ В. В. Путина на встрече с судьями КС РФ (Москва, 6 декабря 2016 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53421> (дата обращения: 01.12.2016).

⁶ См.: Выступление Председателя КС РФ В. Д. Зорькина на IX Всероссийском съезде судей (Москва, 6 декабря 2016 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 01.12.2016).

щей модели правосудия: «Насколько она соответствует общественным ожиданиям и объективным потребностям текущего момента?» Готовы ли мы, и прежде всего сами судьи, «к восприятию правосудия не только как прерогативы государственного контроля за состоянием правоотношений, но и как посредника между обществом и государством в их правовом взаимодействии»? «Насколько соответствуют общественным ожиданиями и запросам сложившиеся модели взаимоотношений между судом и участниками процесса, а также иными “игроками”, остающимися за его формальными рамками (следствие, органы исполнения наказаний, органы исполнения решений и т. п.)?» Насколько судьи в действительности несут «ответственность за формирование негативных стереотипов восприятия судебной системы, в том числе и профессиональным юридическим сообществом»? И, наконец, «движемся ли мы по пути упрочения легитимности судебной власти или, напротив, по пути отчуждения общества от суда и нынешнего правосудия»?¹

Стратегическое значение судебной власти в современной модернизации нашего государства и общества в том, что она призвана гарантировать реальность прав и свобод и одновременно обеспечить действие других ветвей государственной власти в рамках правового пространства Конституции². Еще предстоит в полной мере воплотить на практике четкое понимание того, что без сильной, независимой и ответственной судебной власти сегодня невозможно добиться устойчивого и инновационного социально-экономического развития страны, в основе которого лежит безусловное гарантирование прав собственности и стабильность хозяйственного оборота, добросовестность и взаимное доверие его участников, подкрепляемые действенным правосудием. Следует согласиться, что стабильная и единообразная судебная практика формирует у потенциальных инвесторов разумные, предсказуемые ожидания соответствующего правового регулирования для инвестиций, и в то же время судебное правоприменение выступает индикатором таких проблем правового регулирования, которые нуждаются в исправлении, оно служит поводом для их устранения и совершенствования законодательства³. Исследования показывают корреляцию нагрузки на судебную систему с колебаниями экономической активности⁴. Приме-

¹ Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 439—440.

² См.: Лебедев В. М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 4.

³ См.: Выступление Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева на IX Международном юридическом форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Правовые и судебные механизмы защиты прав инвесторов» (Владивосток, 4 октября 2016 г.). URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=11055 (дата обращения: 01.11.16).

⁴ См.: Алексеевская Е. И. Законы развития судебной системы. М., 2016. С. 86—98.

чательно, что в оценках предпринимательским сообществом факторов, оказывающих сдерживающее влияние на развитие бизнеса, «невершенство судебной системы», не будучи основным, тем не менее вызывает серьезную настороженность: 18% опрошенных рассматривают этот фактор соответственно как «сильно сдерживающий развитие» и как «скорее оказывающий сдерживающее влияние на развитие»¹.

В этом плане далеко не случайно, что состоявшееся на основании поправок к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г.² и принятых в их развитие иных федеральных законодательных актов масштабное преобразование организационного устройства судебной системы путем создания нового Верховного Суда РФ как единого и единственного высшего судебного органа, в чью юрисдикцию вошли не только гражданские, уголовные, административные дела, но и ранее относившиеся к ведению упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ экономические споры и иные дела, рассматриваемые арбитражными судами, было инициировано Президентом РФ в рамках реализации задач по укреплению национальной экономики и повышению гарантий стабильности ведения бизнеса в России³.

Нет сомнений, что объединение двух высших судов не есть завершающий этап судебной реформы. Дальнейшее совершенствование судебной деятельности, как было подчеркнуто Председателем Верховного Суда РФ В. М. Лебедевым, «предполагает развитие всех направлений правосудия»⁴. Судебная реформа неизбежно продолжится. Преобразование организационного устройства судебной системы России объективно связано с серьезным обновлением процессуального законодательства, унификацией процессуально-правовых механизмов, направленных на обеспечение единообразных подходов в правоприменительной практике судов всех видов юрисдикции. Возможно, неожиданным покажется такое следствие упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ, как усиление тенденции, связанной с

¹ См.: Оценка факторов, влияющих на развитие бизнеса. Приложение к Докладу Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей 2014. С. 8 // URL: <http://ombudsmanbiz.ru>.

² См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

³ См.: Выступление Президента РФ В. В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, 21 июня 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/18383> (дата обращения: 01.12.2016).

⁴ Выступление Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева на IX Всероссийском съезде судей (Москва, 6 декабря 2016 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 01.12.2016).

признанием прецедентных начал в нашей правовой системе, ведь расхождение в практике двух систем, ставшие поводом для реформы, теперь Верховный Суд РФ и его Экономическая коллегия преодолевают с помощью разъяснений и решений по конкретным делам. Это с одной стороны. С другой — нужно учитывать, что наличие единого высшего суда общеюрисдикционной компетенции, создавая предпосылки для укрепления его потенциала в судебной системе, объективно осложняет реальные возможности инстанционного контроля в отношении общего (объединенного) массива судебных решений, и развитие судебно-правовых прецедентных начал в российском праве можно считать вполне естественным компенсаторным направлением обеспечения законности и обоснованности судебных решений. Бесспорный факт актуальной конституционно-правовой реальности представляет также вопрос о нормативно-процессуальной основе деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Речь идет о преодолении ситуации, при которой две самостоятельные подсистемы судов ориентированы на одни и те же виды производства, и в связи с этим об инициировании разработки и принятия единого ГПК РФ¹.

При этом нельзя не учитывать, что, как свидетельствует зарубежный опыт, могут существовать различные модели правосудия, включая экономическое. Так, в Германии параллельно действует несколько специализированных судебных систем со своими высшими инстанциями: это не только административные, но и финансовые суды (наряду с судами общей юрисдикции), а также суды по трудовым, семейным спорам. В Англии, напротив, основная масса разнородных дел, в том числе экономических, сосредоточивается в известном лондонском High Court of Justice, одним из подразделений которого является Суд королевской скамьи².

В связи с этим следует учесть, что хотя сегодня идея специализации судебных юрисдикций приобретает в ряде зарубежных стран значение основного направления судебных реформ, специализация в судебной системе может осуществляться как путем учреждения различных видов юрисдикций (институциональная специализация), так и

¹ См. об этом, например: Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М. А. Рожковой. М., 2015.

² См. об этом, например: Казачкова З. М., Быкодорова Л. В. Специализированные судебные органы по разрешению экономических споров: российский и зарубежный опыт организации // Российская юстиция. 2014. № 9; Верякина М. Н. Правовое регулирование экономических деликтов в английском праве: побуждение к нарушению договора и неправомерное вмешательство в осуществление экономической деятельности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 2.

путем учреждения специализированных компетенций внутри этих юрисдикций (функциональная специализация)¹. Поэтому главное не в организационных формах, а в реальных возможностях влияния судебной системы на обеспечение стабильного, эффективного и взаимосогласованного функционирования конституционных институтов российской государственности, на правовую жизнь общества. И здесь надо признать, что современная российская судебная система еще далека от своего оптимального состояния, сам ход судебной реформы свидетельствует о наличии сопровождающих ее отрицательных тенденций². Одним из показателей служит устойчивое восприятие судебной системы обществом, демонстрирующее признаки кризиса доверия.

Не может не вызывать чувство обеспокоенности и нуждается в самом тщательном объективном осмыслении тот факт, что *доверие к судебной системе*, по данным ведущих социологических институтов, находится в последние годы примерно на одном уровне, который в настоящее время по наиболее оптимистическим оценкам составляет немногим более 38%³ (по другим данным — 22%⁴), и это при том, что сопоставимое или даже большее число респондентов заявляют о недоверии в той или иной степени к судебной системе. В частности, по данным ВЦИОМ, не доверяет судебной системе 41% населения, а по версии Левада-Центра — более 60% (39% респондентов полагают, что суд «не вполне заслуживает доверия», 23% — что «совсем не заслуживает доверия»). Социологические замеры, проведенные Фондом «Общественное мнение», показывают, что, хотя число лиц, оценивающих деятельность судов и судей в целом отрицательно, с октября 2004 г. по февраль 2017 г. снизилось, по данным Фонда, с 46% до 34%, распро-

¹ См.: *Замышляев Д. М.* Виды судебных юрисдикций: сравнительно-правовой и исторический подход: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 12; *Кистринова О. В.* Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // *Российский судья*. 2015. № 2.

² См.: *Барцевский М., Торнуков А.* Сам себе судья // *Российская газета*. 2012. 14 февр.; *Жуйков В. М.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 6—8; *Морщакова Т. Г.* Судебная власть в России: перспективы развития (Лондон, 27 июля 2016 г.). URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/3391/> (дата обращения: 01.12.2016); *Шаблинский И. Г.* О конституционном кризисе и модернизации (некоторые важные выводы русских исследователей) // *Вопросы правоустройства*. 2016. № 2.

³ См.: Государственные и общественные институты: оценки деятельности. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3250 от 24 ноября 2016 г. по итогам опроса, проведенного 19—20 ноября 2016 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115964> (дата обращения: 01.12.2016).

⁴ См.: Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. М., 2016. С. 19; Институциональное доверие. Пресс-выпуск Левада-Центра от 13 октября 2016 г. по итогам опроса, проведенного 23—26 сентября 2016 г. URL: <http://www.lewada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/> (дата обращения: 01.12.2016).

страненность в целом положительной оценки возросла только на 6% и в настоящее время составляет не более 32%¹. Тот же опрос показал, что устойчиво широким является представление о коррумпированности судейского корпуса: 67% опрошенных в октябре 2004 г. и 56% опрошенных в феврале 2017 г. заявили о том, что, по их мнению, «большинство российских судей берут взятки». В связи с этим вряд ли может удивлять (хотя и обескураживает) увеличение с 38 до 45% числа граждан, полагающих, что «суды в своей деятельности должны быть подконтрольны руководству страны» (такое же число тех, кто придерживается мнения о том, что «суды в своей деятельности должны быть независимы от руководства страны»).

Не случайно поэтому обращение в суд рассматривается в качестве наиболее действенного способа защиты своих прав, законных интересов относительным большинством граждан (41%), которое лишь незначительно превосходит соответствующую оценку обращений к Президенту РФ (38%), в прокуратуру (36%) или в СМИ (32%). По мнению 54% россиян, обращаться в суд следует только в крайнем случае — если иными способами защитить свои права, отстоять законные интересы не удастся².

Порой можно встретить успокаивающие комментарии подобных показателей, основанные на том, что полярность приведенных оценок якобы во многом обусловлена и как бы предрешена самим характером правосудия, в результате которого одна сторона выигрывает, а другая, напротив, остается проигравшей. Но попытка отождествить неудовлетворенность итогами конкретных судебных процессов с недоверием к судебной системе в целом, имеющим ценностно-институциональное значение, наивна и опрометчива, чревата опасным уходом от действительности. Подлинная вера в силу правосудия подразумевает, что ее разделяют не только законопослушные граждане. Фундаментальное значение суда в том, что это цивилизованная форма преодоления социальных конфликтов, споров на основе обоюдного признания итогов их разрешения, которые хотя и воспринимаются, очевидно, по-разному в субъективно-эмоциональном плане в контексте личного успеха или неудачи, тем не менее не ставятся под сомнение в плане объективной, процедурной и содержательной справедливости. Как бы то ни было, социальная база проведенных исследований никак не ограничивается кругом тяжущихся, и полученные социологические данные призваны отразить репрезентативное мнение.

¹ См.: Репутация судов и судей. На основе опроса, проведенного 19 февраля 2017 г. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13239> (дата обращения: 01.04.2017).

² См.: Защита прав и обращение в суд. На основе опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 19 февраля 2017 г. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13252> (дата обращения: 01.04.2017).

Реалии таковы, что средневзвешенный рейтинг доверия к судебной системе на сегодняшний день ниже, чем у армии, религиозных и общественных организаций (прежде всего Русской Православной Церкви), правоохранительных органов и СМИ, и этот факт нельзя игнорировать. Негативное представление о судах и судьях, как правильно подчеркивается, может иметь разрушительный эффект, поскольку поддерживает популярные стереотипы, сложившиеся в отношении судей, ограничивая влияние на общественное мнение того прогресса, который был достигнут в области судебной реформы, и может стать неким самореализуемым пророчеством, позволяющим некоторым работникам судов оправдывать свое участие в противоправной деятельности, а также помешать отдельным судьям в вынесении приговоров и решений, являющихся нетрадиционными или неоднозначными, и ограничить их беспристрастность¹.

Немаловажно учесть, что недоверие, испытываемое в отношении судебной системы, тесно связано с оценками в общественном сознании существующих в функционировании судебной власти отклонений от институциональных принципов правосудия, и прежде всего от конституционного равенства перед законом и судом. Около половины россиян (48%) считают, что уклонение некоторых граждан от ответственности за нарушение закона — это массовое явление в нашей стране (причем наиболее категоричны в своих суждениях молодые люди от 18 до 34 лет, среди которых почти 55% называют подобные нарушения массовыми); чаще других, по мнению респондентов, избегают правосудия богатые (38%), чиновники и депутаты, их дети и родственники (38%), а также золотая молодежь (6%) и бизнесмены и олигархи (6%)². Вероятно, именно в этом следует искать основные предпосылки негативного восприятия населением судебной системы, не всегда способной обеспечить справедливость.

В этом плане чрезвычайно важно осознавать, что реализация насущных задач реформирования в судебной-правовой сфере носит не узкоотраслевой, профилированный характер, а имеет конечный и непосредственный выход на решение вопросов действенности, эффективности всей системы взаимосвязанных институтов конституционного строя. Сегодня на повестке дня развития судебной системы стоят многие важные вопросы, в том числе нашедшие отражение в постановлении IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Фе-

¹ См.: *Соломон Питер Г. (младший)*. Угроза судебной контрреформы в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3 (52). С. 57.

² См.: Неравенство перед судом и как с ним бороться? Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3149 от 11 июля 2016 г. по итогам опроса, проведенного 11–12 июня 2016 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115769> (дата обращения: 01.12.2016).

дерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе»¹. Здесь можно обозначить прежде всего следующие проблемы: а) формирование оптимальных кадровых и процедурных механизмов комплектования судейского корпуса; б) укрепление институциональных и материально-финансовых гарантий независимости судей; в) стимулирование конкурентоспособности и преодоления оттока кадров в рамках службы в аппаратах судов; г) развитие демократических начал организации судебной власти; д) обеспечение равнодоступности правосудия в сочетании с процессуальной эффективностью, гарантирующих оперативность судебной защиты в условиях оптимальной, не чрезмерной рабочей нагрузки на судью; е) последовательное претворение в жизнь состязательных начал правосудия и в связи с этим преодоление известных негативных тенденций, проистекающих из сохраняющейся правоохранительной детерминации судебной деятельности, прежде всего уголовно-процессуальной; ж) гарантирование правовой определенности, стабильности судебных решений во взаимосвязи с наличием эффективных механизмов исправления судебных ошибок, а также достижение и поддержание высокого уровня исполнительской дисциплины применительно к судебным актам. Обеспечение в рамках реализации этих и иных им подобных актуальных задач функционирования судебной власти в организационных формах и процедурах, отвечающих современным стандартам правосудия и рационально соотносимых с правовыми потребностями конкретного этапа развития страны, — *вопрос конституционной безопасности личности, общества, государства.*

Продолжающаяся в нашей стране комплексная судебная реформа вызвала и вызывает широкие дискуссии в научно-экспертных кругах², что в полной мере относится и к изменениям, затронувшим конституционно-нормативные характеристики судебной системы в виде

¹ См.: URL: <http://www.ssrf.ru/page/22596/detail/> (дата обращения: 01.12.2016).

² См., например: *Алексеевская Е. И.* Судебная реформа в фокусе экономических циклов // *Право и экономика.* 2015. № 7; *Жуйков В. М.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006; *Козьявин А. А.* Судьба судебных реформ в России: век XIX и век XXI // *Актуальные проблемы российского права.* 2014. № 4; *Кашепов В. П.* и др. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы: монография / отв. ред. *В. П. Кашепов.* М., 2016; *Полудняков В. И.* Современная российская судебная реформа: на пути в мир правосудия. СПб., 2002; *Попова А. Д.* Фемида в эпоху преобразований (судебные реформы 1864 г. и рубежа XX—XXI вв. в контексте модернизации). М., 2009; *Радченко В. И.* Судебная реформа в Российской Федерации: некоторые теоретические и практические проблемы. М., 1999; *Судебная реформа в прошлом и настоящем.* М., 2007; *Судебная реформа: проблемы и перспективы* / отв. ред. *Б. Н. Топорнин, И. Л. Петрухин.* М., 2001; *Шамигулин Л. Л.* Новый этап судебной реформы: суть, побудительные причины и ожидаемые результаты // *Российский судья.* 2015. № 6; *Шахрай С. М., Краковский К. П.* Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. М., 2014.

ее реорганизации¹. Очевидно, реформирование судебной сферы нуждается в точных ориентирах, с тем чтобы судебная-правовая политика, стремящаяся (притом вне зависимости от конкретного национально-исторического контекста) наполнить нормативно-правовые требования практической целесообразностью, служила выражением конституционализации судебной власти и обеспечивалось в ходе преобразований согласование принимаемых решений с фундаментальными ценностно-нормативными началами, лежащими в основе нашего конституционного строя, в том числе в их исторически сложившемся восприятии. Следует учитывать, что современная российская судебная система является во многом уникальной; она вобрала в себя черты многих организационных систем, в том числе американской и континентальной². Необходимо согласиться, что сегодня, вероятно, назрела необходимость разработки программного документа, в котором на основе добротной научной концепции должна быть зафиксирована максимально ясно сформулированная цель реформаторских преобразований (а равно этапные, промежуточные цели) и обеспечены всеобъемлющие изменения во всех составляющих судебной власти, включая звенность и структуру судебной системы, процедуры осуществления правосудия, качественные характеристики судей и т. п.³

По смыслу правовой позиции КС РФ, организационное устройство судебной власти отражает необходимость создания для достижения фундаментальных целей, провозглашенных многонациональным народом Российской Федерации при принятии Конституции, организационно-правового механизма, который позволял бы обеспечивать наиболее результативное достижение этих целей на каждом конкрет-

¹ См., например: *Бланкенагель А., Левин И. Г.* Новый Верховный Суд Российской Федерации — решение мнимо существующих старых или создание новых проблем? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3; *Ермошин Г. Т.* Объединение высших судов: еще одна судебная реформа или реализация накопленного опыта? // Российский судья. 2013. № 11, 12; *Клеандров М. И.* Объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов Российской Федерации и конфигурация судейского сообщества // Журнал российского права. 2013. № 9; *Мещерякова А. Ф.* Объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как направление развития судебной реформы и процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 7; *Фоков А. П.* Объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: «за» и «против» // Российский судья. 2013. № 8; *Чупилкина А. Ф.* Объединение двух высших судов: целесообразность конституционной и судебной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3; *Ярков В. В.* Объединение высших судов: ожидания и последствия // Закон. 2014. № 3.

² См.: *Лебедев В. М.* Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М., 2000. С. 95.

³ См.: *Клеандров М. И.* Конституция, судебная власть и юридическая наука // Вестник Конституционного совета Республики Казахстан. 2016. № 29. С. 84.

ном этапе развития российской государственности¹. При всей заманчивости и определенной полезности проблемно-ориентированного подхода, в рамках которого за исходный момент для преобразований в судебной системе принимается — в противовес некоторому «абстрактному идеалу» — ее существующее состояние и проблемы, препятствующие реализации на практике права граждан на судебную защиту², нельзя упускать из виду то, что реализация судебной реформы, в том числе по отдельным направлениям и в связи с конкретными институтами, предполагает в своей основе необходимость поиска аксиологического баланса, методологические, содержательные и иные характеристики которого определяются не умозрительным, а конституционным идеалом.

¹ См. абз. 2 п. 3.1 мотивировочной части определения КС РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-О.

² См.: *Бочаров Т.* и др. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Ч. I. СПб., 2016.

2. Конституционализация правовой жизни — посредством правосудия

2.1. Суд в правовой жизни общества

Реализация прямого действия Конституции в режиме ее верховенства является одной из наиболее важных, концептуально значимых проблем современного конституционализма. Бесспорно, Конституция сегодня — одна из основополагающих ценностей правовой жизни личности, общества и государства¹. Однако верно и то, что при декларируемой приверженности фундаментальным конституционным принципам как общераспространенному символу веры демократического общества и своего рода основе правового этикета современной цивилизации в реальной общественно-политической повседневности регулирующее воздействие Конституции может быть невелико. Но виновата ли в этом сама по себе Конституция? Заслуживает внимания и глубокого осмысления высказанное в связи с этим замечание Председателя КС РФ В. Д. Зорькина о Конституции: у нас может быть «много претензий к ней, но она имеет еще больше претензий к нам»². «Претензии со стороны Конституции» к нам касаются тех факторов, которые влияют на ее реализацию, определяют воплощение Конституции в правовой жизни. При всем многообразии этих факторов нельзя не признать, что одним из приоритетных, наиболее значимых в их числе является *судебно-юрисдикционное обеспечение охраны и гарантирования Конституции* как жизнеспособного, эффективного инструмента консолидации общества и его устойчивого правового развития.

Обращаясь к анализу вопросов, связанных с конституционной ролью суда в современном обществе, в методологическом плане чрезвычайно важно прежде всего акцентировать внимание на том, что как таковой институт суда, правосудия является неотъемлемой составной

¹ В то же время вряд ли есть безусловные основания характеризовать конституцию — любую, независимо от того, является она, например, реальной или фиктивной, демократической или антидемократической, — в качестве «высшей правовой ценности» (см.: *Кабышев В. Т.* С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М., 2013. С. 11).

² *Зорькин В. Д.* Правовой путь России. М., 2014. С. 47.

частью общих культурных традиций права, одним из важнейших элементов общего правового наследия, достоянием современной правовой цивилизации. Будучи властной формой разрешения споров и конфликтов между людьми, суд представляет собой, как тонко подметил Г. В. Мальцев, социальный архетип, универсальное явление, возникающее у каждого народа спонтанно в ходе относительного усложнения внутренних связей и структур, а архаические формы суда, зародившиеся на стадии родоплеменного строя, основывались на судебном авторитете вождей, старейшин¹. При этом издревле правосудию придавалось особое значение в системе организации общества, что получило отражение, например, в известной римской формуле «*justitia regnorum fundamentum*» («правосудие — основа государства»). Выдающийся русский юрист А. Ф. Кони так объяснял существо этой идеи, подчеркивая смысловое единство правосудия и справедливости: «Там, где идет дело об отношениях целого общества к своим членам, об ограничении их личной свободы во имя общего блага и о защите прав отдельных лиц», «справедливость должна находить себе выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже оно всматривается в жизненную правду людских потребностей и возможностей, — и в правосудии, осуществляемом судом, который тем выше, чем больше в нем живого, а не формального отношения к личности человека. Вот почему — *justitia fundamentum regnorum!*»².

Это позволяет лучше понять причины того, что сегодня юрисдикционный потенциал суда оказывается все более востребован как признаваемая всеми ценностная основа урегулирования конфликтов и воспроизводства общественного доверия в условия нарастающих социальных, культурных, этнических, конфессиональных, геополитических и иных подобных разногласий.

Влияние судебной власти на современное общество чрезвычайно многогранное и отнюдь не сводится к одним правоприменительным моментам. Роль суда, определяемая в современном правовом государстве прежде всего необходимостью обеспечить защиту прав граждан и самого права от любых правонарушающих действий и решений, от кого бы они ни исходили — от должностных лиц, обладающих властными полномочиями, от государства в целом, т. е. обеспечить господство права³, предполагает, что именно суд — в условиях умножащихся друг друга бюрократического кризиса государственности и кризиса традиционных институтов публичного представительства — несет существенное бремя ответственности за поддержание конституционно-

¹ См.: *Мальцев Г. В.* Культурные традиции права. М., 2013. С. 243.

² *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. 4: Публичные чтения и речи. Ревель; Берлин, 1923. С. 4.

³ См.: *Лебедев В. М.* Указ. соч. С. 4.

правового режима, становится, пожалуй, основным проводником конституционных принципов, ценностей, норм во всей общественной и государственной жизни, обеспечивая цивилизованное, на основе формально равного масштаба свободы разрешение юридических споров, конфликтов, коллизий, связанных с жизненно важными социально-экономическими, экологическими, национально-культурными, конфессиональными, административно-политическими и иными интересами.

Воздействие институтов правосудия на современную правовую жизнь приобретает всеобъемлющий характер, и одновременно судебная жизнь «вписывается» в жизнь общества и человека¹. Судебная жизнь — явление особой формы правовой жизни, которая может выражаться в судебных актах и непосредственно демонстрирует особенности и качество судебно-правового развития общества, соответствующее отношение субъектов к судебным органам и степень судебной защиты².

Само понятие *правовой жизни* носит широкий, многоплановый, комплексный характер. Не вдаваясь в обсуждение разнообразных существующих доктринальных подходов к этой проблематике³, полагаем необходимым в свете рассматриваемой темы обратить внимание прежде всего на следующие моменты.

Во-первых, правовая жизнь не исчерпывается жизнью самого по себе права, а характеризует правовые начала существования, развития всех сфер экономической, социальной, культурной, государственной, общественной жизни, которые прямо или косвенно испытывают на себе правовое воздействие.

Во-вторых, понятие правовой жизни может рассматриваться как интегративная категория правопонимания, отражает как позитивистскую, так и натуралистическую, в том числе социопсихическую, мировоззренческую, стороны права в его неразрывной связи с иными социокультурными факторами бытия общества — она (правовая жизнь) не сводится к законосообразной жизни, к законности, и даже исторически предшествует формализованному законным образом праву, но именно посредством закона правовая жизнь обретает безусловно необходимые формальные гарантии определенности, разумной стабиль-

¹ См.: *Мурадьян Э. М.* Судебное право. СПб., 2007. С. 64—65.

² См.: *Малько Е. А., Семикина С. А.* Судебные акты как средство упорядочения и реализации судебной жизни // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 7.

³ См., например: *Малько А. В.* Политическая и правовая жизнь России. М., 2000; *Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект* / под ред. *Н. И. Матузова, А. В. Малько.* Саратов, 2005; *Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики* / под ред. *А. В. Малько.* М., 2016; *Орлов К. А.* Правовая жизнь. Екатеринбург, 2016; *Скурко Е. В.* Философия права и правовая жизнь. М., 2011; *Лукашева Е. А.* Мифологизация политической и правовой жизни. М., 2015.

ности, предсказуемости и системной организованности, может реализоваться во всей своей силе и полноте. Соответственно, закон призван служить выражением развивающейся правовой жизни, а она не должна приобретать противозаконные формы существования.

В-третьих, Конституция — не только основополагающий, исходный нормативный инструмент (средство) налаживания, развития правовой жизни, а это прежде всего ее главный источник, имеющий одновременно позитивно-правовое и естественно-правовое значение, чья энергия, питающая всех субъектов права, сберегается, аккумулируется и умножается прежде всего посредством правосудия, которое обеспечивает конституционно адекватную соотносимость между правом, в его конституционном опосредовании, и законом, выражающим политическую волю государства, между позитивной правовой нормой и общественной реальностью. В этом плане правовая жизнь отражает все многообразие правовой организации общества, обнаруживает фундаментальную цель права, которую известный российский философ и правовед И. А. Ильин выразил очень точно, емко и просто — «установить совместную жизнь людей таким образом, чтобы на столкновение, взаимную борьбу, ожесточенные споры тратилось как можно меньше душевных сил»¹.

Институты правосудия обеспечивают устойчивую обратную связь публичной власти и гражданского общества, способствуют реальному, результативному приобщению граждан как ассоциированных участников народного суверенитета к механизму государственного правотворчества посредством влияния на формирование адекватного конституционно значимым публичным и частным интересам порядка применения норм права, равно как и блокирования итогов нормотворческой деятельности, отступающих от Конституции. Следует согласиться, что вопрос о том, какова роль суда в современном обществе, в частности, оценка того, что суды все в большей степени вовлекают в аргументацию по рассматриваемым делам, помимо собственно нормативного анализа, иные факторы и обстоятельства, характеризующие в широком смысле объективный социальный контекст и ценности, разделяемые обществом². Хотя судебная активность такого рода может встретить настороженное к себе отношение в свете необходимости для суда решать только вопросы права и проявлять политическую нейтральность, нельзя не учитывать, что возрастающее влияние суда на жизнь общества не может не коррелировать с влиянием на су-

¹ Ильин И. А. Порядок или беспорядок? М., 1917. С. 24.

² См.: Егоркин С. К вопросу о роли судов в обществе. URL: https://zakon.ru/blog/2015/4/29/k_voprosu_o_rol_i_sudov_v_obshestve (дата обращения: 01.11.16).

дебную деятельность общественного мнения в духе процессов демократизации.

Участие институтов правосудия в решении конституционно значимых вопросов правовой жизни носит объективный и существенный характер, обеспечивается не только через непосредственное погружение соответствующих институтов в функционирование и корректировку юридической практики, но и посредством: а) формирования и развития правовой доктрины Российского государства и общества; б) реализации целей по правовой охране Конституции и конституционной охране правовой системы в целом; в) правовоспитательного, идеологического воздействия на правосознание общества, формирования правомерных установок индивидуальной психики субъектов правоотношений путем отстаивания высшего авторитета права и Конституции, укрепления доверия к ним.

Конституция признает судебную власть одной из основ конституционного строя и равноценной (равновеликой) с другими организационной составляющей системы разделения властей (ст. 10, ч. 1 ст. 11 в нормативном единстве с ч. 2 ст. 15), а право на судебную защиту — как абсолютное, не подлежащее каким-либо ограничениям (ст. 46). Это предполагает, что именно и только суд окончательно и на основе общеобязательности решает все споры о праве, но и установление того, что собственно есть право, — поскольку такова необходимая предпосылка решения спора о нем, — не может быть выведено за рамки прерогатив судебной власти. При этом речь не идет лишь об отыскании судом применимой нормы в системе действующего законодательного регулирования: ни неясность подлежащих применению норм, ни даже их отсутствие — ничто не может служить оправданием отказа в правосудии. Но и применяя норму, суд не оказывается в положении только глашатая законодателя, поскольку в равной мере с законодателем связан публичными и частными ценностями конституционного строя, от которых, даже опираясь на закон, не может отступить. Позиция судьи должна восходить к Конституции (ч. 1 ст. 120), она содержательно определяется императивом прав человека, обеспечение непосредственного действия которых Конституция напрямую связывает с правосудием (ст. 2, 18).

Судебные органы интегрированы в механизм народовластия, одновременно по своему конституционному предназначению они служат решающим гарантом того, что текущая организационная основа и функционирование этого механизма будут соответствовать основам конституционного строя. Они же определяют в конкретизированном виде нормативное содержание конституционно-статусных характеристик человека как равноправного участника конституционного правоупотребления, носителя ценностей правовой демократии и тем са-

мым призваны решающим образом утверждать примат достоинства личности во всех сферах, включая взаимоотношения с государством, с которым человек может спорить в лице любых его органов. Именно с судебной деятельностью в своей основе связано претворение в жизнь понимания непосредственного действия основных прав и свобод как оказывающих в общей системе конституционного регулирования сквозной эффект, в том числе на горизонтальные отношения, в связи с чем правосудие способствует и укоренению конституционных ценностей в качестве реального основания и предела в отношении и публичного властвования, и гражданской самоорганизации, и правомерного поведения как такового.

В итоге это предполагает, что именно институты правосудия призваны оказывать определяющее воздействие в процессе обеспечения прямого действия Конституции в режиме ее верховенства, при котором юридическая самоценность Конституции как непосредственного регулятора общественных отношений и безусловность ее реализации наличием детализирующих норм в текущем законодательстве объективируется через конституционно обусловленное судебное усмотрение, служащее не одной формальной дискрецией, а, напротив, прежде всего обязыванием к разрешению правовых споров (конфликтов) судьей, руководимым правовой совестью, в неприменном достоверном соотношении релевантных конкретному делу отраслевых норм права с конституционными принципами и нормами.

2.2. О судебной конституционализации: национальные и международно-правовые основы

Особая конституционная роль судебной власти в условиях современной правовой жизни характеризуется специфическими национально-историческими предпосылками и условиями становления и развития судебно-юрисдикционных институтов, что одновременно является выражением универсальной цивилизационной ценности правосудия и получает закрепление на уровне международных универсальных и региональных правовых стандартов.

Признание того, что на суды возложена роль «по поддержанию конституционализма и правопорядка» и что от надлежащего отправления правосудия «целиком зависит осуществление всех иных прав», составляет основу Бангалорских принципов поведения судей (абз. 5—6 преамбулы)¹. Миссия судебной власти, провозглашенная в подго-

¹ См.: Бангалорские принципы поведения судей, одобренные резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г. // Резолюции и решения Экономического и Социального Совета. Экономический и Социальный Совет: официальные отчеты, 2006 г. Дополнение № 1. Нью-Йорк, 2007. С. 82—88. URL: <https://>

товленной Консультативным советом европейских судей Великой хартии судей (*Magna Carta of Judges*), — гарантировать существование верховенства права и, таким образом, надлежащее и беспристрастное применение закона справедливым честным и эффективным способом (п. 1)¹. В документе Консультативного совета подчеркивается также, что судьи выполняют жизненно необходимые обязанности в каждом демократическом обществе, которое уважает принцип верховенства права², а суд является надлежащим форумом для установления законных прав и обязанностей, урегулирования споров по их поводу³. Акцент делается и на том, что судебная власть выполняет серьезные задачи по отношению к двум другим относящимся к системе разделения властей институциональным основам современного демократического общества, а именно обеспечивает ответственность правительств и органов государственного управления за свои действия, а также в отношении законодательной власти участвует в процессе исполнения соответствующим образом принятых законов и в большей или меньшей степени в том, чтобы обеспечить соответствие этих законов всем положениям конституции или права более высокого уровня (как, например, права Европейского Союза)⁴.

Распространение современных подходов к роли суда в обществе не ограничивается странами западной традиции права, а носит в целом универсальный характер, что, впрочем, не отрицает принципиальной необходимости учета обусловленности национальных типов судопроизводства культурно-историческими типами обществ (цивилизаций). Вполне резонно это можно рассматривать как объективный процесс во взаимосвязанном и взаимообусловленном современном мире, поскольку, как верно замечено, правопорядок в обществах на стыке разноплановых интересов и потребностей различных в социальном, на-

documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/457/34/PDF/N0745734.pdf?Open Element (дата обращения: 01.11.16).

¹ См.: *Magna Carta of Judges (Fundamental Principles)*. Consultative Council of European Judges, Strasbourg, 17 November 2010, CCJE (2010)3 Final. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/Greco/evaluations/round4/Magna%20Carta%20Judges%20CCJE%202010%20_EN.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

² См. п. 4 Заключения № 17 Консультативного совета европейских судей «Об оценке работы судей, качества правосудия и соблюдения принципа независимости суда» (CCJE(2014)2) (Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2015. № 3 (15). С. 114—127).

³ См. п. 8 Заключения № 17 Консультативного совета европейских судей «По вопросу правосудия и общества» (CCJE(2005) OP № 7) (Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2014. № 4 (04). С. 108—119).

⁴ См. п. 11 Заключения № 1 Консультативного совета европейских судей «О стандартах независимости судебных органов и несменяемости судей» (CCJE (2001) OP № 1) (URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1053125&Site=COE&direct=true> (дата обращения: 01.12.2016)).

циональном, религиозном отношении групп возможен только на основе равного, беспристрастного судопроизводства и соответствующих гарантий для участников процесса, а в условиях, в частности, исламского мира адекватное восприятие соответствующих процедур и гарантий мусульманским большинством должно быть обусловлено тем, что они имплицитно содержат в себе фундаментальные принципы шариата, чаще всего упоминаемые в Коране, — польза и справедливость¹. Социокультурный контекст, накладывающий свой отпечаток на восприятие правосудия, суда, судебной системы и процесса, связан, например, в азиатских обществах с такими чертами, как семейственность, связь личных отношений с деловыми и, соответственно, зависимость деловых обязательств от личных, традиционное, на уровне культуры неприятие контроля старших со стороны младших по социальному или семейному положению, так называемая кооперативность в иерархических и партнерских отношениях, подменяющая контракт, определяемый конфуцианством этикоцентризм, примат публичных интересов перед частными, обязанностей перед правами — все это обосновывает как ориентацию на примирительные внесудебные процедуры, так и известное неприятие в отношении формально-рационализированного, процедурного, лишённого материальной связи с этическим пониманием справедливости судопроизводства².

Представление о неразрывной связи правосудия и конституционной государственности, прав человека является, безусловно, стержневой идеей всего современного конституционализма³. Так, в качестве исходной, базовой идеи Принципов независимости судейства в Азиатском регионе (приняты в Пекине 19 августа 1995 г.) закреплено положение о том, что «судейство является наиболее ценным институтом в каждом обществе» (п. 1)⁴. Право на справедливый суд получило закрепление, помимо прочих документов, в ст. 8 Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г.⁵, а Африканская хартия прав человека и народов от 26 июня 1981 г.⁶, признавая право на рас-

¹ См.: *Зайцева Е. В.* Конституционно-правовое развитие мусульманских государств (на примере Исламской Республики Пакистан, Королевства Саудовская Аравия, Республики Судан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 26—27.

² См. подробнее: *Михалева И. В.* Функционирование национальной судебной системы Республики Корея в контексте политических процессов середины XX — начала XXI века // Ойкумена. 2010. № 3.

³ См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. *Т. Г. Морщаковой.* М., 2012.

⁴ См.: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31033389 (дата обращения: 01.11.16).

⁵ См.: Международные акты о правах человека: сб. док. 2-е изд. М., 2002. С. 867—886.

⁶ Там же. С. 887—899.

смотрение дела в разумные сроки беспристрастным судом (п. d ч. 1 ст. 7), дополнительно оговаривает, что государства — участники Хартии обязаны гарантировать независимость суда и разрешают учреждение и улучшение соответствующих национальных институтов, призванных развивать и защищать права и свободы, гарантированные Хартией (ст. 26).

«Особую», даже «выдающуюся» роль судебной власти и права на справедливое судебное разбирательство в демократическом обществе подчеркивает в своей практике Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ)¹, оставляя при этом немалый простор усмотрения национальным властям во всем, что касается организации судебной власти: ни ст. 6, ни иные положения Конвенции, по мнению ЕСПЧ, «не обязывают государства соблюдать какие-либо теоретические конституционные понятия при установлении пределов взаимодействия ветвей власти. Вопрос всегда заключается в том, соблюдены ли требования положений Конвенции»².

Положения, особым образом акцентирующие фундаментальное значение правосудия для конституционного правопорядка, можно обнаружить и в конституционных (учредительных) актах зарубежных стран. Весьма примечательной является в этом отношении преамбула Конституции США, в которой «установление правосудия» провозглашено как одна из отправных идей, определяющих целеполагание и смысл всего конституционного права; правосудие рассматривается не только среди элементов в системе неделимых основ конституционного строя, но и как необходимая предпосылка и условие реализации всех прочих провозглашенных в преамбуле целей, включая гарантирование внутреннего спокойствия, содействие всеобщему благоденствию, закрепление благ свободы. Конституция Республики Индонезия подчеркивает значение принципов правосудия как конституционной основы организации национальной экономики (ч. 4 ст. 33). Конституция Королевства Бутан содержит известную в конституци-

¹ См., например, § 34 Постановления ЕСПЧ от 26 апреля 1995 г. по делу «Прагер (Prager) и Обершлик (Obershlik) против Австрии» (жалоба № 15974/90) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57926> (дата обращения: 01.11.16)); § 99 Постановления ЕСПЧ от 8 июня 2006 г. по делу «Вош (Wos) против Польши» (жалоба № 22860/02) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75719> (дата обращения: 01.11.16)); § 128 Постановления ЕСПЧ от 23 апреля 2015 г. по делу «Морис (Morice) против Франции» (жалоба № 29369/10) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154265> (дата обращения: 01.11.16)); § 63 Постановления ЕСПЧ от 23 июня 2016 г. по делу «Бака (Baka) против Венгрии» (жалоба № 20261/12) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163113> (дата обращения: 01.11.16)).

² См., например, § 29 Постановления ЕСПЧ от 22 июня 2004 г. по делу «Пабла Ку (Pabla Ky) против Финляндии» (жалоба № 47221/99) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61829> (дата обращения: 01.11.16)).

онной доктрине, но по-своему уникальную для актов подобного рода формулу: Верховный Суд объявлен «хранителем Конституции» (ч. 11 ст. 1).

Особое значение, придаваемое судебной власти, обосновывается пониманием правосудия в качестве содержательной характеристики верховенства права, лежащего в основе конституционного правопорядка и подразумевающего, что ни политическая воля, ни действия частных лиц не могут умалять достоинство личности и каждый вправе добиваться защиты своих интересов. Комитет по правам человека рассматривает право на равный доступ к суду и справедливое судебное разбирательство как «процедурное средство обеспечения верховенства права»¹. В документах Венецианской комиссии правосудию, как составляющей верховенства права, придается не только формальный, но и субстантивный смысл². Но важно и то, что сама доктрина верховенства права имеет историческое происхождение в «зале суда». Примечательно, что в условиях современного европейского конституционализма консолидированное понимание верховенства права с включением в его состав, в частности, независимости судебной власти и справедливого правосудия формируется именно через правосудие в лице ЕСПЧ³.

Следует учитывать, что хотя становление доктрины верховенства права обычно связывается прежде всего с англосаксонской правовой средой⁴, идея дуализма закона и права, исходная для этой доктрины, имеет стержневое значение для европейской правовой культуры в целом и формирующихся в ней представлений о судебной власти. Суд, рассматриваемый в контексте европейской правовой культуры, призван хранить верность еще римской формуле «*jus est ars boni et aequi*» и потому не может быть ограничен по своему функциональному назначению лишь положением независимого арбитра, неизбежно приобретая более существенный статус, связанный с направляющим, ориентирующим воздействием на государственно-правовую систе-

¹ См. п. 2 Замечания общего порядка № 32 Комитета по правам человека: «статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство». 23 августа 2007 г. Документ ООН CCPR/C/GC/32. Пункт 2 (URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 01.11.16)).

² См. п. 16, 41, 54 Доклада о верховенстве права, утвержденного Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.) (URL: [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 01.11.16)).

³ См.: *Нуссбергер А.* Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2.

⁴ См.: Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. *В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм*. М., 2013.

му¹. В классической исламской правовой доктрине, приверженной безусловному приоритету Корана, суд не может творить право, которое призвано воплощать высшую, универсальную, божественную справедливость, но и не является в собственном смысле слова правоприменителем, поскольку судопроизводство существует, чтобы восстановить равновесие в праве, обеспечить принятие справедливого решения и общественный порядок².

Будет уместным в связи с этим затронуть национально-исторические аспекты формирования представлений о роли, значении правосудия в российской политико-правовой среде, которые являются во многом самобытными, нересципированными. Русская Правда (Правда Роськая) — первый появившийся более тысячи лет назад, осенью 1016 г., основополагающий кодифицированный источник древнерусского права, — уже в своем наименовании максимально насыщенно отразила формировавшиеся оригинальные социокультурные представления о характере, природе, предназначении акта подобного рода. В отличие от так называемых варварских правд Европы (*Leges Barbarorum*) — Вестготской (*Lex Visigothorum*), Бургундской (*Lex Burgundionum*), Рипуарской (*Lex Ripuaria*), Салической (*Lex Salica*) и проч., — которые в оригинале обозначались как закон, эдикт, понятие правды в названии упомянутого древнерусского источника является аутентичным и уникальным, не имеет прямых аналогов в других языках. Правда воспринималась как выражение нравственно-этического идеала, высшей нормы человеческих отношений. Закон же должен следовать правде, поскольку закон не истина, а лишь «тень» и должен подготавливать к принятию истины (ведь «закон был дан через Моисея, но благодать и истина... пришли через Христа» (Ин. 1:17)) — подход, получивший развитие в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона (примерно середина XI в.).

В тексте Русской Правды термин «правда» используется как синоним слов «суд», «правосудие». Наиболее отчетливо это прослеживается в подготовленной позднее ее пространной редакции (например, ст. 21, 56, 85), имевшей и характерный вводный подзаголовок: «Суд Ярослава Владимировича». «Как Ярослав судил, так и сыновья его установили» — гласит ст. 2 этого документа, подчеркивая тем самым, что не только суд по правде и ради правды, но и правда из суда. Н. Л. Дювернуа так охарактеризовал роль, значение судьи в эпоху

¹ См.: *Власова Г. Б.* Правовая культура и судебная власть // *Культура: управление, экономика, право.* 2009. № 4.

² См.: *Миннихметов Р. А.* Судебная власть в классической исламской правовой доктрине: теория и практика // *Российский юридический журнал.* 2014. № 2.

Русской Правды: «...судья не прилагает только, а в одно время и раскрывает закон, узнает правду и применяет ее, ибо для судьи нет заранее выраженных, готовых постановлений, которые могли бы служить руководством в каждом отдельном случае»¹. И это вполне объяснимо: в соответствии со старинным изречением, обращает внимание Председатель КС РФ В. Д. Зорькин, «все проходит, одна правда остается. Но правду, справедливость и право надо открывать каждый раз на новой ступени развития»².

Псковская судная грамота, датированная 1467 г., требовала от посадника вершить суд, «справляясь с законом, согласно присяге» (ст. 4), а присяга обязывала «судить ему справедливо» (ст. 3). Соборное уложение 1649 г. также подчеркивает значение суда «вправду», чтобы судить, «не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящего от руки неправеднаго» (п. 1 гл. X «О суде»). Как писал С. А. Муромцев, в России суд из соображений справедливости часто «уклоняется от существующих норм, но, не имея власти на их изменение, прибегает для осуществления своих стремлений к скрытым средствам в обход закона»³. Весьма примечательно в этом плане, что народный фольклор, пословицы и поговорки связывают отрицательные характеристики суда главным образом с отступлениями различного рода (в том числе обусловленными предвзятостью, корыстолюбием) от его предназначения, а именно вершением (утверждением) посредством применения закона правды (справедливости), а не произвола, хотя бы формально это отвечало требованиям закона.

В свете характеризующих упомянутые исторические документы мировоззренческих факторов национального юридического наследия нельзя считать проявлением случайности или безотчетного реципирования восприятие в системе философско-нормативных основ современного российского конституционализма идеи правового закона, которая, будучи выражением интегрального единства естественно-правового и позитивистского начал юриспруденции, комплиментарна представлениям о правосудии, служащем основным механизмом согласования, достижения гармонии между этими двумя началами. Конституция, признавая человека и его проявления в правовой реальности высшей ценностью (ст. 2), имеющей до- и незаконотворческое происхождение (ст. 17, ч. 1 ст. 55), одновременно предполагает необходимость нормативно-регулятивной (законодательной) позитивации

¹ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 156.

² Зорькин В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 3.

³ Муромцев С. А. Определенность и основное разделение права. М., 1879. С. 250.

прав и свобод в их конкретизированных основаниях, условиях, пределах (ч. 3 ст. 55, п. «в» ст. 71), а с правосудием непосредственно и главным образом связывает «обеспечение» прав и свобод (ст. 18), прежде всего имея в виду соотносимость законодательного регулирования, правоприменительной практики их ценностно-нормативным конституционно обусловленным истокам. Различение права и закона и в соответствии с этим обоснование требования правового закона имеет решающее значение для постановки вопроса о правовом содержании законодательно-нормативных актов, их соответствии Конституции, лежит в основе всей концепции институционализации правосудия в его высшей, нормоконтрольной ипостаси, проявляющейся в итоге через конституционное правосудие.

Следует, однако, избегать опасных крайностей, связанных с гипертрофированной трактовкой роли судебных органов в функционировании конституционного института прав человека. Так, А. Г. Кузьмин одно из существенных оснований вовлечения судов в конституционализацию усматривает в том, что «именно в судопроизводствах происходит трансформация... конституционных прав человека в конкретные субъективные права лиц, обратившихся за судебной защитой, определяется юридически состоятельная мера их притязаний публичного и частного характера»¹. Складывается впечатление, что вне судебного опосредования конституционные права якобы лишены как субъективно-личностного качества, так и нормативно-содержательной определенности в части обусловленной ими меры правомерных притязаний. Между тем конституционные права являются непосредственно действующими, как таковые не требуют какого-либо подтверждения в юрисдикционном порядке. Конкретизация прав не есть их творение, и более того, судебная власть в полной мере связана конституционными правами, не может от них отступать, что гарантируется в рамках общего режима функционирования разделения властей.

Историческое восприятие суда в российской культурной среде в качестве организационно-процедурного средства отыскания на основе закона правды, справедливости имело своим следствием то, что суд достаточно рано стал играть активную роль в общей системе российской государственности, влиять на другие государственно-правовые институты, включая правовое положение личности, и при этом находился в тесном функциональном и организационном соприкосновении с иными проявлениями государственной власти, прежде всего законодательной. В подтверждение этого тезиса можно привести различные аргументы, и прежде всего касающиеся Сената, учрежденного

¹ Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 7.

Петром I в 1711 г. Этот орган изначально задумывался как высшее правительственное учреждение, отсюда и его название — Правительствующий Сенат. «Правительствовать» в то время означало «управлять», и учреждение Сената подразумевало содействие монарху в делах и суда, и законодательства, и администрации, но, что в этом случае очень важно, на одном из первых мест для Сената изначально стояла судебная деятельность — Сенат был призван вершить «суд нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения»¹. Вместе с тем в функциях Сената с момента его создания имели место «синкретизм, нераздельность, точно так же, как и в деятельности самого самодержавного монарха». В этом смысле «Сенат при своем появлении выглядел неким европеизированным продолжением Боярской думы, которая также осуществляла нормотворчество посредством издания «новоуказных статей» по конкретным делам (как собственно тяжёлым, так и административным)². Но вместе с тем «если вся политико-социальная роль Боярской думы зиждилась на основаниях стародавнего обычного права, то все значение Правительствующего Сената лежало в тех полномочиях править государством, какие давал ему закон», и при этом «в лице Сената создавалось учреждение, ответственное не только “перед своим Государем”, но и перед государством», и «такой идеи еще не было в организации Боярской думы»³.

Дальнейшая история Сената заключается, как известно, в обособлении и усилении судебной функции и утверждении Сената в качестве высшего судебного органа Российской империи. Не относясь к правовой системе общего (прецедентного) права, тем не менее этот орган всегда обладал (а после Судебной реформы 1864 г. это проявилось в особой степени) в том числе полномочиями судебного нормотворчества. В подготовленном по поручению министра юстиции к 200-летию юбилею со дня учреждения Сената пятитомном издании, посвященном его истории, акцентируется, в частности, особое влияние пореформенного Сената на развитие российской цивилистики: «...создание гражданского права, разработка гражданского процесса — так можно охарактеризовать — не закрывая глаза на частичные промахи — общий итог деятельности Гражданского кассационного

¹ См. п. 1 Именного указа от 2 марта 1711 г. «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве Государственных доходов, торговли и других отраслей Государственного хозяйства» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. IV. № 2330).

² См.: *Верещагин А. Н.* О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 6.

³ История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911 гг.: в 5 т. Том первый. СПб., 1911. С. 55.

департамента»¹; благодаря его практике «произошла рецепция громадного количества правовых идей, разработанных в теории»². Не случайно в дореволюционной российской юриспруденции было весьма развитым направление исследований судебного права³. Вопрос его предметного обособления не только не утратил актуальность⁴, но в связи с состоявшейся реорганизацией судебной системы и формированием вновь созданного единого Верховного Суда РФ проблема судебного права приобрела вполне определенное прикладное значение, составляет текущую повестку законодательно-нормативного развития процессуального права⁵.

Во многом именно эти обстоятельства, связанные с активным судебным правотворчеством, как представляется, обосновывают следующий характеризующий специфические черты национальной правовой жизни вывод: в России демократические судебные органы существенным образом опережали в своем развитии парламентские и законосовещательные институты, создавали необходимую для появления подлинной представительной власти социальную и политическую среду, а сама Судебная реформа 1864 г. оказала активное влияние на всю систему политической организации общества и государства⁶. Более того, справедливо полагать, что Судебная реформа 1864 г. была ориентирована на выбор в пользу магистрального развития правовой системы России в русле романо-германской системы права, что, впрочем, не предрешило окончательно их тождества, и национальные особенности, имеющие исторические, социально-мировоззренческие, геополитические и иные им подобные предпосылки в условиях рос-

¹ История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911 гг.: в 5 т. Том четвертый. СПб., 1911. С. 439.

² Там же. С. 432.

³ См., например: *Михайловский И. В.* Судебное право, как самостоятельная юридическая наука (К вопросу о системе юридических наук) // *Право*. 1908. № 32. С. 1733—1741. Подробнее о развитии судебного права в дореволюционный период см.: *Ефремова Н. Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. М., 2007.

⁴ См., например: *Владыкина Т. А.* Судебное право как научное измерение судебной власти. Екатеринбург, 2014; *Гуськова А. П.* Судебное право как комплексная отрасль права. Оренбург, 2015; *Киминчижи Е. Н.* К вопросу о самостоятельности судебного права как науки и отрасли законодательства. Белгород, 2006; *Литвинова К. А.* Судебное право в современной России: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2013; *Мурадян Э. М.* Судебное право. СПб., 2007; *Ного Сreto.* Судебное право / отв. ред. *В. С. Джатиев*. М., 2012; *Полянский Н. Н.* и др. Проблемы судебного права. М., 1983; *Фетищев Д. В.* «Судебное право» и судебная система: проблема развития и совершенствования. М., 2007.

⁵ См.: *Белякова А. В.* и др. Проблемы развития процессуального права России: монография / под ред. *В. М. Жуйкова*. М., 2016. С. 15—29.

⁶ См.: *Шахрай С. М.* Влияние Судебной реформы 1864 года на политическую систему современной России // *Юридический мир*. 2014. № 12. С. 39, 40.

сийской поликультурной политико-правовой среды, не могут не учитываться в том числе при рассмотрении вопросов, связанных с ролью судебных органов в общественной и государственной жизни.

В этом проявляются глубокие исторические корни современных государственно-правовых процессов, в том числе связанных с активной ролью судебной власти в конституционно-правовом развитии. В решениях КС РФ неоднократно подчеркивалось особое место судебной власти в системе разделения властей, поскольку именно судебная власть играет решающую роль в государственной защите прав и свобод, и именно суд окончательно разрешает спор о праве¹. Путем судебной деятельности, ее комплексного, не только собственно юрисдикционного, но и иного (мировоззренческого, воспитательного, доктринального, регулятивного) воздействия, обеспечивается непрерывное раскрытие и вменение правового смысла опосредованных Конституцией и выраженных в определенной нормативно-институциональной системе идеалов, целей, ценностей, принципов конституционализма применительно к конкретным отношениям и всей общественно-государственной практике; происходит актуализация конституционализма как особого политико-правового режима демократического государства с учетом конкретно-исторических условий развития, его превращение в «живой» конституционализм на основе вырабатываемых в судебной практике правоположений, прежде всего правовых позиций КС РФ, относящихся и к нормам и институтам конституционного и других отраслей права, и к практике их реализации. На этой основе, соответственно, формируется *судебный конституционализм* как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства².

2.3. Правосудие как фактор утверждения конституционных начал правовой жизни

В свете парадигмы судебного конституционализма становится ясно, что правосудие служит «энергетическим центром» правовой жизни. А своего рода концентрированным выражением активной роли

¹ См. постановления КС РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П, от 17 марта 2009 г. № 5-П и от 26 мая 2011 г. № 10-П.

² См.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика.

судебной власти в усилении прямого действия Конституции, умножении ее нормативной энергии как раз является конституционализация с помощью судебно-юрисдикционной деятельности всей правовой системы общества, ее превращение, по словам В. И. Крусса, «в систему конституционно-правовую», что подразумевает конституционное насыщение по крайней мере таких ее компонентов, как правовое сознание, система права, юридическая практика¹. В юридико-философском плане конституционализация — процесс экспликации отрефлексированных государственно организованным обществом представлений об основаниях и порядке его существования и развития, опосредованных современным конституционализмом, это воспроизводство воспринятого народом конституционного идеала через его объективирование в конкретных реалиях во всей полноте разнообразия юридических форм.

Конституционализация подразумевает не только «конституционно выверенные разработку и встраивание законодательства в непротиворечивую правовую систему, основанную на верховенстве Конституции»², это важное, но лишь формально-структурное, регулятивное ее проявление; она также не сводится к процессу «конкретизации начал, освоения ценностей и норм Конституции в законодательстве»³ — через понятие «конкретизация» выражается в основном ее юридико-технический аспект. Проводимое в литературе разграничение первичной конституционализации (процесса разработки проекта текста письменной конституции, его утверждения и создания правоприменительных механизмов) и вторичной конституционализации (дальнейшего «закрепления» конституции посредством ряда практических действий, в результате которых текст конституции расширяется за счет интерпретации и выборного применения, усиливая степень влияния конституционного права на общественные отношения)⁴ позволяет лучше уяснить, что конституционализация не только может быть содержательно соотнесена с реализацией конституции (в самом широком значении), но и выступает более сложным по уровню глубины качества и объемного охвата явлением. Вполне обоснованным поэтому здесь может выглядеть вывод о том, что конституционализация правовой жизни есть концентрированное проявление и одновременно важный результат прямого действия Конституции, ее норм и ин-

¹ См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. С. 16, 17.

² Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 23.

³ Там же. С. 26.

⁴ См.: Торнхилл К., Смирнова М. В. Модели вторичной конституционализации в российской политической системе // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6.

ституты, принципов и ценностей как в правотворческой, так и в правоприменительной сфере¹. При этом необходимо подчеркнуть, что само по себе прямое действие Конституции является важнейшим источником и средством, с помощью которого на основе единства позитивно-правовых и естественно-правовых начал обеспечивается изоморфность нормативной конституционной модели и конституционной действительности, происходит преобразовательное движение формально-юридического конституционного вещества в изменяющемся под воздействием социальных, экономических, политических, культурных и иных объективных факторов контексте. Не случайно В. И. Крусс связывает конституционализацию и с законотворчеством, включая «насыщение» правовой материи, и с «исправлением ошибок» в тексте нормативного акта, и с преодолением правовых пробелов, и т.д.

Вместе с тем предложенное в этом русле видение механизма конституционализации требует определенных уточнений. Речь идет, в частности, о понимании конституционного правосудия как не только основного, но «единственного легитимного субъекта конституционализации», что одновременно рассматривается и как «аутентичное правотворчество»: это единственная инстанция, способная во всех случаях претендовать на юридическую достоверность результатов своей деятельности. В этом случае все иные государственно-правовые институты, в том числе судебно-юрисдикционные, занимают как бы вторичное, подчиненное положение, они лишь «участвуют» в конституционализации, но не являются ее субъектами. Конечно, особое место, которое отводится в этом случае конституционному правосудию в механизме конституционализации, само по себе не вызывает сомнений и возражений: КС РФ, будучи органом судебной власти, одновременно — *больше, чем суд*, с его помощью осуществляется высший опосредованный демократический контроль за соблюдением суверенных прав народа и реализацией его учредительной, суверенной воли; в рамках конституционного правосудия обеспечивается выражение и отстаивание конституционно значимых интересов личности, общества, государства.

Нельзя, однако, не учитывать, что обеспечение верховенства и прямого действия Конституции, последовательное развертывание ее нормативно-ценностного содержания в правовой жизни образует по существу универсальную конституционную обязанность, возложенную на государство в целом в лице всех его органов. Императив конституционности пронизывает всю систему правопорядка, и опреде-

¹ См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. С. 113—114, 118, 129.

ленность в части его соблюдения должна обеспечиваться всеми субъектами государственно-властной деятельности независимо от его конкретного наполнения со стороны конституционного правосудия. Нет оснований полагать, что за пределами внеконституционного правосудия отсутствует легитимная компетенция по окончательному разрешению конституционно значимых вопросов. Иными словами, уникальностью конституционного правосудия не опровергается ценность обеспечения режима конституционности иными государственно-правовыми средствами, совокупным действием которых обеспечивается прочность конституционного строя.

В частности, то обстоятельство, что именно и только конституционное правосудие итоговым образом определяет конституционность закона и разрешает иные подведомственные вопросы, не означает, что впредь до вынесения итогового конституционно-судебного акта вопрос, не ставший предметом его оценки, находится в некой «серой зоне» конституционного недоверия, иными словами, носит неопределенный характер в аспекте конституционного качества его решения. КС РФ, следуя выработанным правовым позициям, презюмирует добросовестность законодательных намерений и приверженность органов законодательной власти общеправовым и конституционным принципам, и в силу этой презумпции конституционность закона не должна быть поставлена под сомнение без должных на то оснований, установленных в конституционном судопроизводстве, начиная с оценки допустимости обращения¹. Презумпция конституционности закона обязывает с уважением относиться к воле законодателя, поскольку в ней отражаются воспринятые законодателем адекватно его представлениям о конституционности интересы народа, она опровергается не самим фактом оспаривания закона в КС РФ, а итоговым актом конституционного правосудия².

Вместе с тем КС РФ в ряде решений выработал доктрину разумной сдержанности, в соответствии с которой Суд может, в частности, воздерживаться от формулирования итоговой оценки конституцион-

¹ См. абз. 2 п. 2.3 мотивировочной части определения КС РФ от 7 июля 2016 г. № 1358; абз. 5 п. 4 мотивировочной части определения КС РФ от 7 июля 2016 г. № 1422-О.

² Следует констатировать, однако, что понимание презумпции конституционности закона в доктрине не является устоявшимся, и, в частности, существует мнение о том, что эта презумпция имеет место лишь при применении нормативного правового акта, но не в рамках осуществления нормоконтроля, поскольку судебная процедура в данном случае должна обеспечивать учет различий в положении и реальных ресурсных возможностях сторон в процессе. См.: *Сивицкий В. А.* Презумпция конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты // *Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника»*. Н. Новгород, 2010. № 4. С. 499—502.

ности нормы¹; обеспечение с использованием оптимальных правовых средств режима конституционности в конкретной сфере (с учетом как характера, масштаба вопроса, так и уважения к принципу разделения властей) ложится в этом случае на законодателя. Наличие взаимоисключающих подходов к толкованию одной и той же нормы, которые не лишены разумного юридического обоснования, укладываемого в пределы законодательного усмотрения, может быть связано с ситуацией, когда даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам уяснить подлинное содержание такой нормы не удастся: это пример того, что законодательная конкретизация, а не конституционно-судебная интерпретация в каких-то случаях является наиболее корректным или даже единственно возможным способом конституционализации правового регулирования². Исправление структурных дефектов правовой системы, на которые указано в пилотном постановлении ЕСПЧ, вынесенном в отношении России, в целях выполнения конституционно признаваемых международных обязательств также по общему правилу относится к компетенции законодательной власти, и КС РФ проявляет осторожность в таких деликатных вопросах³.

По итогам конституционно-судебного разбирательства законодатель не лишен также возможности на основе собственной оценки конституционных приоритетов государственной политики определить направления и меры по совершенствованию правового регулирования, а впоследствии — в целях эффективного гарантирования верховенства и прямого действия Конституции на основе согласованного функционирования институтов конституционного строя на конкретном этапе — сформулировать с учетом изменившейся обстановки в том числе новые правовые подходы применительно к вопросам, которые затрагивались в конституционном правосудии. Весьма показателен в этом отношении поиск оптимальной модели правового статуса высшего должностного лица субъекта РФ⁴. Таким образом, уместно говорить скорее о необходимости формирования своего рода конституционного партнерства, в частности между конституционным

¹ См., например, постановления КС РФ от 20 июля 1999 г. № 12-П, от 27 января 2004 г. № 1-П, от 5 февраля 2007 г. № 2-П, от 21 января 2010 г. № 1-П, от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 14 мая 2012 г. № 11-П.

² См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 25 июня 2015 г. № 17-П.

³ См. определение КС РФ от 22 декабря 2015 г. № 2975-О.

⁴ См. подробнее: *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Губернаторы в системе российской федеративной государственности: нормативно-доктринальные подходы Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3.

правосудием и народным представительством, в рамках становления и развития современного российского конституционализма, конституционализации правовой системы.

Говоря же о собственно судебно-юрисдикционном осуществлении конституционализации, имеющем ключевое значение, нельзя игнорировать, что судебное обеспечение прямого действия Конституции реализуется всеми видами юрисдикции, включая конституционную, общую, арбитражную, и это является общей тенденцией. КС РФ, по мнению Л. Гарлицкого, «вступает в игру» на самом последнем этапе, и применять конституционные нормы, принципы, ценности прежде всего должны все прочие суды¹. Суд исходит из существования «конституционного принципа разделения полномочий... в сфере конституционного контроля»² между конституционным правосудием и судами общей и арбитражной юрисдикции, и, соответственно, «выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции»³.

Важно учитывать, что не только в странах общего права, но и в романо-германской (континентальной) системе права судебная власть участвует в формировании нормативно значимого понимания смысла правового регулирования в рамках подведомственных судам категорий дел и тем самым как бы осуществляет его детализацию, выявляет, обосновывает, конкретизирует имеющие по сути конституционное значение общие начала (принципы) законодательства; устраняет из правовой системы не соответствующие требованиям закона и в итоге неконституционные нормативные акты с учетом разграничения полномочий между судами различных видов юрисдикций. КС РФ неоднократно отмечал, что в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений⁴, а восполнение пробелов в законодательном регулировании (как и правоприменение в целом) требует от судов учета нор-

¹ См.: *Гарлицкий Л.* Конституционные суды против верховных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2(59). С. 148.

² См. абз. 5 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 5 февраля 2004 г. № 134-О.

³ См. абз. 2 п. 3.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П.

⁴ См., например, постановления КС РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П (абз. 4 п. 3 мотивировочной части), от 23 января 2007 г. № 1-П (абз. 1 п. 3.3 мотивировочной части), от 23 сентября 2014 г. № 24-П (абз. 1 п. 3.5 мотивировочной части), от 12 марта 2015 г. № 4-П (абз. 2 п. 4 мотивировочной части).

мативного единства российского права, в системе которого Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие¹.

Следовательно, судебное толкование способно восстановить конституционно-правовой режим применения нормы закона, о чем свидетельствуют и примеры из практики КС РФ. Так, в определении от 10 ноября 2016 г. № 2561-О КС РФ, рассматривая вопрос о проверке конституционности п. 4¹ ст. 161 НК РФ, которым в прежней редакции покупатель имущества должников-банкротов признавался в качестве налогового агента по налогу на добавленную стоимость, констатировал, что по буквальному смыслу содержащиеся в нем законоположения могли быть интерпретированы с выводом о том, что налог покупатель заложенного имущества должен уплатить за должника-банкрота непосредственно в бюджет, что приводило бы к формальному расхождению с правилами очередности удовлетворения требований кредиторов в процедуре банкротства, создавая, кроме того, коллизии при реализации права на соответствующий налоговый вычет. Вместе с тем КС РФ установил, что высшие судебные инстанции (в том числе существовавший на тот момент Высший Арбитражный Суд РФ) согласованно «внесли единообразие в понимание положений п. 4¹ ст. 161 указанного Кодекса с учетом справедливого соотношения интересов участников конкурсного производства и исходя из правомерного предположения о том, что действия налогоплательщиков, имеющие своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданны», а именно выявили смысл соответствующего законоположения, в соответствии с которым «оставление залогодержателем за собой не реализованного путем продажи с публичных торгов предмета залога в погашение требований по обеспеченному залогом обязательству применительно к рассматриваемому периоду относилось к операциям реализации для целей исчисления налога на добавленную стоимость, в которых передающая сторона должна была исчислить этот налог, а получающая имела право заявить исчисленную сумму налога к вычету».

Из решений КС РФ вытекает также, что суды общей и арбитражной юрисдикции любого уровня не вправе, исходя из презумпции конституционности действующих законодательных норм, произвольно, немотивированно отказаться от их применения в конкретном деле, должны самостоятельно решать, какой закон подлежит применению в случаях выявления законодательных коллизий и пробелов, и лишь невозможность применить закон без того, чтобы не оказались

¹ См. абз. 3 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 18 сентября 2014 г. № 1828-О.

нарушены права и свободы участников рассматриваемого дела, обязывает обратиться с запросом в КС РФ¹.

По смыслу Конституции и приведенных правовых позиций КС РФ резонно полагать, что само применение судами конституционных норм для обоснования судебного решения является одним из важных проявлений конституционализации². Это коррелирует с положениями ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³, из которых следует, что при выявлении дефектов иерархической субординации правовых актов суд принимает решение в соответствии с положениями, имеющими большую юридическую силу, а в итоге — на основе Конституции. Здесь, впрочем, не должно возникать заблуждений относительно тождественности судебного правоприменения и нормоконтроля, который имеет самостоятельные формы реализации. Речь идет о том, что выбор судом норм, подлежащих применению, и их толкование в конкретном деле предполагают конституционную обоснованность как имманентную характеристику процедурной и материальной законности судебного решения, призванного служить, в сущности, казуальным выражением конституционного должного.

При этом суд высшей инстанции вовлечен в процесс конституционализации не только в казуальном, но и в абстрактном порядке, в том числе, как подчеркивается в одном из решений КС РФ, с учетом «необходимости адекватного и своевременного приспособления регулирующей роли нормы в единстве ее буквы и духа к той или иной сфере общественных отношений в их динамике»⁴. В этом же решении КС РФ не исключил правомочности Верховного Суда РФ изменять ранее выработанное «официальное судебное толкование», принимая во внимание, что вновь сформированное толкование также «содержательно допустимо с точки зрения Конституции», а порядок его действия должен обеспечивать определенность, стабильность сложившихся

¹ См., например, абз. 1 п. 6 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П; абз. 4 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 5 февраля 2004 г. № 134-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 8 июня 2004 г. № 217-О; абз. 3 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 6 марта 2008 г. № 228-О-О; абз. 1 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 1 октября 2009 г. № 1345-О-О.

² См.: Умнова (Конюхова) И. А., Алешкова И. А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. М., 2016. С. 8.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 февраля 2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

⁴ См. абз. 1 п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П.

ся правоотношений (п. 5² мотивировочной части постановления от 23 декабря 2013 г. № 29-П).

В связи с этим применительно к поднятой в монографии А. Г. Кузьмина теме исследования — арбитражно-судебный аспект конституционализации российского правосудия — возникают сомнения в обоснованности гипертрофированного внимания, уделяемого анализу упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ. Разумеется, для достоверного системного анализа конституционализации правосудия, включая судебно-арбитражное измерение, не обойтись без учета особенностей конституционно-правового статуса высшего суда и осмысления исторического опыта сложных, противоречивых процессов эволюции в этой сфере. Вместе с тем столь «внимательный» — и не только ретроспективный (!) — взгляд в этом случае на Высший Арбитражный Суд РФ создает настрой на то, что именно в нем видится основное и важнейшее проявление участия судебно-арбитражной практики в конституционализации. Поэтому не может не возникнуть принципиальный вопрос о том, чем же мотивировано столь значительное внимание, уделяемое упраздненному органу. Не означает ли это, что в действительности, при всех имеющихся оговорках, именно Высший Арбитражный Суд РФ в представлении автора служит главным носителем (как минимум) арбитражной судебной практики в плане ее конституционализации? Но как это согласуется с позицией самого же автора, который, стремясь обосновать в том числе конституционно-правовую целесообразность (а не только допустимость) упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ, констатирует в итоге, что решающей предпосылкой его упразднения стал «дефицит конституционной доктрины, а возможно, и тенденциозное, субъективно мотивированное уклонение от последовательного следования ее положениям и выводам», «формулирование подходов и правовых позиций, отвечающих сиюминутным потребностям юридической практики в сфере экономических правоотношений»¹? И как соотносить это с тем, что, по мнению автора, одним из важных факторов, характеризующих благотворное влияние Высшего Арбитражного Суда РФ на конституционализацию российской правовой системы, являлось то, что его надзорная деятельность способствовала «преодолению проявлений юридического позитивизма», в том числе путем «корректировки» действующего правового регулирования²?

На этом фоне важен анализ судебно-арбитражной практики, формируемой в течение трех лет Экономической коллегией Верховного Суда РФ, например, в части, касающейся обеспечения единства су-

¹ Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 306—307.

² Там же. С. 79—81.

дебной практики, гарантирования правовой определенности и т. д. Бесспорным фактом актуальной конституционно-правовой реальности является то, что сам Верховный Суд РФ является сегодня важнейшим субъектом формирования и преобразования как общеюрисдикционной, так и судебно-арбитражной практики. Конституционно значимое влияние судебной власти на правовую систему и правоприменительную практику носит, таким образом, всеобъемлющий характер, что сегодня становится все более очевидным.

2.4. О судебной интеграции конституции в правовую жизнь общества

Для понимания роли судебной власти в конституционализации правовой жизни в современных условиях важно учитывать по крайней мере следующие моменты.

А) Конституционализация правовой жизни посредством правосудия, безусловно, есть прежде всего материализация судебно-юрисдикционной практики — правоприменительная реализация, воплощение в жизнь требований верховенства Конституции и ее прямого действия, правоприменительное выражение конституционных принципов, ценностей в обществе и государстве (материальный компонент судебно-юрисдикционной конституционализации).

Верховный Суд РФ ориентирует суды на то, чтобы в соответствии с положениями ч. 1 ст. 15 Конституции оценивалось при рассмотрении дел содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые правоотношения, и во всех необходимых случаях применялась Конституция в качестве акта прямого действия¹. Практика же самого Верховного Суда РФ изобилует обращениями к конституционным принципам, в том числе принципам равенства², определенности³, разделения властей⁴, подчинения судей

¹ См. п. 2 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 3 марта 2015 г.) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (БВС РФ. 1996. № 1).

² См., например, определение Верховного Суда РФ от 28 сентября 2015 г. № 41-КГ15-17, решение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2016 г. № ВКАПИ16-6, апелляционное определение Верховного Суда РФ от 31 августа 2016 г. № 51-АПГ16-10.

³ См., например, апелляционные определения Верховного Суда РФ от 11 мая 2016 г. № 51-АПГ16-3, от 29 июня 2016 г. № 56-АПГ16-13, постановление Верховного Суда РФ от 27 июня 2016 г. № 308-АД16-2953, определение Верховного Суда РФ от 12 июля 2016 г. № 308-КГ16-8348.

⁴ См., например, определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2015 г. № 18-КГ15-182, апелляционные определения Верховного Суда РФ от 20 января 2016 № 55-АПГ15-17, от 20 января 2016 г. № 36-АПГ15-5, определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2016 г. № 64-КГ16-1.

только Конституции и федеральному закону¹, разбирательства дела надлежащим судом², состязательности³, свободы труда⁴ и др. Хотя не всегда ссылки на эти и иные конституционные принципы сопровождаются развернутой содержательной конкретизацией, тем не менее само их включение Верховным Судом РФ в систему судебной аргументации имеет чрезвычайно важное значение для формирования и восприятия внутренней конституционно-обоснованной логики и методологии судебного-правовых позиций, в том числе имеющих абстрактный, а не казуальный характер.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» конституционные принципы свободы экономической деятельности и защиты частной собственности наравне с другими формами собственности (ст. 8, 34, 35 Конституции) служат отправным, исходным основанием ориентации судебной практики на исключение возможностей использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов (преамбула). В других случаях ссылка Верховного Суда РФ на положения Конституции может приобретать вполне определенный непосредственно-регулятивный характер. К примеру, согласно п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» превышение органами, организациями, государственными и муниципальными служащими возложенных на них государственных или иных публичных полномочий (обязанностей) либо использование их вопреки законной цели и правам, законным интересам граждан, организаций, государства и общества является основанием для признания оспариваемых решений, действий (бездействия) незаконными в силу п. 4 ч. 9 ст. 26 КАС РФ и ч. 3 ст. 55 Конституции. Вместе с тем важно учесть, что Верховный Суд РФ процессуальные нормы как таковые рассматривает в аспекте регулирования порядка защиты материальных прав и конкретизации конститу-

¹ См., например, определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2016 г. № 49-КГ16-11.

² См., например, определение Верховного Суда РФ от 21 декабря 2015 г. № 93-КГ15-2, апелляционные определения Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № АПЛ16-112, от 29 июня 2016 г. № 56-АПГ16-13, от 18 августа 2016 г. № АПЛ16-350.

³ См., например, апелляционные определения Верховного Суда РФ от 18 февраля 2016 г. № 9-АПУ16-1СП, от 25 февраля 2016 г. № 53-АПУ16-4сп.

⁴ См., например, определения Верховного Суда РФ от 5 сентября 2014 г. № 37-КГ14-4, от 20 июня 2016 г. № 18-КГ16-45.

ционных принципов¹, а следовательно, это подразумевает необходимость восприятия соответствующих норм в свете конституционных установлений, в нормативном системном единстве с ними.

Судебное правоприменение предполагает наличие у суда дискреции в выборе норм, подлежащих применению, в их казуальном истолковании для обеспечения учета и взвешивания выраженных в соответствующих законоположениях конституционных ценностей. Нельзя не согласиться, что «в перспективе конституционализации альтернативы судебной дискреции нет»². При этом как само понимание, так и реализация дискреции (усмотрения) суда должны выстраиваться с учетом соотношения в ней объективного и субъективного, формально-нормативного и социально-правового, в том числе ценностного, начал — в свете подходов интегративной юриспруденции, на основе достижений юридической парадигмы позитивизма, естественно-правовой, исторической и национально-консервативной парадигм, которые становятся необходимыми, обязательными элементами познания и оценки правовой материи судебной власти и места в ней судейской деятельности³. Об этом подробнее будет сказано ниже, а здесь вполне уместно добавить, что само восприятие судебного усмотрения, его осуществления и итоговых форм проявления исключительно сквозь призму конституционной дискреции, т. е. как методологически, процедурно и содержательно обусловленного Конституцией, является весьма плодотворным, требует глубокого неспекулятивного осмысления. Отсюда вовсе не следует, впрочем, понимание конституционной судебной дискреции как достаточно определенной по содержанию всегда и в каждом конкретном случае. Смысл судебного усмотрения как раз и состоит в преодолении возникающих в правоприменении ситуаций правовой неопределенности посредством сложной интерпретационно-познавательной юрисдикционной деятельности, направленной на выявление новых, неочевидных, непрогнозируемых изменений в правовой реальности. Конституция не может рассматриваться так, как будто она содержит или могла бы содержать заранее готовые и исчерпывающие ответы на все возникающие в правовой жизни вопросы, но она является нормативно-ценностной методологической системой, позволяющей с ее помощью находить сбалансированные решения, которые во многих случаях являются не единст-

¹ См. определение Верховного Суда РФ от 7 декабря 2015 г. № 307-ЭС15-5270.

² *Крусс В. И.* Конституционализация права: основы теории. С. 137.

³ См.: *Некрасов С. Ю.* Судейское усмотрение в цивилистическом процессе: современные проблемы и теоретические обоснования // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2016. № 3; *Игнатьев А. С.* Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа (на примере сферы судебного конституционного контроля): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.

венно возможными в аспекте конституционности, а альтернативными. Конституционно-судебная дискреция как раз и выступает способом отыскания подобных решений в рамках свободы внутренне-го убеждения судьи.

Б) Судебная власть в условиях современного демократического общества не исчерпывается правоприменительной направленностью. Сегодня все более широкое принципиальное признание, в том числе на общеевропейском уровне судебного взаимодействия, получают идеи о том, что судебное решение «направлено не только на разрешение спора между сторонами и определение их правового положения, но часто и на формирование судебной практики, которая может предотвратить возникновение подобных споров в будущем и обеспечить сохранение социального баланса»¹; что оно играет «одновременно “нормативную” и “образовательную” роль, предоставляя гражданам соответствующее руководство к действию, информацию и уверенность в том, что касается закона и его применения»². В связи с этим судебная практика не только может рассматриваться в аспекте правоприменительной формы осуществления конституционализации, но и наряду с этим следует учитывать, что она способна проникать в нормативно-правовую основу обеспечения верховенства и прямого действия Конституции, оказывать регулятивное воздействие на формирование и развитие всей системы российского конституционализма с учетом, разумеется, особенностей, присущих судам различного уровня и юрисдикции. В этом проявляется природа и назначение судебной практики как нормативного компонента конституционализации права.

Нормативный эффект, свойственный практике судов общей и арбитражной юрисдикции, носит в своей основе прецедентно-процессуальный характер, связан главным образом с определением порядка применения норм в соответствующих юрисдикционных процедурах.

Особое значение имеют в этом плане правовые позиции КС РФ в конституционализации, учитывая как их сущностную, содержательную нетождественность, так и формально-юридические характеристики, в частности верховенство в соотношении с судебно-правовыми позициями иных высших юрисдикционных органов. Фактически в данном случае имеются в виду многократно высказанные самим КС РФ подходы, согласно которым только решения КС РФ, содержащие итоговую оценку проверяемых норм, казуальное или абстрактное толкование конституционных или отраслевых положений, имеют та-

¹ См. п. 7 Заключения № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» (ССЈЕ(2008)5) от 18 декабря 2008 г. (Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 6(06). С. 107).

² См. п. 7 Заключения № 7 Консультативного совета европейских судей «По вопросу правосудия и общества» (ССЈЕ(2005) ОР N 7) от 25 ноября 2005 г.

кую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как и решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение¹; казуальная интерпретация (а не только официальное толкование) Конституции, которую дает КС РФ, превышает по своей силе ее интерпретацию любым другим органом². Вместе с тем кажущееся верным на первый взгляд утверждение о том, что с позиции конституционного правопонимания акцент следует делать не на формальном признании первенства того или иного судебного органа, а на первичности конституционно-правового механизма в обеспечении прав и свобод (такое мнение имеет место в оценке иерархии правовых позиций высших судебных органов³), делает конфигурацию судебного нормоконтроля, обеспечения и развития верховенства и прямого действия Конституции несколько размытой. Правосудие как таковое характеризует решающий конституционно-правовой механизм обеспечения прав и свобод, оно должно быть конституционным по своей сути во всех случаях и спорных (конфликтных) ситуациях; цели приоритетного гарантирования прав и свобод не могут использоваться для обоснования отступлений от конституционного разграничения полномочий в сфере судебного обеспечения конституционной законности. Верховенство, приоритет, общеобязательность являются формальными, но не второстепенными характеристиками правовых позиций КС РФ, отражают определенность и безусловность статуса этого источника права в правовой системе.

Позиции иных, помимо КС РФ, судебных органов, содержащие толкование применяемых судами норм права, в том числе абстрактное толкование в порядке дачи высшим судом разъяснений по вопросам судебной практики, не могут рассматриваться в качестве официального акта, выявляющего конституционно-правовой смысл закона, т. е., по сути, подтверждающего его конституционность или констатирующего неконституционность⁴. Вместе с тем суд любого уровня и юрисдикции, осуществляя казуальную интерпретацию подлежащих применению законоположений, призван прилагать все возможные усилия, чтобы обеспечивалось — с использованием и в пределах доступных научно обоснованных приемов толкования — согласованное с требованиями Конституции применение закона в конкретном деле. В условиях инстанционности интерпретационная деятельность су-

¹ См. абз. 1 п 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П.

² См. абз. 1 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П.

³ См.: *Кузьмин А. Г.* Указ. соч. С. 229.

⁴ См. абз. 5 п. 3.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 21 января 2010 г. № 1-П.

дебных органов, тем более формулирование высшим судом абстрактных разъяснений по вопросам судебного правоприменения, может приобретать вполне определенное регулятивное значение, оказывать существенное влияние на формирование, изменение, развитие судебной и иной правоприменительной практики.

Толкование закона высшими судебными органами, констатируется в постановлении КС РФ от 21 января 2010 г. № 1-П, «фактически — исходя из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов — является обязательным для нижестоящих судов на будущее время» (абз. 1 п. 3.4 мотивировочной части). В соответствии с этим КС РФ исходит из того, что постановления Пленума Верховного Суда РФ как акты толкования закона хотя и не могут выступать самостоятельным предметом проверки в КС РФ, но подлежат учету при принятии решения по делу при обжаловании конституционности норм закона, примененных в конкретном деле¹; а суд любой инстанции, если он при рассмотрении конкретного дела придет к выводу о неконституционности подлежащего применению закона, в том числе с учетом его толкования высшим судом, обязан обратиться с запросом в КС РФ (абз. 1 п. 3¹ мотивировочной части постановления КС РФ от 21 января 2010 г. № 1-П).

Главным контраргументом тезиса о правотворческом потенциале правосудия является выраженная еще Г. Кельзеном нормативистская в своей основе позиция, согласно которой конституционный суд, будучи «стражем Конституции», не может участвовать в создании норм права, а его решения, хотя и ставятся на уровень закона (в смысле возможности его отмены) и выражают, как и закон, определенную политическую волю, все же являются разновидностью правоприменительных актов. В современной правовой доктрине можно встретить сходные рассуждения, предостерегающие от акцентирования правотворческого потенциала конституционной и иных видов юрисдикций как вызова для разделения властей. Суду в целом отводится ортодоксальная роль «фонографа» законодателя, а в перетекании власти в суд видят отступление от традиции применения принципа Ш.-Л. Монтескье.

Чтобы оценить обоснованность такой позиции, нелишне задаться «наивным» вопросом: а в чем, собственно, заключается смысл самого принципа разделения властей? Каково его предназначение? Уместно напомнить, что разделение властей вовсе не предполагает некоего механического отделения одной ветви власти от другой, а призвано исключить чрезмерную концентрацию властных полномочий в одном лице или органе и тем самым избежать властного произвола. Но это

¹ См., например, определения КС РФ от 22 апреля 2010 г. № 590-О-О, от 24 июня 2014 г. № 1527-О, от 29 сентября 2015 г. № 2218-О, от 26 апреля 2016 г. № 863-О.

лишь своего рода негативная интерпретация данного принципа. А его позитивная интерпретация состоит в утверждении верховенства права и Конституции, в создании надлежащих условий гарантирования прав и свобод. Иными словами, толкование этого принципа и его институциональные воплощения должны соотноситься с необходимостью достижения в конкретных условиях максимального гарантирования незыблемости конституционных ценностей, последовательной и наиболее полной реализации Конституции на данном этапе развития политико-правовой системы страны.

Соотнося с принципом разделения властей в таком его понимании так называемый судейский активизм, нужно признать, что исключение для суда возможности формулировать на основе правовых принципов и системы законодательства собственные представления о должном в качестве правила, которым суд связывает и себя, и участников правоотношений для разрешения (урегулирования) правового конфликта (спора), в том числе на будущее время (применительно к аналогичным ситуациям), явилось бы существенной преградой для достижения целей правосудия, влекло бы отказ в судебной защите. Что касается интерпретационно-правотворческих возможностей конституционного правосудия, то, очевидно, они ориентированы на создание новых норм. Но актуализированная общеобязательная формализация ценностно-нормативного потенциала конституции в единстве ее буквы и духа образует необходимый продукт конституционно-судебной деятельности, призванной обеспечивать реализацию универсальной и постоянной конституционно-суверенной воли народа в изменяющемся социальном контексте. Это достигается посредством смысловой «рихтовки» существующей нормы (в частности, той, которая входит в предмет проверки КС РФ) в контексте правоприменительной практики для установления некоего режима применения, в рамках которого исключались бы противоречивость, неоднозначность толкования и последующего применения нормы в аспекте ее соотносимости с Конституцией.

Кроме того, нельзя не учитывать, что тенденции изменения роли судебной власти, прежде всего за счет придания ей более широких нормоконтрольных функций, носят объективный и глобальный характер, как таковые обосновывают развитие правотворческих начал судебной практики¹. Это проявляется в том числе на основе расши-

¹ См., например: Гук П. А. Судебное нормотворчество: теория и практика / под ред. Н. И. Матузова. Пенза, 2009; Малюшин А. А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М., 2013; Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017; Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2014.

ряющегося интенсивного влияния международных юрисдикционных органов на национальные правовые системы.

Участие судебных органов в механизме правообразования уже не может считаться аномалией, оно не является факультативно-спонтанным, эпизодическим или экстраординарным. Правотворческая роль суда в условиях современного динамичного и усложняющегося общества, очевидно, не сводима к ситуации правового дефицита, на что ориентируют некоторые исследования, а определяется необходимостью преодоления различных дефектов, коллизий в правовом регулировании, интерпретационным «доурегулированием» порядка, условий, процедур реализации установленных законом прав и обязанностей участников правоотношений.

В) Судебная практика находится в многослойных прямых и обратных связях с доктринальными аспектами современного конституционализма. С одной стороны, судебная деятельность не может не опираться на конституционно-правовую доктрину как «важный и весьма жизненный источник права» (по словам Р. Давида¹) и весьма восприимчива к получающим свое отражение в доктрине сложившимся представлениям о формально-догматических, социокультурных, исторических и иных характеристиках конституционно-правовой реальности, включая понимание системы понятийно-категориального аппарата и идейно-ценностного содержания конституционализма, его технико-юридических реализационных аспектов. С другой стороны, судебная практика сама выступает одним из важных источников современной конституционной доктрины развития, модернизации российской государственности, обогащает концептуальное содержание российского конституционализма судебными доктринами². Конституционно-доктринальное воздействие судебной практики проявляется в том числе на отраслевом уровне и порой может приобретать особое значение. Так, в постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П КС РФ, сославшись на опыт государств, имеющих многолетнюю практику уклонения от уплаты налогов, подчеркнул, что одними только законодательными средствами решить данную проблему не всегда возможно, что обуславливает особую роль судебных доктрин; и в российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами также призвано оказывать существенное воздействие на формирование судебной практики, в том числе по налоговому спору (абз. 4 п. 4³ мотивировочной части). Примечательно, что одним из существующих подходов к пониманию собственно правовой док-

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с франц. М., 1999. С. 106.

² См.: Тарибо Е. В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2.

трины является ее осмысление как особой формы систематизации судебной практики, что, впрочем, не представляется вполне убедительным с точки зрения реальной глубины понятия «правовая доктрина».

Взаимосвязи судебной практики с доктринальными аспектами современного конституционализма имеют вполне определенные кадровые предпосылки и институциональное подкрепление. Конституция прямо обуславливает доступ к судебной профессии получением высшего юридического образования (ст.119), что подразумевает наличие у кандидата на должность судьи целостного и комплексного представления о современном праве, его концептуально-методологических основах и актуальных тенденциях практической, в том числе регулятивно-нормативной, реализации. На сегодняшний день для двух третей судей высшее юридическое образование является основным профессиональным образованием, которое, как правило, получено в классическом университете по дневной форме обучения¹. Абсолютное большинство судей действующего состава КС РФ (12 из 16) являются докторами юридических наук, многие судьи Верховного Суда РФ, Суда по интеллектуальным правам, председатели судов общей и арбитражной юрисдикции и их заместители имеют ученую степень по юридическим наукам. Характеристики, сопоставимые с научно-исследовательской организацией, присущи секретариату КС РФ, на который непосредственно законом возложено осуществление научно-аналитического обеспечения деятельности КС РФ (ст. 111 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Вместе с тем КС РФ взаимодействует с научными организациями по вопросам научно-аналитического обеспечения его деятельности как судебного органа конституционного контроля, поддерживает в том числе международные связи с органами и организациями, действующими в сфере правосудия, в целях взаимного изучения опыта, организации совместных научных конференций и т. п. (§ 75, 77 Регламента КС РФ). Такое взаимодействие может опираться, в частности, на институциональные формы договорного партнерства, примером чего может служить соглашение о сотрудничестве, заключенное между КС РФ и Санкт-Петербургским государственным университетом 15 ноября 2016 г.² Как было подчеркнуто Председателем КС РФ В. Д. Зорькиным на церемонии подписания этого соглашения, для КС РФ «ценны не только прикладные исследования в области юрис-

¹ См.: *Волков В. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии: монография / под ред. В. Волкова. М., 2016. С. 83.*

² См.: URL: <http://spbu.ru/news-spsu/27559-konstitutsionnyj-sud-rf-i-spbgu-podpisali-soglaszenie-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 01.12.2016).

пруденции, но и фундаментальные разработки, а главное — их совокупность», ведь «решение суда не может быть принято без единства доктрины и практики, а доктрина, в свою очередь, невозможна без науки»¹. Регламент КС РФ предусматривает также плодотворную, но пока не получившую реализации возможность образования при КС РФ Научно-консультативного совета (п. 3 § 75). При Верховном Суде РФ Научно-консультативный совет действует в силу закона для подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики (ст. 19 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»)². Аналогичные структуры созданы при Суде по интеллектуальным правам³, окружных арбитражных судах и судах общей юрисдикции субъектов РФ.

Доктринальные начала судебной деятельности особым образом проявляются в итоговом, результирующем выражении конституционного правосудия, в решениях КС РФ. Доктринальность в неразрывном, взаимообусловленном единстве с нормативностью выражает само существо, природу судебно-конституционных актов. Понимание решений КС РФ как имеющих нормативно-доктринальный характер предполагает, во-первых, что нормативные начала его решений, обладая высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать высшие конституционные ценности, принципы, основы через обоснование их взаимосвязей, отвечающих идее баланса публичных и частных интересов, наконец, заключая в себе сплав концептуальных научно-теоретических подходов с реальной юридической практикой и международно-правовой регламентацией, во многом приобретают признаки конституционной доктрины, имеющей межотраслевое значение.

Во-вторых, заложенные в решениях КС РФ аксиологические подходы, идеи и принципы, сформулированные на основе Конституции и опосредующие отношение органа конституционного контроля к социально-экономическому, политическому, социокультурному содержанию и юридическому оформлению реальных общественных отно-

¹ URL: <http://spbu.ru/news-spsu/27559-konstitutsionnyj-sud-rf-i-spbgu-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 01.12.2016).

² См.: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 15 февраля 2016 г.) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 8 «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // ВС РФ. 2014. № 10.

³ См.: Приказ Председателя Суда по интеллектуальным правам от 20 марта 2013 г. № СП-18/7 «Об утверждении Положения о научно-консультативном совете при Суде по интеллектуальным правам». URL: <http://ipc.arbitr.ru/about/nks> (дата обращения: 01.12.2016).

шений, придают доктринальным началам решений КС РФ качества их общеобязательности. Соответственно, получающие свое обоснование и формально-юридическое выражение в решениях КС РФ правовые доктрины имеют не только сугубо научное или политико-ориентирующее, но и вполне определенное нормативное значение. Нормативно-доктринальный характер своих решений неоднократно подчеркивал КС РФ¹. При этом в ряде случаев КС РФ полагает возможным напрямую обратиться к доктринальным основам современного права, например в целях выявления конституционно значимых характеристик нормативного правового акта² или посредством задействования нормативно-смыслового потенциала определенных сложившихся правовых доктрин, как-то: доктрина справедливого правосудия³, доктрина беспристрастности суда⁴ и др. Посредством конституционного правосудия обеспечивается конституционно-правовой режим, характеризующий основания, условия, пределы воздействия тех или иных общественных доктрин на функционирование конституционных институтов российской государственности. К примеру, в одном из решений КС РФ пришел к выводу, что «православие как вероучение, как религиозная доктрина не может быть объектом присвоения какой-либо политической партией»⁵.

В этом состоит значение судебной практики как доктринального компонента конституционализации правовой жизни.

Г) Судебная власть, безусловно, является существенным генератором конституционно-правовой идеологии и культуры, индивидуального, общественного, профессионального конституционного мировоззрения. В этом проявляется идеологический компонент конституционализации правовой жизни посредством правосудия. Важно учитывать, что сама судебная власть, которая осуществляет правосудие, отвечающее требованиям равенства и справедливости, относится к необходимым элементам демократической культуры общества. При этом судебная деятельность, рассматриваемая в аспекте конституционной аксиологии, выступает в двуедином качестве: и как пуб-

¹ См. абз. 1 п. 3.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П; абз. 2 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 22 июня 2009 г. № 10-П; абз. 7 п. 4.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П.

² См. п. 4.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П.

³ См. абз. 1 п. 3.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П.

⁴ См. абз. 4 п. 2.1 мотивировочной части определения КС РФ от 19 июля 2016 г. № 1616-О.

⁵ Абзац 4 п. 4.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П.

лично-властная реализация, утверждение нормативно опосредованных конституционно значимых социальных ценностей, и как своего рода порождение, отражение массового правосознания. Как верно подмечено, каково сознание, какова правовая культура, таков и суд. В этом плане вполне обоснованным представляется утверждение, что сам имидж судебной власти во многом обусловлен господствующими в обществе нравственно-правовыми представлениями, его следует рассматривать как ценность демократической культуры и он должен подпитываться с помощью различных (просветительских, институциональных, материальных и иных) мер, предпринимаемых государством. Не случайно КС РФ в своей практике исходит из того, что требование поддержания высокого авторитета судебной власти, с тем чтобы участники судебного разбирательства и общество в целом испытывали доверие к суду, адресовано не только самим представителям судебной власти, призванным заботиться о своей профессиональной репутации как внутри судебного сообщества, так и за его пределами, но и является общей конституционной обязанностью государства и общества, которые должны обеспечить гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия, позволяющие сохранять доверие к его независимости и беспристрастности, в том числе материально-финансового характера¹.

Что же касается основных средств конституционализации права через не относящиеся к конституционной юрисдикции судопроизводства, то здесь следует обозначить прежде всего:

1) формирование Верховным Судом РФ позиций, содержащих абстрактное судебное толкование применяемых норм, в целях обеспечения единообразия судебной практики, что является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы²;

2) нормоконтроль правовых актов ниже уровня федерального закона, включающий имплицитную оценку на предмет соответствия Конституции нормативных правовых актов, не относящихся в силу ст. 125 Конституции к предмету конституционно-судебного контроля;

¹ См. абз. 3 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 17 июля 1998 г. № 23-П; абз. 2 п. 2.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 31 января 2008 г. № 2-П; абз. 3 п. 2, абз. 1 п. 3 и иные положения мотивировочной части постановления КС РФ от 26 февраля 2015 г. № 3-П; абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 15 июля 2008 г. № 465-О-О; абз. 2 п. 2.1 мотивировочной части определения КС РФ от 26 мая 2016 г. № 1064-О.

² См. постановление КС РФ от 21 января 2010 г. № 1-П.

3) казуальное конституционно-связанное истолкование подлежащих применению норм с учетом обстоятельств конкретного дела, в том числе решение вопроса о порядке применения нормы с учетом правовой позиции КС РФ, сформулированной в отношении подобных нормативных положений, содержащихся в иной части текста того же правового акта либо в другом правовом акте¹;

4) обеспечение в рамках судебно-инстанционного контроля оценки того, отвечают ли интерпретация и применение судом нижестоящего уровня норм вытекающим из Конституции требованиям, в том числе в их понимании КС РФ;

5) инициирование конституционного судопроизводства путем направления запроса в КС РФ в порядке либо: а) абстрактного нормоконтроля, что относится в рамках судебной власти к прерогативам Верховного Суда РФ (ч. 2 ст. 125 Конституции); либо б) конкретного нормоконтроля, что является обязанностью суда любого уровня и юрисдикции, если он придет к убеждению, что подлежащая применению в конкретном деле норма не соответствует Конституции (ч. 4 ст. 125 Конституции, гл. XIII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ч. 3 ст. 13 АПК РФ, ст. 215 ГПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, ч. 3 ст. 15 КАС РФ). Казуальный запрос суда есть, по сути, опосредованная конституционная жалоба, и потому должен увязываться с целями защиты конституционных прав участников конкретного дела. В последние годы число судебных запросов в КС РФ растет: в 2015 г. их поступило рекордное количество — 33, тогда как в 2014 г. — 14, в 2013 г. — 22, в 2012 г. — 19. Это может свидетельствовать об усилении реальной ориентации судов на приоритетное значение защиты конституционных прав и свобод и иных конституционно признаваемых ценностей;

б) ревизионные формы реагирования судов на итоговый акт конституционного правосудия, применение которых требует: а) безусловного пересмотра всех принятых вопреки решению КС РФ правоприменительных актов по конкретному делу лица, являвшегося участником конституционного судопроизводства; б) пересмотра вступивших в законную силу, но не исполненных или исполненных частично, а также не вступивших в законную силу решений судов и иных органов, основанных на актах, признанных неконституционными, или на их истолковании, которое расходится с истолкованием КС РФ, — применительно как к заявителю (в отношении его дел, аналогичных тому, что послужило поводом для обращения в КС РФ), так и к иным лицам, не участвовавшим в конституционном судопроизводстве, на основе их волеизъявления. Следует учитывать также,

¹ См. п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 26 апреля 2016 г. № 13-П.

что согласно правовой позиции КС РФ, если при рассмотрении дела будет установлено, что суд нижестоящей инстанции либо применил законоположения, которые впоследствии были признаны КС РФ не соответствующими Конституции, либо применил их в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным КС РФ, такие судебные акты подлежат безусловной отмене¹.

В содержательном плане особое, возрастающее значение для судебной конституционализации правовой жизни сегодня приобретают:

во-первых, обеспечение сбалансированной с учетом фактических обстоятельств (факторов) реализации опосредованных нормами, подлежащими применению, конституционно значимых ценностей, частных и публичных интересов, что предполагает прежде всего ориентацию на приоритетность прав и свобод человека и гражданина²; применение нормы, которая предусматривает «больший объем» таких прав, «более широкие их гарантии»³; преодоление коллизий таким путем, который бы исключал предоставление «защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению»⁴; необходимость узконаправленного (нерасширительного) толкования запретов, ограничений, особенно если это касается вторжения в сферу индивидуальной автономии личности⁵;

во-вторых, восполнение пробелов в правовом регулировании на основе непосредственного (прямого) применения норм Конституции⁶, толкования и применения к конкретным ситуациям соответствующих общих положений, относящихся к данной отрасли, институту⁷, использования аналогии⁸;

¹ См. абз. 3 п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П; абз. 1 п. 4 мотивировочной части определения КС РФ от 10 марта 2016 г. № 484-О-Р.

² См. абз. 2 п. 2.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 мая 2015 г. № 9-П.

³ См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О.

⁴ См. абз. 3 п. 2.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П.

⁵ См. абз. 3 п. 3.3 мотивировочной части постановления КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П.

⁶ См. абз. 1 п. 6 мотивировочной части постановления КС РФ от 15 января 2002 г. № 1-П; абз. 6 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ 18 сентября 2014 г. № 1828-О.

⁷ См. абз. 2 п. 5 мотивировочной части определения КС РФ от 3 июля 2008 г. № 734-О-П.

⁸ См. абз. 6 п. 6 мотивировочной части постановления КС РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П; абз. 6—7 п. 3.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 16 марта 2006 г. № 76-О.

в-третьих, судебная имплементация в правовую систему общепризнанных принципов и норм международного права, которая, в том числе применительно к отношениям евразийской интеграции, должна предполагать согласованный учет требований Конституции, основанных на них правовых позиций КС РФ и международных норм, не допуская при этом нарушений конституционных прав и свобод граждан и их объединений (юридических лиц).

3. Судебная конституционализация как способ юридизации политики

3.1. Политико-правовые начала правосудия — вне политизации

Активное вовлечение судебных органов в процессы конституционализации, связанные с этим юрисдикционное преобразование, новеллизация правового регулирования, разработка судебно-доктринальных подходов к совершенствованию законодательства характеризуют проникновение судебной власти в формирование и реализацию правовой политики.

Конституционная ценность этих процессов определяется двуедиными факторами, связанными с их влиянием как на саму судебную власть, так и на общее состояние и развитие государственно-правовой системы. Конституционализация правовой жизни посредством правосудия, акцентированная расширением его правотворческих, нормоконтрольных характеристик, способствует укреплению самостоятельности и независимости, авторитета судебной власти в государственном механизме. Обретение судебной властью возможностей формирования прецедентно значимых, общеобязательных интерпретаций в отношении конституционного порядка применения правовых норм, равно как и блокирования реализации нормативных требований, отступающих от конституционных установлений, возвышает правосудие, отстаивающее верховенство права и призванное вершить контроль над властью, способствует минимизации произвольного влияния на представителей судейского сообщества внешних факторов. Укрепление судебной власти в общем государственном механизме должно оцениваться не изолированно, а в свете глобальных тенденций усиления, интенсификации исполнительной власти, ее влияния на парламент, в том числе в рамках отработанных механизмов взаимодействия на общей партийной основе, широкого распространения делегированного законодательства и т. п. Что же касается последствий более общего плана, то нужно прежде всего принять во внимание существенную значимость на данном историческом этапе того эффекта, который судебная активность по выявлению, раскрытию ценностно-нормативного потенциала Конституции оказывает на правовую систему через обеспечение определенности, поступатель-

ного характера правового развития государства и общества, отдельных сфер общественных отношений. Это особенно важно в условиях нестабильности, несогласованности правового регулирования, в одних случаях запаздывания необходимой корректировки нормативных правовых актов с учетом быстро меняющегося социального и правоприменительного контекста, в других — поспешных, концептуально не отработанных, ситуационных поправок в законодательство. Именно суд является, вероятно, и последним оплотом защиты прав человека в ситуации резкого напряжения, возникшего между ценностями свободы и безопасности, индивидуального развития и общественной солидарности.

Особая роль, которую играют и должны играть суды, прежде всего конституционные, в формировании политики современного государства, может рассматриваться как естественный и закономерный процесс¹. Но этот взгляд на правосудие, надо признать, не является общепринятым. Возвышение правосудия, более полное раскрытие присущего ему государственно-властного потенциала порой вызывает настороженность, сквозь которую проявляется оборотная сторона объективной тенденции усиления судебной власти применительно к перспективам укрепления верховенства права и правовой демократии. В этом находит отражение определенный вызов, связанный с необходимостью избежать ловушек политизации правосудия или своего рода «юстификации» политики, иными словами, попыток реализации посредством правосудия политических задач (не суть важно — исходящих из самой судебной системы или реализуемых с использованием ее решений) в обход буквы и духа Конституции. Насколько серьезными и обоснованными являются эти опасения?

При поиске ответа на поставленный вопрос важно учитывать, что судебная власть, будучи составной частью единого конституционного механизма народовластия, не может быть выведена за рамки всего того множества существенных политических процессов, которые объективно попадают в сферу ее воздействия, оторвана от реального функционирования и развития политико-правовых основ современной государственности. Не случайно в стратегических документах России проведение судебной реформы рассматривается в свете повышения эффективности политико-правовых институтов², а задачи дол-

¹ См., например: *Загредтинов В. И.* Конституционное орудие политической борьбы // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5(108).

² См. п. 1 разд. IV «Развитие экономических институтов и поддержание макроэкономической стабильности» Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. от 8 августа 2009 г.) (СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489).

госрочного социально-экономического развития — как основополагающие для развития самой судебной системы¹.

В зарубежной доктрине сегодня можно встретить весьма решительные суждения, относящиеся к социально-политическому статусу правосудия в современном мире. К примеру, французский исследователь А. Гарапон идет весьма далеко в своем выводе о том, что «органы правосудия, бывшие государственными, внезапно обнаружили, что теперь воплощают источник легитимности, из которого произрастает само государство»². Эта оценка может выглядеть преувеличением, но она не лишена оснований. Суд способен обеспечивать и фактически гарантирует рациональную легитимность, проистекающую из верховенства права, которое и является первоосновой правовой демократии. Вопрос в том, как судебная легитимация публичной власти соотносится с фундаментальными представлениями о народном суверенитете, не ведет ли она в итоге к ослаблению демократических гарантий политического режима. И насколько широка дискреция суда в отстаивании своего понимания конституционности в соотношении с тем, как актуальные и стратегические конституционные интересы личности, общества, государства восприняты народным представителем, призванным выражать предпочтения большинства?

Обращаясь к этим существенно значимым проблемам, важно прежде всего подчеркнуть, что при всей романтической притягательности представлений о народовласти, основанных на формуле «*vox populi vox Dei*», этот подход, проведенный логически строго, вступает в противоречие с принципами правовой демократии и верховенства права. Ни представительство народа, ни даже он сам не выше права и Конституции, а народный суверенитет — правовая по форме и содержанию категория, выражающая не вседозволенность и произвол, а определенную меру свободы. Правовая демократия, отмечается в одном из решений КС РФ, предполагает «всеобщую — в том числе самого народа, объединенного в государство, — связанность правом и конституцией»³.

¹ См. разд. I «Характеристика проблемы, на решение которой направлена Программа» Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (в ред. от 25 декабря 2015 г.) (СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13).

² Гарапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М., 2004. С. 44.

³ Абзац 2 п. 2.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П. Уместным будет упомянуть в связи с этим весьма созвучную изложенной позиции видных армянских конституционалистов, согласно которой «даже народ, являющийся носителем и источником власти, не может принять такую Конституцию, в которой верховенство права не гарантировано», иными словами, «непосредственное действие прав человека является ограничительным фактором и для народа при осуществлении принадлежащей ему власти». См.: Арутюнян Г., Вардеванян А. Роль Конституционного Суда в обеспечении непосредственного действия основных прав: доктрина Конституционного Суда Республики Армения // Конституционное правосудие. Вест-

В этом контексте роль суда должна оцениваться в свете необходимости беспристрастной охраны права и Конституции от любого произвола, с чьей бы стороны он ни исходил, и, соответственно, суд призван обеспечивать с помощью присущего только ему юрисдикционного инструментария реализацию не любых, а правомерных, т. е., по существу, конституционно обоснованных, интересов народа. Именно суд прежде всего и главным образом призван хранить верность народа своей Конституции, провозглашенным в ней идеалам, ценностям и принципам, притом что обретение и реализация судом этой роли во все не выведены за рамки демократического процесса.

Критика судебного активизма, расширения влияния судов в государстве и обществе направлена в итоге против угроз, проистекающих из так называемого правления судей, при котором судебный контроль, не ограничиваясь законодательством, проникал бы в социально-экономическую, политическую сферу, превращаясь в некую форму «юрисдикционного диктата». Речь идет об опасностях деформации представительной системы, перетекании процесса формирования властных решений из открытой, публичной сферы, обеспечивающей реализацию мажоритарного принципа, в закрытое пространство совещательной комнаты, что создает, помимо прочего, предпосылки обретения определенными группами элиты непропорционального влияния, в том числе путем достижения судебного признания и закрепления конституционных прав и интересов, которые могут не пользоваться широкой общественной поддержкой¹. Имеющие политический подтекст принципиальные споры, разногласия могут выноситься под видом правового конфликта на рассмотрение суда, что может означать стремление законодателя и политического руководства уйти от ответственности за решение вопросов, которые они должны были бы решать сами². Подобные этим критические подходы в отношении судебного активизма следует оценивать, вероятно, с ориентацией на то, что представления о влиянии судебной власти на конституционализацию должны быть не идеализированно-романтическими, а реалистическими, учитывать сложности, с которыми сталкивается или может столкнуться правосудие, решая соответствующие задачи.

ник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. № 1. С. 37.

¹ См., например: *Fisch W., Kay R.* The Constitutionalization of Law in the United States // *The American Journal of Comparative Law.* 1998. Vol. 46. P. 437—462; *Hirschl R.* The Political Origins of Judicial Empowerment through Constitutionalization: Lessons from Four Constitutional Revolutions // *Law & Social Inquiry.* 2000. Vol. 25. P. 91—149.

² См.: *Гриценко Е. В.* Роль конституционного суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России // *Журнал конституционного правосудия.* 2013. № 1. С. 20—22.

Говоря по существу, реалии государственно-правовой системы, в которой институты правосудия могут обладать серьезным политически значимым потенциалом, подразумевают наличие общественного консенсуса в отношении той роли, которую может и должна играть судебная власть, и судебный активизм, связанный в том числе с определенными направлениями интерпретации, развития конституции и законодательства, имеет в своей основе демократическое признание, его реализация не может не коррелироваться с общественным мнением, хотя и не предрешается этим мнением в своих итогах. Судебный активизм связан также правовой определенностью, включая преемственность в следовании выработанным правовым подходам, и требованием *ultra vires*, и политическая власть в лице законодательных и исполнительных органов обладает проистекающими из разделения властей прерогативами, которые не могут быть поколеблены судом без ущерба конституционному строю, включая основы правосудия.

Сама практика судебного нормоконтроля, участия институтов правосудия в процессах конституционализации позволяет сформулировать своего рода конституционно-правовую максиму: *дух Конституции должен служить не политизации конституционных институтов, а конституционализации политики, ее насыщению и связыванию конституционными целями, ценностями, принципами, нормами*¹. Речь идет о том, что «защита Конституции в отрыве от реальной государственности, обусловленной сотнями причин, от общественной ситуации — это нонсенс», поскольку право «есть исторически выверяемый баланс между идеалом и реальностью, должным и возможным»².

В этом плане судебная власть, главным образом посредством конституционного правосудия, обеспечивает: а) государственно-правовую оценку происходящих политических изменений, имеющих, по сути, правовое и конституционное значение, и их юридическое закрепление; б) сбалансирование коллизионных ценностей и политических интересов; в) определение конституционно обусловленных оснований и пределов усмотрения субъектов нормотворчества при реализации правовой политики; г) непосредственное влияние на формирование и реализацию конституционно значимых начал политики в области социального, экономического, экологического, национального и иного развития государства, поскольку это касается защиты конституционных ценностей, принципов, норм в соответст-

¹ См. подробнее: *Бондарь Н. С.* Конституционное правосудие и политика: попытка конституционного анализа без политизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1(92). С. 45—64; *Он же.* Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1(49). С. 23—30.

² *Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 12.

вии с высшими, в том числе политическими, интересами общества и государства, человека и гражданина.

Судья при принятии решения должен исходить из внутреннего убеждения и своей совести и одновременно основываться на совокупности всех имеющихся в деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений¹. Позиция судьи должна отвечать требованиям Конституции и закона и не может зависеть от чьей-либо воли, суд не вправе отдавать предпочтения каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе сторонам по признаку политической принадлежности (ч. 1 ст. 5, ч. 2 ст. 7 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»²) и не должен участвовать в политической деятельности (ст. 21 Кодекса судейской этики³). Если же политические интересы, опосредованные предметом рассматриваемого правового спора, соответствуют в итоге Конституции, определяются ее принципами, ценностными началами, то суд посредством своих решений объективно может становиться проводником этого «политического», а фактически — конституционно-правового вектора развития государства и общества.

Существенные вытекающие из Конституции гарантии недопустимости политизации правосудия, получившие свое развитие, конкретизацию в конституционно-судебной практике, заключаются, в частности, в следующем:

— поскольку предназначение судебного контроля состоит в разрешении правовых споров на основе независимости и беспристрастности суда⁴, недопустимо возложение на суд каких бы то ни было функций, не совместимых с его прерогативами по осуществлению правосудия⁵;

— заинтересованные лица вправе обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса, тогда как возбуждение судопроизводства лишь в связи с на-

¹ См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 18 июля 2006 г. № 289-О.

² См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 февраля 2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

³ См.: Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

⁴ См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 20 ноября 2014 г. № 2729-О, абз. 1 п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 23 апреля 2015 г. № 763-О.

⁵ См. абз. 1 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П; абз. 1 п. 7 мотивировочной части постановления КС РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П; абз. 1 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 января 2001 г. № 21-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 20 ноября 2003 г. № 451-О.

мерением защитить некий субъективно понимаемый общественно-политический интерес не отвечает целям правосудия¹; при этом судебное разбирательство имеет ограниченные пределы, обусловленные принципом разделения властей², а дискреционные полномочия, которых не может быть лишен суд, детерминированы эффективным достижением в рамках соответствующей категории дел конституционных целей правосудия³;

— необходимо четкое урегулирование в законе подсудности дел с установлением критериев, которые в нормативной форме заранее определяют, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, а также в каких случаях и в каком порядке подсудность может быть изменена, притом что определение или изменение подсудности по мотивам сугубо общественно-политического характера во всяком случае являлось бы произвольным и недопустимым⁴;

— порядок судопроизводства также должен устанавливаться законом и не может вопреки воле законодателя определяться самим судом⁵;

— судья принимает решение по делу самостоятельно и независимо, в том числе во взаимоотношениях с вышестоящими судебными инстанциями, и не может быть привлечен к какой-либо ответственности, в том числе после прекращения его полномочий, за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение (если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта); основанием же для отмены или изменения судебного постановления нижестоящего суда не может быть единственно другая точка зрения вышестоящего суда на то, как должно быть разрешено дело⁶;

¹ См. абз. 7 п. 4.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П; абз. 4 п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 7 июля 2016 г. № 1422-О.

² См. абз. 2 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 14 января 2016 г. № 96-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 июня 2016 г. № 1332-О.

³ См. абз. 6 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П; абз. 5 п. 2² мотивировочной части определения КС РФ от 2 декабря 2013 г. № 1908-О.

⁴ См. постановление КС РФ от 25 февраля 2004 г. № 4-П.

⁵ См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 24 ноября 2005 г. № 508-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 15 апреля 2008 г. № 314-О-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 26 мая 2016 г. № 1058-О.

⁶ См. абз. 5 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П; абз. 2 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 17 января 2008 г.

— суды не уполномочены проверять целесообразность решений органов публичной власти (их должностных лиц), которые действуют в рамках предоставленных им законом дискреционных полномочий¹, равно как и не вправе проверять экономическую целесообразность решений хозяйствующих субъектов², что, однако, не исключает возможность и необходимость оценки законности соответствующих решений, действий (или бездействия);

— суды не вправе решать вопросы, связанные с внесением изменений, дополнений в нормативные правовые акты³, и вместе с тем утрата силы оспариваемым нормативным правовым актом в процессе рассмотрения дела не может предопределять прекращение производства по делу в суде как обусловленного целями защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов⁴; однако проверка судом общей юрисдикции законности нормативных правовых актов, утративших силу к моменту обращения заинтересованного лица в суд, и признание их недействующими вне связи с защитой каких-либо субъективных прав заявителя, т. е. в порядке абстрактного нормоконтроля, недопустимы⁵.

3.2. Актам правосудия — метаюридическую аргументацию

Для выяснения объективных взаимосвязей между правосудием и политикой важным является характер используемой в рамках судебной деятельности, включая реализацию судьейского усмотрения, методологии разрешения правовых споров и связанных с ними социальных противоречий, конфликтов, имея в виду, что эта методология в современных условиях не может быть свободной от все более активного применения метаюридической (в том числе социально-культурной, политико-правовой, экономической) аргументации.

№ 1-П; абз. 1 п. 2² мотивировочной части определения КС РФ от 25 октября 2016 г. № 2299-О.

¹ См., например, абз. 3 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июля 2004 г. № 14-П; абз. 4 п. 5⁶ мотивировочной части постановления КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П; абз. 3 п. 3² мотивировочной части определения КС РФ от 14 мая 2015 г. № 1076-О.

² См. абз. 10 п. 5² мотивировочной части постановления КС РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П.

³ См. определение КС РФ от 3 апреля 2012 г. № 630-О, а также: решение Верховного Суда РФ от 8 сентября 2014 г. № АКПИ14-894, определение Верховного Суда РФ от 26 января 2015 г. № АКПИ15-80, апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 февраля 2015 г. № АПЛ15-24.

⁴ См. п. 3² мотивировочной части определения КС РФ от 12 мая 2005 г. № 244-О; п. 3² мотивировочной части определения КС РФ от 12 июля 2006 г. № 182-О.

⁵ См. определения КС РФ от 27 октября 2015 г. № 2473-О, от 24 ноября 2016 г. № 2531-О.

Неизвестный ранее динамизм, стремительность обновления как политических, социально-экономических, нравственно-этических, так и конституционных основ государственной и общественной жизни (с чем столкнулись, в частности, государства, возникшие на постсоветском пространстве) объективно предопределяют необходимость активного дополнения догматических методов изучения и оценки нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим методами познания сложных, комплексных по своей природе явлений современной правовой действительности.

В особой степени понимание того, что современная юридическая рациональность обусловлена системным подходом к пониманию права как открытой динамической системы, находящейся в сложных прямых и обратных связях со средой, является значимым для институтов правосудия, учитывая, что право «есть исторически выверенный баланс между идеалом и реальностью, должным и возможным»¹. Сама судебная деятельность, предполагающая развитие интерпретационно-оценочных, нормативных начал, представляет собой в соответствующих ее проявлениях нечто большее, чем просто нормоконтроль или толкование. Это особая когнитивная деятельность, направленная на познание конституционной нормативности в ее сложном культурно-социологическом контексте и выходящая в реальность на уровень конституционной политики². Поэтому нельзя не согласиться с тем, что «никакая рациональная аргументация не может быть свободной от метаоснований определенной культуры и нравственности»³.

Формированию конституционно обоснованной современной догмы российского права должно непременно сопутствовать погружение в социальную сущность и предназначение тех институтов, которые она выражает. Только таким путем, как было замечено еще С. А. Муромцевым, познается источник различных свойств института, их значение и взаимное соотношение, тогда как пренебрежение этим путем создает некую ловушку односторонности, и излишнее предпочтение может быть отдано свойству, почему-либо бросившемуся в глаза⁴. Нынешнее состояние философии конституционализма и методологических основ современного правосудия может быть охарактеризо-

¹ Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. С. 12.

² См.: Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология). М., 2016. С. 171.

³ Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. С. 732.

⁴ См.: Муромцев С. А. Что такое догма права? Критико-полемическая заметка по поводу статьи г. Гольмстена // Юридический вестник. 1884. Т. XVI. № 5—6. С. 239—240.

вано, говоря словами российского философа права И. А. Ильина, как утрата веры в спасительный методологический монизм и переход к принципиальному признанию методологического плюрализма¹.

В практическом плане методология философско-мировоззренческого плюрализма требует взвешенного сочетания формально-юридических и иных (включая политические) аргументов, значимых с точки зрения правовой аргументации, т. е. она подразумевает применение комплексной политико-правовой логики с ориентацией на системообразующее значение — в равной мере с формально-догматическим анализом — социокультурного, аксиологического подхода. Полная и неискаженная картина правового регулирования в обществе, справедливо подчеркивает Г. В. Мальцев, может быть составлена на основе познавательного материала, добытого в результате научного, нормативного и ценностного постижения юридической действительности, — одной же формы познания недостаточно, и ни одну из этих форм нельзя искусственно преувеличивать за счет других, только вместе они могут претендовать на более или менее правильное объяснение реальности². Отсюда — необходимость четкого понимания того, что и ненормативистское, аксиологическое восприятие правовой действительности не может на методологическом уровне останавливаться на приспособлении неюридического феномена ценностей к потребностям конституционного права: актуальные точки роста конституционной аксиологии находятся и могут быть целесообразно востребованы лишь в ее междисциплинарном взаимодействии с другими формами познания³.

Практическое конституционно-правовое значение в единстве с иными формами юридического познания аксиология приобретает как учение о конституционных ценностях демократического правового развития общества и государства, признания и защиты прав и свобод граждан, равенства и справедливости, воплощения в жизнь, в том числе с помощью конституционно-правовых средств, основных ценностей нашей жизни⁴. В контексте же судебного конституционализма и конституционализации правовой жизни посредством правосудия становится возможным соответствующие различные аспекты конституционной аксиологии отразить наиболее рельефно, зримо,

¹ См.: *Ильин И. А.* Понятия права и силы (опыт методологического анализа) // *Ильин И. А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 9—10.

² См.: *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М., 2011. С. 76—77.

³ См.: *Перепелица Е. В.* Познавательные задачи и возможности конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 14.

⁴ См.: *Бондарь Н. С.* Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М., 2013.

и в том числе здесь находят свое проявление и оказываются практически востребованными междисциплинарные начала ценностного подхода.

Существенный потенциал аксиологии как важного объединительного (системообразующего) фактора в рамках современной методологии познания российского конституционализма и судебной методологии конституционализации коренится прежде всего в его личностных началах, поскольку в центре конституционно-правовой системы находятся человек и его проявления в юридической реальности — права и свободы. Вместе с тем это связано с объективной ролью, которую конституционные ценности играют в конституционно-правовой (и шире — государственно-общественной) системе, имея в виду, в частности, такие их функции, как: а) интегративно-коммуникативная (как внутри национального сообщества, так и в отношениях международного общения); б) идеально-прогностическая — формирование и фиксация конституционных образов будущего, ориентирующих на стремление к ним в настоящем; в) континуально-передаточная — трансляция воспринятых от предшествующих поколений государственно-правовых традиций и обеспечение соотносимого с цивилизационно-культурным генотипом нации преемственного государственно-правового развития; г) нормативно-регулятивная; д) контрольно-охранительная; е) идеологическая¹.

В свете философии конституционного мировоззрения, основанной на восприятии методологического плюрализма, предполагается, таким образом, что правосудие, призванное гарантировать охрану национальных социально-правовых ценностей, не может быть реализовано эффективно без учета в судебной практике специфически-национального контекста (социокультурной специфики) и конкретных социально-политических условий, без разумного использования метода исторического толкования конституционных и законодательных норм. Уместно подчеркнуть, что речь не идет (и не может идти!) о придании судебной власти неких «оборонительных» функций в отношении национальных ценностей, рассматриваемых в противопоставлении (тем более антагонизме) с общепринятыми ценностями современной правовой цивилизации. Суд призван находить в рамках толкования и применения норм права отвечающий требованиям Конституции исторически выверенный баланс в отношении приверженности восприятию универсальных правовых стандартов в свете национальной конституционной идентичности, с тем чтобы само существо и функциональность конституционного строя, характеризую-

¹ См.: Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии // Юридический мир. 2014. № 2.

щего основы публичного порядка, не были поколеблены. Судебно-правовая практическая конституционная аксиология направлена в итоге на обогащение посредством устойчивого диалога ценностей современного конституционализма, складывающегося через интегративное восприятие специфически-национального опыта. Ведь, как заметил Г. Д. Гурвич, любой из несводимых друг к другу видов духовного опыта представляет собой бесконечную множественность опытных восприятий, которые лишь частично и по-своему постигают тот или иной участок духовности, а для того чтобы воспринять духовность во всем ее бесконечном многообразии, требуется совместный труд всех эпох, всех цивилизаций, всех наций и социальных групп¹.

Использование в рамках правосудия методологических подходов, основанных на философско-мировоззренческом плюрализме, включая обеспечение посредством конституционной юстиции эволюционно-преобразовательного толкования Конституции, нельзя считать тождественным признанию возможности изменения действующего законодательства решениями судов, которые служат источником права особого рода. В частности, толкование Конституции — в какой бы форме конституционно-судебного контроля оно ни осуществлялось — выражается не в корректировке ее норм, а в приведении буквы Конституции в соответствие с ее духом. Соответственно, и учет КС РФ в процессе своей нормоконтрольной и интерпретационной деятельности разнообразных метаюридических, социокультурных факторов объективно необходим для обеспечения эффективной реализации конституционных норм в изменяющихся социальных условиях. Более того, поскольку положения Конституции проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные КС РФ в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции применительно к проверяемому нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования².

¹ См.: *Гурвич Г. Д.* Философия и социология права: избранные сочинения. СПб., 2004. С. 250.

² См. абз. 6 п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П.

Вместе с тем это важно и для иных судебных органов, и прежде всего Верховного Суда РФ, поскольку все суды призваны обеспечивать актуализированное конституционное истолкование подлежащих применению норм, а практика высшего суда имеет институциональное значение.

Воздействие на формирование судебной аргументации и в итоге на судебную политику наряду с собственно правовыми иными, метаюридическими факторами носит комплексный объективно-субъективный характер. А. С. Гамбарян предлагает разделить факторы, влияющие на судебную политику, на две группы: не латентные (правовые) и латентные (не правовые) факторы воздействия — в зависимости от того, действительно ли тот или иной фактор, который определенно влияет на судебную политику, официально отражен в судебном акте. Латентные факторы, к числу которых отнесены имеющиеся в стране политические тенденции и традиции общества, научные комментарии закона и политические взгляды, влияют на судебную политику, как он полагает, опосредованно (косвенно), и в своей основе они являются субъективными¹. Между тем подобное разделение во многом условно. Судебная аргументация служит формализованным выражением внутреннего убеждения судьи, основанного на общем и профессиональном правосознании, объективном праве и общественном контексте, от которого судья в любом случае не может отстраниться, не избежав упрека в том, что это грозит утратой связи правосудия с реальностью. Судья, замечает А. Барак (Председатель Верховного Суда Израиля с 1995 по 2006 г., профессор юриспруденции Йельского университета), есть часть своей нации, часть своего времени, порождение своей эры, он движется вместе с историей, «иногда он может жить в башне из слоновой кости, но эта башня... находится на холмах Иерусалима, а не на Олимпе»². В условиях развития судебного правосознания, прецедентных начал в правовой системе принцип историзма приобретает особое значение, что находит подтверждение не только в англосаксонской правовой среде (для которой данный принцип всегда был присущ³), но и для континентальной системы права.

К. Р. Санстейн подчеркивает, что при объявлении судом политического акта неконституционным со ссылкой на неоднозначные (каких немало) положения конституции политики могут заявлять, что толкование суда ошибочно и что при этом суд руководствовался не законом, а своими личными пристрастиями и, следовательно, имен-

¹ См.: Гамбарян А. С. Судебная политика в Республике Армения (общетеоретические и методологические проблемы). Ереван, 2014. С. 15—19.

² Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. М., 1999. С. 169.

³ См.: Евсеев А. Аргументационная техника Верховного Суда Великобритании // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3 (106).

но политики, а не судьбы по-настоящему привержены конституции¹. Но именно независимость конституционных судов от политических сил позволяет им, по утверждению того же Санстейна, находиться в лучшем положении с точки зрения толкования конституции и вырабатывать разумные политически не ангажированные решения.

Сегодня становится очевидным и то, что экономические факторы и конституционно-правовое развитие — это, по выражению Г. А. Гаджиева, «сообщающиеся сосуды»², что приводит в итоге к формированию качественно новых интегративных связей и зависимостей экономики и права в системе экономического конституционализма³, концептуальные начала которой имеют в том числе важное практико-прикладное назначение. В этих условиях, например, судьи не только не могут уклоняться от необходимости учитывать экономические последствия принимаемых ими решений, но не могут не стремиться к тому, чтобы — при всех сложностях, с которыми связана реализация методологического подхода, основанного на принципах экономического конституционализма и, в более широком плане, экономического анализа права, — судебные решения были ориентированы, насколько возможно, на повышение уровня общественного благосостояния, рост эффективности экономической и социальной политики.

Так, выработанная Верховным Судом РФ позиция, согласно которой «ошибочное предположение заемщика о выгодности займа в той или иной иностранной валюте само по себе не означает, что стороны не могли и не должны были предвидеть возможность изменения курса валют» и в связи с этим «изменение курса иностранной валюты по отношению к рублю само по себе нельзя расценивать как существенное изменение обстоятельств, являющееся основанием для изменения договора»⁴, характеризует интерпретацию соответствующих законоположений (ст. 451 ГК РФ) в свете сложившихся экономических реалий и коррелирует ранее сделанному судебно-правовому выводу о том, что «финансовый кризис явился объективным обстоятельством, в условиях которого оказались все хозяйствующие субъекты»⁵. Вместе с тем Верховный Суд РФ считает необходимым принимать во внимание «сложную экономическую обстановку», например, при оценке

¹ См.: Санстейн К. Р. Легитимность конституционных судов: заметки о теории и практике // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1997. № 2(19). С. 31.

² См.: Очерки конституционной экономики / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М., 2009. С. 12.

³ См.: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 16 августа 2016 г. № 57-КГ16-7.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 7 августа 2001 г. № 4876/01.

осуществляемого субъектами РФ правового регулирования государственного содействия безработным гражданам¹.

На необходимость учета общественно-политического контекста при восприятии, применении норм права Верховный Суд РФ прямо указывает, в частности, применительно к выяснению судами вопросов о том, имеет ли место злоупотребление свободой массовой информации: судам следует учитывать в том числе «общественно-политическую обстановку в стране в целом или в отдельной ее части (в зависимости от региона распространения данного средства массовой информации)»². В одном из решений по делам об экстремизме Верховный Суд РФ разъяснил, что «запрет на пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, не касается, не отменяет и не умаляет значения культурно-исторического наследия русского народа и других народов, созданных в ходе их исторического развития ценностей мировой художественной культуры, а представляет из себя лишь необходимую в сложившейся в настоящее время общественно-политической ситуации меру по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций и движений на территории РФ»³.

В свете особенностей национально-культурной и этноконфессиональной политики как выражения политики российской многонациональной государственности следует рассматривать вывод Верховного Суда РФ, согласно которому включение в подзаконный акт нормы, обязывающей граждан действовать в противоречии со своими религиозными убеждениями, — в тех случаях, когда ими предъявляется паспорт в целях реализации каких-либо прав и свобод, показываться перед лицами, которым предъявляется документ, в том виде, в котором они изображены на фотографии, т. е. без головного убора, чего и требует соответствующая норма, — нарушает их конституционно-правовой статус, не соответствует нормам Конституции⁴. Аналогичное значение имеет судебно-правовая позиция, в силу которой для органов государственной власти субъектов РФ не исключается право на соответствующей территории объявить нерабочие (праздничные) дни по поводу религиозных праздников⁵.

¹ См. определение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2011 г. № 50-Г11-9.

² Пункт 28 постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» (БВС РФ. 2010. № 8).

³ Определение Верховного Суда РФ от 27 июля 2004 г. № 50-Г04-10.

⁴ См. определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2003 г. № КА03-166.

⁵ См. постановление Президиума ВС РФ от 21 декабря 2011 г. № 20-ПВ11.

Преобразовательные, политико-правовые начала правосудия, необходимость обращения к метаюридической аргументации существенно усиливаются в периоды активных социально-политических преобразований, в особенности в современных условиях, когда человечество вступило в эпоху всеобщей глобализации. Глобализация напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их защиты, новые тенденции развития, а во многих случаях становится также фактором неустойчивости национальных конституционных систем. Немаловажно и то, что судейский активизм в особенности характерен для стран, где наряду с правовыми, формально-юридическими регуляторами важную роль играют нормы нравственности, национально-исторические традиции, духовные начала институтов государственности.

Поэтому в методологическом плане чрезвычайно важно при разрешении конкретных дел учитывать, что демократические ценности и принципы государственно-правового строительства должны соотноситься с национальной культурой и традициями, применяться на основе ответственности перед нынешним и будущими поколениями (преамбула Конституции). Необходимость учета социокультурных особенностей исторического развития, национальных ценностей и традиций — это выработанный в практике КС РФ один из важных принципов интерпретации конституционных положений, с одной стороны, и критерий для оценки конституционности проверяемых нормативных правовых актов — с другой.

В целом КС РФ исходит из того, что конституционно значимые нравственные ценности предопределяются историческими, культурными и иными традициями многонационального народа России¹. В постановлении от 28 июня 2007 г. № 8-П КС РФ подчеркнул, что государство обязано создавать такой режим, который позволил бы каждому следовать принятым традициям и обычаям — национальным и религиозным, и в том числе это предполагает право человека быть погребенным после смерти согласно его волеизъявлению, с соблюдением обычаев и традиций, религиозных и культовых обрядов. Те или иные формы социального поведения не могут быть ограничены или стеснены «на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями»².

¹ См. абз. 4 п. 2² мотивировочной части постановления КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П.

² Абзац 13 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 2 июля 2013 г. № 1053-О.

Вместе с тем социальное поведение, не укладывающееся в общепринятые представления о нравственности, не может претендовать на позитивное подкрепление со стороны публичной власти, которая, в свою очередь, должна по общему правилу лишь проявлять разумную нейтральность.

Поиск баланса между ценностями индивидуальной автономии, свободной самореализации и самовыражения, включая следование образу жизни, избранному каждым по своему усмотрению, с одной стороны, и социальной сплоченности, основанной на историческом единстве духовного опыта предков и общепринятых нравственных императивах, — с другой, является чрезвычайно деликатной проблемой, требующей проявления должной степени гибкости и неавтоматизма решений, которые, очевидно, не могут быть односторонними¹. Нет сомнений, что конституционный правопорядок, будучи призван обеспечивать формирование и выражение воли народа на основе уважения к воспринятым от предков ценностям и сообразно ответственности перед настоящим и будущими поколениями, не может допускать попустительства движениям и поступкам, подрывающим духовно-нравственные устои суверенной демократической государственности. Однако, даже поддерживая стремление государства создавать необходимые условия для обеспечения общественной нравственности и содействовать нравственному просветительству, конституционное право не может давать поводов и служить обоснованием претензий государства на роль олицетворения национальной совести. Недопустимо подменять бюрократическим контролем духовную самодисциплину человека, отказывая ему тем самым в автономной самоорганизации, без которой верховенство права и правовая демократия просто немислимы. Государственное принуждение оправданно реагированием на поведение, влекущее нарушение прав и свобод других лиц, если оно является общественно опасным и носит противоправный характер.

В частности, как указал в связи с этим КС РФ в определении от 25 сентября 2014 г. № 1873-О, Конституция, не устанавливая для свободы слова и свободы распространения информации какие-либо идеологические или мировоззренческие, в частности религиозные, критерии или ограничения и не предполагая навязывание большинством своих убеждений и предпочтений меньшинству, исключает введение запрета на публичные дискуссии по религиозной тематике, включая свободное выражение мнений, в том числе критических, по поводу характера и содержания деятельности религиозных организаций, но участники подобных дискуссий должны принимать во вни-

¹ См.: *Джагарян А. А.* Нравственная утопия современного конституционализма: государство и традиционные ценности в условиях глобализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101).

мание деликатный характер обсуждаемых вопросов, которые могут непосредственно затрагивать религиозное достоинство других лиц, исповедующих ту или иную религию, в связи с чем во всяком случае оскорбляющая общественную нравственность форма подачи информации, касающейся религиозной сферы, недопустима применительно к религиозным убеждениям как большинства членов общества, так и тех его членов, которые придерживаются иных религиозных предпочтений или не исповедуют никакую религию. Соответственно, в тех случаях, когда конкретный способ распространения информации, в том числе исходя из обстоятельств места и времени ее распространения, основан на демонстративном грубом пренебрежении принятыми в обществе представлениями о приемлемом поведении в конкретных, включая связанные с религией, местах, лишен какой-либо эстетической и художественной ценности и сам по себе является оскорбительным, подобная деятельность выходит за границы гарантированного Конституцией правомерного пользования свободой выражения мнений.

КС РФ обеспечивает раскрытие ценностного потенциала Конституции, т. е. выявление как юридической, так и социокультурной значимости конституционных принципов, норм, в том числе с учетом сложившихся в обществе традиций. Одна из общих, методологического плана, позиций КС РФ на этот счет была сформулирована в постановлении от 15 декабря 2004 г. № 18-П: конституционные принципы, в частности плюралистической демократии, многопартийности, светского государства, не могут пониматься без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий (п. 4 мотивировочной части). Учет же особенностей исторического развития как раз и предполагает, что конституционные принципы, нормы должны толковаться не абстрактно, а с учетом сложившихся политико-правовых национальных традиций. В частности, как отмечается в том же постановлении, принцип светского государства в понимании, сложившемся в странах с моноконфессиональным и мононациональным устройством общества и с развитыми традициями религиозной терпимости и плюрализма (что позволяло, в частности, допустить в некоторых странах политические партии, основанные на идеологии христианской демократии, поскольку понятие «христианский» в данном случае далеко выходит за конфессиональные рамки и обозначает принадлежность к европейской системе ценностей и культуре), не может быть автоматически применен к Российской Федерации (абз. 2 п. 4¹ мотивировочной части).

Национальные традиции могут приобретать конституционно-правовое значение применительно к различным институтам российской государственности и правовой жизни. Так, в постановлении КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П сделан вывод о том, что федеральный законодатель, определяя компетенцию прокуратуры РФ, не может не учитывать конституционно-правовую природу этого государственно-властного института, исходя в том числе из исторически сложившегося понимания его роли и предназначения в правовой системе России и ее правовых традиций (абз. 1 п. 3 мотивировочной части). А в определениях от 18 сентября 2014 г. № 1819-О (абз. 1 п. 2¹ мотивировочной части) и от 13 декабря 2016 г. № 2578-О (абз. 2 п. 2¹ мотивировочной части) в качестве сложившейся в России исторической традиции КС РФ оценил осуществление нормативно-правового регулирования государственной наградной системы в своей основной части Президентом РФ.

Принцип учета социокультурных особенностей национального развития в конституционно-судебной практике имеет универсальное значение. Он может применяться не только к отношениям политико-правового характера, но и к иным сферам социально-правовой действительности, включая социальную защиту, предпринимательство и иную экономическую деятельность и т. п. В частности, КС РФ неоднократно ориентировал на то, что с учетом специфики конкретно-исторического этапа развития должны оцениваться и обеспечиваться: государственная поддержка семьи, материнства, отцовства, детства (имея в виду прежде всего приоритетную в настоящее время задачу демографической политики — повышение уровня рождаемости)¹; меры, направленные на добросовестное исполнение гражданами своих гражданско-правовых обязательств и их ответственности, в том числе всем своим имуществом, перед кредиторами²; оборот оружия (принимая во внимание, помимо прочего, состояние правопорядка, уровень криминогенной обстановки и другие значимые факторы)³; конструирование составов преступлений (в том числе в свете необходимости на конкретном этапе повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан)⁴; налоговое регулирование, включая оп-

¹ См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 15 декабря 2011 г. № 28-П; абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 8 июля 2014 г. № 21-П.

² См. абз. 2 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П.

³ См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 апреля 2015 г. № 8-П.

⁴ См. абз. 6 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.

ределение сроков давности привлечения к ответственности за налоговые правонарушения¹, и др.

Посредством конституционного правосудия обеспечивается интерпретация с учетом национальных традиций не только Конституции, но и отраслевого законодательства. Как пример — постановление от 6 февраля 2014 г. № 2-П, в котором КС РФ обосновал со ссылкой на исторические традиции народов России, в основе которых лежит почитание памяти предков, передавших последующим поколениям любовь к Отечеству, веру в добро и справедливость, основополагающее значение конституционной обязанности по защите Отечества, а также необходимость социальной защиты ветеранов. При этом особенно была подчеркнута ценность соответствующих мер в отношении поколения, победившего в Великой Отечественной войне и принявшего на себя все ее тяготы, что предопределило выделение ветеранов Великой Отечественной войны в особую категорию льготников.

Вместе с тем традиции могут иметь не только позитивное значение для правового регулирования. В зависимости от своего характера, содержания они могут являться фактором негативного, деструктивного влияния на общественные отношения, действие которого должно быть, насколько возможно, минимизировано или исключено. Так, в определении от 23 декабря 2014 г. № 2940-О КС РФ установил, что дифференциация раздельного содержания осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях по различным основаниям, в том числе в зависимости от осуждения к лишению свободы впервые или при рецидиве преступлений, направлена не только на индивидуализацию отбывания наказания, выбор и применение индивидуальных мер воздействия на осужденных, но и на снижение влияния уголовных традиций на процесс исправления, обеспечение безопасности осужденных, т. е. преследует конституционно значимые цели (абз. 2 п. 2 мотивировочной части).

Важно при этом учитывать, что законодательством могут предусматриваться специальные полномочия (возможности) институтов правосудия, объективно усиливающие политический вес судебной власти. К ним относятся, например, закрепленные Конституцией право законодательной инициативы КС РФ и Верховного Суда РФ по вопросам их ведения (ч. 1 ст. 104), а также послания КС РФ (ч. 3 ст. 100), которые могли бы стать (а в некоторых странах, как об этом свидетельствует их конституционная практика, и являются) важным фактором повышения не только конституционно-правового, но и по-

¹ См. абз. 1 п. 4³ мотивировочной части постановления КС РФ от 19 января 2017 г. № 1-П.

литического авторитета органа конституционного правосудия. Послания КС РФ могли бы выполнять наряду с другими функциями роль своего рода дополнительного фактора политико-правовой актуализации, а в чем-то и дополнительной аргументации, усиления внимания высших государственных органов и общества в целом к решениям, которые были приняты КС РФ в течение года, к необходимости их строгого исполнения. Вряд ли оправданной является сложившаяся ситуация, когда послания КС РФ так и не стали нашей конституционной и политической традицией.

Очевидно и то, что судебно-преобразовательное воздействие на правовую жизнь, связанное с политико-правовыми началами правосудия, определяется объективными государственно-правовыми потребностями и одновременно сложившейся системой сдержек и противовесов, балансирующими механизмами, призванными избежать неоправданного вовлечения правосудия в политическую сферу.

3.3. Преобразовательное воздействие правосудия на правовую жизнь общества

Какаясь вопросов соотношения правосудия и политики в аспекте процессов конституционализации правовой жизни, необходимо учитывать, что дискреционные возможности суда, связанные с нормативно-преобразовательными началами, в том числе на уровне наиболее тесного соприкосновения судебно-юрисдикционной деятельности с правотворчеством — в конституционной юстиции, имеют пределы, соблюдение которых также является важным фактором, сдерживающим политизацию правосудия.

Во-первых, судебно-интерпретационное преобразовательное воздействие конституционного правосудия на правовую жизнь посредством конституционно-правового истолкования смысла оспариваемых законоположений неразрывно связано с наличием неопределенности в вопросе о соответствии этих законоположений Конституции, тогда как *иное представление заявителя*, кем бы он ни являлся, о целесообразном правовом регулировании тех или иных отношений при наличии *ясности восприятия аутентичной воли законодателя*, которая сама по себе не расходится с конституционными требованиями, в том числе характеризующими его дискрецию, не может служить основанием для возбуждения конституционного судопроизводства и корректирующего реагирования со стороны КС РФ, которое при таких обстоятельствах выходило бы за пределы его полномочий.

Во-вторых, реализация конституционного правосудия определяет *общими рамками разделения властей*. Поэтому КС РФ не правомо-

чен создавать юридические нормы *ex novo*, он формализует в конкретизированном виде нормативные установления, имманентные общей системе Конституции и релевантные общим началам действующего правового регулирования в их соотношении с объективно существующим конституционно-правовым (социальным, правоприменительным и иным) контекстом. Так, отказывая в принятии к рассмотрению запроса о толковании понятия «семья», содержащегося в ч. 1 ст. 38 Конституции, необходимость которого заявитель мотивировал, с одной стороны, наличием в различных законодательных актах разного определения круга членов семьи того или иного лица, а с другой — отсутствием в СК РФ определения понятия «семья», КС РФ установил, что перед ним фактически ставится вопрос о согласовании ряда федеральных законов в целях единообразного определения круга лиц, составляющих семью, но решение этой задачи означало бы проверку конституционности указанных федеральных законов, а также потребовало бы от КС РФ — вопреки его конституционно-правовой природе и функциям — создания новой правовой нормы¹.

В-третьих, конституционно-судебное реагирование на выявленные нарушения требует *соразмерности*, и обращение к конституционно-правовому истолкованию отраслевых законов должно предполагать *взвешивание последствий*, которые могут возникнуть, с одной стороны, вследствие утраты проверяемой нормой юридической силы, а с другой — при сохранении действия нормы в ее преобразованном виде, которого можно достичь в разумных пределах судебной интерпретации, в том числе имея в виду правозащитную функцию конституционно-судебного контроля. Конституционно-правовое истолкование оправданно, если права заинтересованных лиц могут быть обеспечены без того, чтобы ставить под сомнение действительность нормы, через ее применение во взаимосвязи с положениями Конституции, определяющими фундаментальные принципы данных правоотношений², и, безусловно, необходимо, если дисквалификация нормы причинит большой вред конституционным ценностям.

В-четвертых, конституционное правосудие *не должно вторгаться в текущий законодательный процесс*, предрешая в рамках предварительной оценки конституционности конкретных положений соответствующего законопроекта его итоги, если только поставленный вопрос, исходящий непосредственно от субъекта законодательного процесса, не является принципиальным с точки зрения конституционной допустимости концепции, т. е. самой идеи, того или иного законода-

¹ См. определение КС РФ от 5 июля 2001 г. № 135-О.

² См., например, абз. 4 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П.

тельного решения¹. Вместе с тем вмешательство конституционного правосудия в любом случае не должно ставить под сомнение конституционную дискрецию законодателя в выборе направлений правовой политики и связанных с этим различных вариантов концептуальных решений в конкретных сферах отношений, поиск которых объективно предполагает проведение публичной общественной дискуссии на основе открытого демократического диалога. В особенности это касается формирования моделей правового регулирования применительно к отношениям, которые, имея высокую степень концентрации морально-этических начал, требуют наиболее деликатного подхода, таких, например, как донорство органов человека после его смерти².

В-пятых, конституционно-правовое истолкование по общему правилу не является пригодным, если *существуют взаимоисключающие конституционно приемлемые подходы к пониманию одной и той же нормы*, т. е. такие, которые не лишены разумного юридического и социального обоснования, укладывающегося в пределы законодательного усмотрения. В таких случаях наиболее корректным, а иногда и единственно возможным средством устранения конституционно-дефектной неопределенности служит законодательное уточнение содержания нормативных предписаний³.

В-шестых, конституционно-судебное правообразование ограничивается и в случаях, когда оспариваемые законоположения, рассматриваемые во взаимосвязи с иными нормами и в свете толкования на практике, свидетельствуют о *системных нарушениях принципа правовой определенности*, не восполнимых любыми доступными средствами конституционно-правовой интерпретации, тогда как реагирование на подобные нарушения путем нуллификации неконституционных законоположений может быть осложнено угрозами правового вакуума и дезорганизации правоотношений⁴.

В-седьмых, пределы преобразовательной деятельности конституционного правосудия определяются также *критериями достоверно-*

¹ См. абз. 4—5 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П.

² См. п. 2³ мотивировочной части определения КС РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О.

³ См. абз. 2 п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 25 июня 2015 г. № 17-П.

⁴ Один из наиболее ярких примеров подобной ситуации можно обнаружить в постановлении КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. Суд воздержался от признания неконституционными ряда положений ГПК РФ в той мере, в какой ими предопределялись множественность надзорных инстанций, возможность чрезмерно протяженных по времени процедур обжалования и пересмотра судебных постановлений в порядке надзора, другие отступления от принципа правовой определенности. Но законодателю поручалось устранить выявленные нарушения, что и было реализовано Федеральным законом от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ.

сти, в том числе доктринально-верифицируемым характером судебного-правовой интерпретации проверяемой нормы, что предполагает аргументированность конституционно-судебного правотворчества, обоснование конституционно-правовых мотивов и оснований в пользу конкретного решения.

Обозначенные пределы конституционно-судебной деятельности ориентируют на то, что использование в условиях континентальной правовой системы инструментария конституционно-судебного преобразования Конституции, хотя и обеспечивающего ее наиболее комфортное, эволюционное развитие, должно быть тщательно выверенным, осторожным. Преобразование Конституции следует соотносить с требованием поддержания ее авторитета, который может быть утрачен по итогам реформаторских интерпретаций, фактически размывающих четкие границы конституционной нормативности. Возможности конституционного правосудия не безграничны, и в любом случае не должны приводить к искажению существа конституционных норм, обусловленного их системной нормативной связью с основами конституционного строя. При созревании объективных условий возможны и необходимы точечные текстуальные изменения Конституции, а при коренных преобразованиях на уровне фактических общественных отношений, которые переросли сложившуюся конституционную систему, не исключается и конституционная реформа¹. Но и в этих случаях общественная практика конституционных преобразований не должна отступать от принципиальных требований конституционализма в том виде, как они сформированы КС РФ.

¹ См.: Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016.

4. Конституционный Суд РФ и его решения в условиях судебно-правовой реформы

4.1. Судебно-правовая реформа — инструмент конституционной модернизации российской государственности

Цели и задачи, возлагаемые в современных условиях на судебную власть для обеспечения верховенства права и Конституции, ответственность суда за гарантирование правового характера всех реформ, которые проводятся в обществе, подразумевают наличие высоких требований, предъявляемых к самой судебной власти, чей функциональный статус, организация и реализационная основа должны в полной мере соответствовать конституционным принципам и нормам.

Судебная власть выступает не только инструментальной основой, но и важнейшим объектом конституционализации, находится в эпицентре всех процессов государственно-правового реформирования. Поэтому, с одной стороны, судебная власть должна быть в оптимальном с точки зрения особенностей конкретного исторического этапа состоянии, обеспечивать эффективность, качество, доступность правосудия, реальное восстановление нарушенных прав на основе общезначимости и безусловного исполнения судебных решений, которые не могут пересматриваться при отсутствии веских оснований и за пределами разумных сроков. С другой стороны, государственно-правовое развитие судебной власти должно иметь четкие, ясные ориентиры, осуществляться системно, планомерно, ритмично, требует наличия отлаженных механизмов научно-обоснованной диагностики и мониторинга состояния судебной системы в целях оперативного и результативного внесения необходимых корректив в ее работу. Как верно замечено, «совершенствование правосудия в мировой практике происходит постоянно», но «совершенной судебной системы в мире нет», поэтому преобразования в сфере организации и деятельности судебной власти не должны становиться самоцелью: «...при плохой организации работать можно, а в условиях постоянного реформирования — нельзя»¹.

¹ Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М., 2012. С. 230.

Конституционализация правосудия носит комплексный характер, связана с принятием системных мер законодательного, организационного, процессуального, кадрового, финансового-экономического и материально-технического характера, предполагает необходимость воздействия как на отношения собственно судебно-властного содержания (судоустройство, правовое положение судьи, судопроизводство, исполнение судебных решений), так и на иные находящиеся с ними в неразрывном единстве отношения, в той или иной мере определяющие режим функционирования судебной власти, включая, например, отношения в сфере юридического образования и правового воспитания, адвокатуры и адвокатской деятельности, организации правоохранительной системы.

Государственно-правовое реформирование в судебной сфере — реализационная сторона конституционализации правосудия. При этом вполне оправданно различать понятия, с одной стороны, судебной реформы, с другой — судебно-правовой реформы. Объектом судебно-правовой реформы выступает не только организация и осуществление судебной власти как таковой, но и вся совокупность общественных отношений, которыми характеризуются правовая природа правосудия и реальные возможности суда воздействовать на становление правовой социальной демократической государственности.

Основной идеей судебно-правовой реформы является подчинение суда и всей государственно-правовой системы России общим принципам права — справедливости, честности, доступности, разумности и иным подобным принципам, выраженным в Конституции и международно-правовых стандартах в области правосудия. Тем самым посредством судебно-правовой реформы обеспечивается не просто организационно-структурная, а мировоззренческая, цивилизационная трансформация судебно-правовой системы. В соответствии с этим должно происходить последовательное повышение роли суда в юрисдикционном механизме государства, институционализация фундаментальной ценности правосудия.

Судебная реформа в России имеет длящийся, многоэтапный характер. В настоящее время отчетливо наблюдается переход к новому активному этапу ее реализации, включая связанную с этим масштабную реорганизацию судебной власти. Изменения, затронувшие основы организационного устройства судебной системы, были проведены на основании поправок к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. и принятых в их развитие иных федеральных законодательных актов. Одновременно реформа организационного устройства судебной системы России связана с серьезным обновлением процессуального законодательства и дальнейшей синхронизацией процессуально-правовых механизмов судов общей и арбитражной юрисдикции, налажива-

нием взаимодействия в рамках коллизионных связей национальных и наднациональных юрисдикционных органов. Требуется, очевидно, дальнейшие усилия, направленные на конституционализацию судебно-правовой системы, включая совершенствование — в свете целей гармонизированной реализации публичных и частных интересов — институтов третейского разбирательства, адвокатуры, нотариата, государственного обвинения, системы исполнения судебных решений и т. д.

При этом судебно-правовая реформа, очевидно, не исчерпывается формально-нормативными, организационно-процедурными и иными подобными моментами, а в свете реализации задач по повышению качества правосудия имеет непосредственный выход на развитие определенной *социальной психологии и культуры представителей судебного сообщества*. В уже упомянутом Заключении № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» (ССЖЕ(2008)5) подчеркивается, что качество судебного решения зависит, помимо прочих факторов, от образования всех юридических специалистов, вовлеченных в процесс. Это означает, в частности для судей, что должно быть обеспечено высокое качество юридического образования с самого начала профессиональной карьеры юристов, а также наличие постоянных программ обучения для поддержания и развития профессиональных навыков. Такое обучение необходимо не только для того, чтобы дать судьям необходимые знания и навыки следить и воплощать в жизнь изменения национального и международного законодательства и правовых принципов, но и для развития дополнительных навыков и знаний в неюридических областях, которые становятся для судей хорошей базой для понимания встающих перед ними вопросов, а также судьи нуждаются в обучении этике и развитии навыков общения в целях облегчения их работы со сторонами судебного процесса, гражданами и средствами массовой информации (п. 16—18).

Притом что существенной необходимой предпосылкой для обеспечения эффективности институтов правосудия является уровень общего правового просвещения, юридическая грамотность населения и готовность людей для преодоления возникающих правовых разногласий обращаться к судебно-юрисдикционным средствам, в отношении которых они испытывают доверие, основополагающее и первостепенное значение имеет формирование *профессионального конституционного мировоззрения* судей, сотрудников аппаратов судов, иных компетентных субъектов, вовлеченных в судебно-юрисдикционную деятельность, истоки которого как раз и находятся в юридическом образовании. Здесь важным является прежде всего сам подход к вопросу о том, на какую модель профессионального юридического ми-

ровоззрения необходимо ориентироваться, как, на каких критериях должна строиться система образования судебных кадров. Очевидно, в равной мере бесперспективными являются как попытки воспроизводства дискредитировавшей себя «правоохранительно-карательной» модели юриста, основанной на безусловном примате определенным образом понимаемых государственных интересов, так и стремление укоренить рыночно-цивилистическую, предпринимательскую модель юриста, которая — при наличии некоторых, бесспорно, позитивных моментов, связанных с преодолением господства правоохранительных ориентиров в профессиональном юридическом мировоззрении, — неизбежно базируется в своей основе на примате частноправовых ценностей, что приводит к разбалансированию в квалификационных характеристиках будущих юристов частных и публичных ценностно-правовых начал.

Выход из этой ситуации — выбор в пользу конституционной модели юриста, судьи и, соответственно, в пользу конституционного профессионального мировоззрения¹. Такая модель в основных своих характеристиках имеет конституционное обоснование: в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России, и именно такой подход позволяет преодолеть догматические крайности, связанные с односторонним, узкоотраслевым подходом к формированию профессиональных качеств юриста. Без конституционализации юридического образования невозможен переход к конституционному профессиональному мировоззрению. Именно на основе конституционализации юридического образования можно разрешить противоречие между его универсализацией и специализацией, между широтой охвата и глубиной, фундаментальностью профессионально-мировоззренческих качеств современного юриста. Соответственно, и кризис профессионального правосознания юристов, включая судейский корпус, нельзя преодолеть исключительно «специальными» мерами, направленными исключительно на организационные, структурные, иные профессионально-юридические преобразования судебной, правоохранительной систем, подкрепляемыми в том числе активными усилиями по совершенствованию законодательства и т. п.

Очевидно, что, например, подготовка и комплектование судебных кадров не может строиться на корпоративно-замкнутой, тем более аппаратно-ведомственной основе (как это происходит в настоящее время, когда основным источником пополнения судейского корпуса являются сотрудники аппаратов судов, не имеющие иного профессио-

¹ См.: *Бондарь Н. С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М., 2013.

нального опыта юридической деятельности¹), равно как и сомнителен фактический приоритет, отдаваемый при решении соответствующих вопросов представителям определенного, а именно правоохранительного, профессионально-юридического сообщества. Замещение судебной должности предполагает наличие знаний, опыта и компетенций, обеспечивающих формирование самостоятельной, профессиональной и ответственной правовой позиции судьи, в котором сложилось осознание ценности и сформирован навык независимого, свободного мышления, воспитана способность отстаивать собственные убеждения в рамках непредвзятого компетентного и комплексного правового анализа рассматриваемых дел. Сами по себе навыки судебно-аппаратной работы, проникнутые служебной дисциплиной и осведомленностью в тонкостях бюрократического ритуала, едва ли могут предрешать замещение судебных вакансий.

Известные сложности для судебного правоприменения, обеспечения надлежащего конституционного качества функционирования всей системы судебной власти вытекают и из содержательных характеристик принимаемых законов, которыми определяются как компетенционная и статусная основы организации судебной власти и деятельности судей, так и материально-правовые предпосылки разрешения судебных споров. Так, по состоянию на 1 января 2017 г. в УПК РФ, принятый в 2001 г., внесены изменения 206 федеральными законами; в ГПК РФ (2002 г.) — 79 законами; в АПК РФ (2002 г.) — 47 законами. ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (1996 г.) и Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (1992 г.) правились соответственно 10 и 49 раз. Исследования показывают, что большинство действующих кодексов Российской Федерации меняются чаще одного раза в год, более того, за последние шесть лет период интенсивности поправок увеличился — если по состоянию на 31 декабря 2010 г. так называемый период стабильности (длительность условного периода, в течение которого в нормативный акт не вносятся изменения) составлял менее месяца только для НК РФ и КоАП РФ, то по состоянию на 31 июля 2016 г. менее месяца сделались периоды стабильности для ЗК РФ, ЛК РФ и УПК РФ². Очевидно, повышения качества правосудия нельзя достичь без существенного повышения качества законов, нормативно-правового регулирования в целом. Речь идет, в частности, об уже давно назревшей необходимости принятия так называемого закона о законах, об ужесточении правил, регламентирующих законодательную процедуру, а также о повышении требовательности к их соблюдению, в том числе в рамках кон-

¹ См.: Волков В. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии. С. 115.

² См.: Статистический анализ федерального законодательства. М., 2017. С. 7.

ституционно-судебного контроля законов по порядку принятия. Должна быть преодолена порочная практика внесения концептуальных изменений в проект федерального закона на этапах, следующих за его принятием в первом чтении, — на основе безусловного соблюдения правовой позиции КС РФ, согласно которой изменение концепции акта не может происходить на этапе внесения поправок к нему, чтобы имеющие принципиальное значение изменения не появлялись в результате случайных, не связанных с обсуждением концепции решений (постановление от 14 февраля 2013 г. № 4-П). Подлежит универсализации содержащееся в ряде законов правило, в силу которого внесение изменений в кодексы и иные наиболее важные федеральные законы должно осуществляться отдельными федеральными законами. Такие изменения не могут быть включены в тексты федеральных законов, изменяющих (приостанавливающих, отменяющих, признающих утратившими силу) другие законодательные акты Российской Федерации или содержащих самостоятельный предмет правового регулирования (п. 2¹ ст. 3 ГК РФ, ч. 7 ст. 2 БК РФ, ст. 1 НК РФ, ст. 8 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», ст. 12¹ Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Гипердинамизм законодательной основы правосудия, особенно в процедурной составляющей, которая не столь зависима от изменяющихся социальных условий, позволяет говорить о несовершенстве сложившегося процессуального регулирования, нуждающегося в системных, концептуально выверенных преобразованиях. Именно поэтому реализация конституционных принципов в сфере осуществления правосудия на сегодняшний день представляется одной из наиболее актуальных проблем.

Важную роль во всех процессах, связанных с формированием, реализацией судебно-правовой реформы, играет КС РФ. Хотя судебная власть связана законом и правом и не может «самореформироваться», ее голос, во-первых, должен звучать и быть услышан при принятии любых законодательных решений, относящихся к сфере интересов правосудия, а во-вторых, судебная власть призвана в силу своего статуса и в рамках отведенных ей полномочий обеспечивать конституционно обусловленный характер проводимых в судебно-юрисдикционной сфере преобразований, не допуская отступлений от фундаментальных принципов демократической государственности и правосудия и умаления права на судебную защиту. Кроме того, важно понимать, что судебная дискреция как таковая может иметь место и в материально-правовой, и в процессуально-правовой сферах. Притом что проверка целесообразности устройства судебной систе-

мы не относится к компетенции КС РФ¹, а Конституция, не определяя, каким именно образом должна быть организована судебная система, дает известную свободу усмотрения в решении этих вопросов, представления законодателя о целесообразности организации судебной власти не могут противоречить Конституции, в частности законодатель не может отступать от требований ее гл. 1, 2 и 9. Поэтому закон РФ о поправке к Конституции, направленный на внесение изменений в ее гл. 8, которая посвящена судебной власти, может быть предметом рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства².

Влияние судов иной юрисдикции на нормативные основы организации и осуществления правосудия носит в своей основе казуальный характер, связано прежде всего с конституционной интерпретацией подлежащих применению в конкретном деле норм материального и процессуального права. Возможно и официальное судебное толкование в целях обеспечения необходимой степени определенности правового регулирования путем выявления системной взаимосвязи релевантных правовых предписаний в рамках даваемых Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам судебной практики³, которые могут относиться и к законоположениям, регулирующим организацию и деятельность судов⁴. Но далеко не любые формы проявления проблемности, несогласованности и иной дефектности правового регулирования в соответствующей сфере могут преодолеваются общеюрисдикционной и арбитражной судебной практикой⁵, а вопросы конституционности законодательного регулирования вообще находятся за ее пределами.

Активное участие КС РФ в модернизации судебной власти как системы государственных судов, осуществляющих властные полномочия правосудия посредством конституционного, гражданского и уголовного судопроизводства, предполагает, что КС РФ призван в силу ст. 10 и 125 Конституции обеспечивать в системе разделения властей Российской Федерации *гармонизацию отношений между ветвями государственной власти*. В настоящее время данные конституционные требования, к сожалению, не имеют должного практического воплощения. Напротив, мы можем периодически наблюдать несовпадение мнений между ветвями власти по поводу стратегии и тактики рефор-

¹ См. абз. 3 п. 4 мотивировочной части определения КС РФ от 4 октября 2001 г. № 182-О.

² См. определение КС РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-О.

³ См. абз. 1 п. 3³ мотивировочной части постановления КС РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П.

⁴ См., например, п. 4² мотивировочной части постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П.

⁵ См., например, п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 мая 2015 г. № 9-П.

мирования судебной власти. В этих условиях тем более актуальной является выработка основ конституционно-правовой политики в области реформирования судебной системы и осуществления судебно-правовой реформы в целом.

В основе влияния КС РФ на судебно-правовую реформу лежат специфические статусные характеристики этого органа, а также особенности юридической природы принимаемых им решений, что обосновывает его особую роль как одного из важных субъектов выработки соответствующих направлений конституционно-правовой политики.

4.2. Единство юрисдикционных и конституционно-нормотворческих начал как основа преобразовательного воздействия Конституционного Суда РФ в судебной сфере

Понимание конституционного правосудия как важного фактора судебно-правовой реформы невозможно без определенного углубления в понимание самой природы, статусных характеристик КС РФ. В юридической науке (не только российской) сформировались различные, зачастую полярные взгляды: от признания КС РФ исключительно в качестве одного из органов судебной власти, разрешающего споры о праве (конституционном) в порядке чисто правоприменительной деятельности, до обоснования особого характера данного института как носителя самостоятельной контрольной либо даже законодательной власти. Очевидно, однако, что при всем разнообразии возможных подходов к определению природы, характера и предназначения конституционного правосудия в основе анализа и оценки места подобных органов в системе разделения властей любого государства лежит определение их статусных характеристик, прежде всего в аспекте их взаимоотношений с судебной властью, с одной стороны, и законодательной — с другой. С этим же связано и решение вопроса о том, является ли КС РФ полноценным судебным органом или, как полагают некоторые, чем-то иным, не вполне доросшим до суда или же вообще слабо соотносимым с собственно судебной деятельностью, «квазисудом».

Констатируя множественность теоретических конструкций конституционного нормоконтроля и конкретных моделей его институционализации в системе современного конституционализма¹, необходимо принимать во внимание, что выявление статусных характеристик конституционного правосудия не может быть абстрактным,

¹ См., например: *Клишас А. А.* Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. 2-е изд. М., 2015; Конституционный контроль в зарубежных странах / отв. ред. *В. В. Маклаков*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

а требует учета существующих национально-конституционных реалий. В этом плане вряд ли есть основания сомневаться, что в российском конституционном правопорядке КС РФ — это орган государственной власти, безусловно относящийся к судебной ветви власти, ее непосредственный носитель. Попытки отрицания у КС РФ судебного статуса, тем более по мотиву его особой правотворческой роли, нереlevantны концепции разделения властей и могут привести к нивелированию действительно уникальной юрисдикционной легитимности процедурных и итогово-содержательных аспектов конституционного нормоконтроля, служить фактором политизации этого института, не связанного судебно-процессуальной формой. Но, пожалуй, даже более важно другое: восприятие конституционного нормоконтроля вне судебной формы означает концептуальное отрицание юрисдикционного спора гражданина с государством применительно к законодательно выраженной политической воле как реализации неотъемлемого элемента нормативного содержания права на судебную защиту. Между тем конституционный нормоконтроль, оторванный от концепции прав человека, в свете которой он служит институциональным выражением обеспечительного механизма реализации правовой свободы личности, во многом обесмысливается, его ценность приобретает инструментально-управленческий характер.

Судебный статус КС РФ ясно, недвусмысленно закреплен Конституцией, которая: а) предусматривает, что правосудие осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118), а значит, и судом Конституционным; б) содержит широкую регламентацию полномочий КС РФ в главе, посвященной главным образом судебной власти (гл. 7); в) выделяет конституционное судопроизводство в самостоятельную форму осуществления судебной власти наряду с гражданским, административным и уголовным судопроизводством (ч. 2 ст. 118) и даже называет его первым, чем подчеркивается особое место КС РФ в системе судебной власти как, по существу, высшего судебного органа конституционного контроля в России.

Специфика КС РФ в том, что это одновременно *суд права* и *суд над властью*. По-разному можно раскрывать соответствующие характеристики, начиная с их оценки как своего рода «богоугодных грехов конституционного правосудия»¹ и продолжая оценкой конституционных судебных органов в качестве «высшей метрологической инстанции, хранящей конституционные эталоны»², которые находятся на стыке

¹ Бондарь Н. С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов: О «богоугодных грехах» конституционного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 26 — 32.

² Кокотов А. Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1513.

позитивного и естественного права, буквы и духа Конституции и обеспечивают конституционную оценку результатов государственно-властной деятельности, выражающейся как в нормотворчестве, так и в судебном, ином правоприменении. В тех случаях, когда в судебной практике допускается придание законоположениям смысла, влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникает вопрос о соответствии этих законоположений Конституции, подлежащий решению КС РФ¹. Наряду с нормоконтрольной деятельностью другим направлением реализации полномочий КС РФ как суда над властью является разрешение споров о компетенции между: а) федеральными органами государственной власти; б) органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ; в) высшими государственными органами субъектов РФ (ч. 3 ст. 125 Конституции).

Безусловные существенные особенности юридической природы КС РФ как «судебного органа конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющего судебную власть посредством конституционного судопроизводства» (ст. 1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), свидетельствуют, что *КС РФ*, являясь органом судебной власти, одновременно *больше, чем суд*.

Данное обстоятельство, правда, отнюдь не упрощает его положение в системе разделения властей, включая взаимоотношения с другими судами России, а напротив, существенным образом актуализирует проблемы, связанные с обеспечением их эффективного взаимодействия.

По самой природе, сущностным характеристикам и результатам деятельности статус КС РФ не исчерпывается юрисдикционным правоприменением, а имеет более сложный характер. Получая институционное оформление прежде всего как правоприменительный юрисдикционный орган, конституционное правосудие в своих итогово-правовых характеристиках сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством, притом имеющим специфическое в соотношении с иными судебными органами значение. В этом плане КС РФ действительно обладает «квази-характеристиками», но не «квзисуда», а *квазиправотворческого органа*, что не лишает его статусных качеств полноценного судебного органа.

Конечно, роль КС РФ в правотворчестве весьма специфична, что объясняется прежде всего (но не только) его сугубо инцидентным и юрисдикционно-мотивированным характером, который не предполагает дискреционного определения целесообразных правовых моде-

¹ См., например, постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П (абз. 1 п. 4² мотивировочной части), от 12 марта 2015 г. № 4-П (абз. 2 п. 4 мотивировочной части).

лей поведения. Однако само свойство нормативности не может укладываться в чисто формальные характеристики, а должно определяться на основе прежде всего содержательных признаков, например: оказывает ли правовой акт общерегулирующее воздействие на общественные отношения, содержатся ли в нем предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц, рассчитан ли он на многократное применение, — и с этих позиций интерпретационные правовые акты, безусловно, могут иметь нормативное значение¹. Но это вовсе не означает, что конституционно-судебное правотворчество является вторичным, производным, а тем более второстепенным. Оно служит источником фиксации правоположений, выведенных из нормативных величин наиболее абстрактного уровня — общих принципов права, конституционных ценностей и принципов, опосредованных Конституцией и получающих реализацию во всех отраслях действующего права; соответствующие конституционно-судебные установления общего характера непосредственно определяют содержательные и процедурные основания и рамки законодательной и иных видов юридической деятельности, включая организацию и осуществление всех форм правосудия. Конституционно-судебное правотворчество сближается по юридической силе с Конституцией, образуя с ней системное нормативно-смысловое единство, тогда как правотворческие начала в деятельности иных судебных органов носят подконституционный и подзаконный характер.

КС РФ не только блюститель доктринальной чистоты правовой системы, как полагают некоторые, и его деятельность не сводится к так называемым прецедентам толкования, где еще нет обязательности применения. Она носит особый нормативно значимый характер, связанный с интерпретационным развитием современного российского конституционализма, Конституции и конституционного законодательства, а посредством этого — и отраслевого законодательства, обеспечивает, как отмечалось выше, конституционализацию всей правовой системы, выступая фактором правового прогресса общества. Конституционная интерпретация, содержащаяся в решениях КС РФ, не может не обладать нормативностью.

Мудрость Конституции, выраженная в нормативных величинах наиболее высокого, абстрактного уровня — общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений и т. п., — несоизмеримо больше мудрости ее создателей, всегда ограниченных опреде-

¹ См. п. 4¹—4² мотивировочной части постановления КС РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П.

ленным социально-историческим горизонтом. Поэтому юридическое толкование, которое, по словам Г. Радбруха, есть не разлагаемая на элементы смесь теоретического и практического, познаваемого и творческого, репродуктивного и продуктивного, научного и интуитивного, объективного и субъективного, всегда обусловлено меняющимися потребностями права; содержание же воли законодателя не закрепляется им на вечные времена, а способно отвечать на меняющиеся с течением времени правовые потребности и вопросы обретением нового значения¹. Юридическое толкование, в емкой формуле Г. Радбруха, — «не переосмысление задуманного, а окончательное осмысление продуманного». Правотворческий потенциал конституционно-го правосудия не исчерпывается функцией «негативного законодателя», как и само прямое действие Конституции не тождественно устранению неконституционности, а имеет прежде всего позитивно-реализационное выражение.

Атрибутивно-статусные свойства КС РФ как судебно-юрисдикционного и одновременно квазиправотворческого органа определяют особенности юридической природы его решений, их место и роль в реформировании судебно-правовой сферы. Основанные на непосредственном применении конституционных норм, включая содержащиеся в них критерии юридической оценки проверяемых законоположений, решения КС РФ вместе с тем выступают формализованным итогом конституционно-судебного познания и интерпретации Конституции применительно к релевантным рассматриваемому делу отношениям различной отраслевой принадлежности. В них получают непосредственно-результатирующее формализованное выражение осуществляемые КС РФ конкретизация и интерпретационное развитие Конституции применительно к определенной системе правового регулирования, сложившейся на данном этапе. Речь идет о том, что решения КС РФ, по сути, являются воплощением прямого действия Конституции и могут быть охарактеризованы как *особый вид конституционно-судебных нормоустановлений*, которые превосходят по юридической силе любые иные правовые акты ниже уровня Конституции, а также: а) являются своего рода конституционным источником правовой системы; б) воплощают в себе единство нормативности и доктринальности, естественно-правовых и позитивистских начал; в) представляют собой источник (инструмент обеспечения) единообразия практики толкования и применения норм всех отраслей права. При этом нет ни одной сколько-нибудь значимой сферы юридической деятельности, которая не затрагивалась бы — прямо или косвен-

¹ См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 129.

но — в решениях КС РФ и где не были бы востребованы акты конституционного правосудия.

Понимание решений КС РФ как особого вида «конституционных источников правовой системы» (при этом имеется в виду, что данное понятие не тождественно понятию «источники конституционного права») обусловлено реализацией в актах конституционного правосудия функционально-правового содержания Конституции, включая ее учредительную, системообразующую, общерегулятивную, идеологическую и иные функции. В качестве конституционных источников правовой системы итоговые акты конституционного правосудия характеризуются единством публичных и частноправовых начал, оказывают многоаспектное, многоуровневое воздействие на правовую жизнь и непосредственно участвуют в механизме формирования, институционализации, развития как единой целостности всей совокупности правовых явлений общества. В частности, обеспечивают: системное нормативное единство российского права на основе прямого действия и верховенства Конституции; идентичность правовой системы ее идейно-смысловым, принципиально-ценностным конституционным основаниям; надлежашее отраслевое структурирование правового регулирования (в том числе с точки зрения соблюдения общих принципов отраслей публичного или частного права, возможностей формирования комплексных нормативно-правовых конструкций); межотраслевые интегративные, координационные, коллизионные взаимосвязи в рамках правовой системы; соотношение и согласованное функционирование национальных и наднациональных правовых источников и т. п.

Немаловажно и то, что акты конституционного правосудия служат *источниками источников права*: не только обеспечивают уточнение юридических характеристик сложившейся источниковой базы действующего права (как, например, это касалось закона о поправках к Конституции¹; закона о бюджете — федерального², регионального³; регламентов Государственной Думы⁴, Правительства РФ⁵; постановления Государственной Думы об объявлении амнистии⁶; конституций и уставов субъектов РФ⁷ и др.), но и служат нормативной основой формирования новых источников права. Так, в ряде решений КС РФ

¹ См. постановление КС РФ от 31 октября 1995 г. № 12-П.

² См. п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П.

³ См. п. 3.1 мотивировочной части определения КС РФ от 3 марта 2015 г. № 421-О.

⁴ См., например, постановления КС РФ от 20 июля 1999 г. № 12-П (п. 13 мотивировочной части), от 23 апреля 2004 г. № 8-П (п. 3 мотивировочной части), от 14 февраля 2013 г. № 4-П (п. 4 мотивировочной части).

⁵ См. постановление КС РФ от 29 ноября 2006 г. № 9-П.

⁶ См. постановление КС РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П.

⁷ См. п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П.

обоснован, по сути, прецедентный нормативно значимый характер актов высших судебных органов, а ныне вновь сформированного единого Верховного Суда РФ (постановление от 21 января 2010 г. № 1-П, определение от 16 июля 2015 г. № 1745-О).

Как конституционные источники правовой системы, решения КС РФ могут быть охарактеризованы в триедином качестве: а) все они являются *источниками конституционного права*; б) одновременно могут быть *конституционно значимыми источниками отрасли права (как процессуального, так и материального)*, к которой принадлежат проверяемые законоположения (если это не есть нормы, относящиеся к сфере исключительного конституционного регулирования); в) могут порождать *общесистемные, межотраслевые правовые эффекты на макроуровне правовой действительности*, связанные с комплексным преобразованием правового регулирования и правоприменительной практики. Тем самым акты конституционного правосудия обеспечивают «сцепку» конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создавая основанное на выявленных аспектах взаимосвязей конституционных и отраслевых правоотношений нормативно-правовое единство; являются высшей непосредственной формой конкретизированного выражения конституционно-правовых атрибутов, формально-юридических и материальных критериев правового качества любых (всех) нормативных актов, так или иначе вовлекаемых в сферу конституционно-судебного контроля или же испытывающих на себе его косвенное, опосредованное влияние в рамках последовательного восприятия правовых позиций КС РФ законодателем и правоприменителем.

Практико-юридический и межотраслевой потенциал актов конституционного правосудия существенно усиливается характерным для них *единством нормативных и доктринальных начал*. Нормативность и доктринальность — симбиотические, взаимообогащающие характеристики решений КС РФ, выражающие интегральное качество данного вида актов, имея в виду, что их доктринальные, концептуально-методологические предпосылки, основания служат целям формирования юридически и социально обоснованной аргументации, обеспечивают достоверную итоговую оценку проверяемых норм, казуальное или абстрактное толкование конституционных или отраслевых положений в решениях КС РФ, которые имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как и решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение¹.

¹ См. абз. 1 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П.

Юридическая природа решений КС РФ как источников права и нормативно-доктринального феномена решающим образом связана с получающими отражение в соответствующих решениях правовыми позициями. В итоге, именно правовые позиции, с одной стороны, придают актам КС РФ юридические (нормативно-правовые) качества источников права, а с другой — выражают концептуально-методологические, идейно-смысловые доказательственные предпосылки и основания конституционно-судебного решения, чем предопределяется конституционно-доктринальная природа данного вида правовых источников. В правовой позиции отражается суть, нормативно-доктринальная квинтэссенция принятого решения, однако источником права является не сама по себе правовая позиция, а решение, в котором она сформулирована.

Правовым позициям КС РФ как весьма своеобразным носителям нормативно-доктринальных начал его решений свойственны следующие признаки: а) высокий уровень идейно-концептуальной насыщенности, в связи с которой доктринально обосновывается подход к самому существу конкретной модели правового регулирования; б) юридическая обязательность, такая же юридическая сила, как и сила решений КС РФ¹; в) итогово-обобщающий характер, раскрывающий в концентрированном виде внутренний смысл и логику решения КС РФ; г) оценочная, аксиологическая природа, связанная с выражением в них отношения КС РФ к конкретной норме; д) универсальность: они адресованы всем субъектам права применительно к соответствующим не индивидуализированным, а общим правовым явлениям и распространяются на все аналогичные случаи, имеющие место в судебной практике. Соответственно, под *правовой позицией* КС РФ следует понимать сформулированные в ходе конституционного правосудия нормативно-доктринальные выводы, установки и оценки по вопросам права, являющиеся концентрированным содержательно-смысловым выражением прямого действия Конституции, логически обосновывающие и характеризующие основную идею решения, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела.

Что же касается характеристик решений КС РФ как средства реализации судебно-правовой реформы, то одним из важных аспектов их концентрированного выражения является понимание конституционно-судебных актов нормоконтроля, особенно в условиях романо-

¹ Юридически обязывающий характер для законодателя имеют и правовые позиции КС РФ, содержащие поручения законодателю по устранению выявленных в ходе конституционного судопроизводства дефектов в правовом регулировании, которые хотя и не влекут неконституционность проверяемой нормы, но могут порождать противоречия, коллизии, конфликты на практике (п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П).

германской (европейской) правовой семьи, в качестве важного и весьма эффективного инструмента обеспечения единообразия толковательной и правоприменительной практики, в том числе связанной с судебно-правовыми преобразованиями. Речь идет как об общем влиянии принципа правовой определенности на отраслевые нормы материального и процессуального права, так и о конституционализации с помощью решений КС РФ процессуальных институтов, специально предназначенных поддерживать единообразное понимание применяемого судами права. Хотя конституционно-обоснованное правоприменение должно поддерживаться в общей системе судебной практики, только решения КС РФ служат официальными актами, выявляющими конституционно-правовой смысл закона, и поэтому суд любой инстанции, если он при рассмотрении конкретного дела придет к выводу о неконституционности подлежащего применению закона, в том числе с учетом его толкования Верховным Судом РФ, обязан обратиться с запросом в КС РФ.

Понимание решений КС РФ как нормативно-доктринальных конституционных источников российской судебно-правовой реформы, обеспечивающих ее формирование и развитие на основе прямого действия Конституции, раскрывается через различные направления их влияния на судебную жизнь.

4.3. Конституционный Суд РФ о природе и статусных характеристиках судебной власти

Деятельность КС РФ с самого начала способствовала становлению судебной власти как самостоятельной, равноправной в общей системе разделения властей. Во многих решениях КС РФ выявлялись и исследовались сущность судебной власти в России, ее независимость, обеспечение свободного и равного доступа к правосудию, состязательность, публичность судопроизводства, возможности обеспечения судебной защитой местного самоуправления, граждан и их объединений. Вытекающая из практики КС РФ логика развития, реформирования судебной власти определяется тем, что решения, принимаемые в сфере правосудия и смежных публично значимых институтов, должны опираться на конституционные и общепризнанные принципы организации и осуществления правосудия, и при этом должны учитываться условия конкретного этапа развития российской государственности, состояние ее правовой и судебной систем, особенности конституционно-правовой природы соответствующих институтов, включая исторически сложившееся понимание роли и предназначения конкретных институтов в правовой системе России и ее

правовых традиций¹. И это не случайно: правосудие — «продукт исторического развития в конкретном обществе, и его в принципе невозможно заимствовать», «противоестественные — революционные — реформы в правосудии не будут успешными, если они не подготовлены предшествующим историческим развитием»².

В практике КС РФ просматривается взгляд на судебную власть не только как на одну из важнейших функций государства, связанных с обеспечением правосудия и гарантированием на этой основе прав и свобод человека и гражданина во взаимосвязи с публичными ценностями конституционного строя, но и как на цивилизационную основу современной государственности, в частности имеющую колоссальное значение для создания реальных условий неприкосновенности собственности, без чего невозможно развитие рыночно-экономических отношений и институтов политической демократии³.

КС РФ исходит из того, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется на основе общих для всех видов судопроизводства принципов правосудия вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства⁴. Соответствующие принципы проявляют свое регулятивное значение и в сфере функционирования иных юрисдикционных институтов, включая не относящиеся к системе судебной власти и основанные на общественном саморегулировании третейские суды, являющиеся институтами гражданского общества, наделенными публично значимыми функциями, но с учетом объективных особенностей, присущих данной сфере отношений⁵.

Ограничение третейского разбирательства от правосудия в его аутентичном, судебно-властном, конституционно-правовом смысле, как и некоторые иные, более конкретного плана оценки третейских институтов, сформулированные КС РФ, были восприняты в полемическом ключе⁶. Дискуссия, актуализированная в рамках подготовки

¹ См., например, абз. 2 п. 2³ мотивировочной части постановления КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П; абз. 1 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П; абз. 1 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П.

² *Клеандров М. И.* Конституционно-правовые основы судебной власти в Российской Федерации. Тюмень, 2007. С. 5.

³ См., например, абз. 3 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П; абз. 1 п. 2³ мотивировочной части постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П.

⁴ См. абз. 1 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

⁵ См. постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П, от 18 ноября 2014 г. № 30-П.

⁶ См., например: Мнение судьи КС РФ К. В. Арановского к постановлению КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П // ВКС РФ. 2011. № 4; *Крусс В. И.* Конституционализация

и принятия обновленной законодательной основы третейского разбирательства¹, свидетельствует, что и сегодня во многом не утратил своей достоверности сделанный более века назад вывод, согласно которому «юридическая литература и судебная практика еще недостаточно ясно определили свое отношение к институту третейского суда»².

Не вдаваясь в детальное обсуждение множества связанных с этим вопросов, касающихся природы, назначения и иных существенных характеристик третейского разбирательства, нуждающихся, очевидно, в самостоятельном концептуальном осмыслении, заметим, однако, что правосудие в исходно-генетическом, субстанциональном плане релевантно системе государственности — проистекает из общественного доверия, признания в отношении принадлежности и осуществления определенным носителем публичной власти в общеобязательной форме функции юрисдикционного урегулирования социальных конфликтов (споров), притом изначально существующей в синкретическом слиянии с иными властно-принудительными функциями и задачами. Третейское разбирательство, проистекающее из частного по характеру взаимодействия, соглашения и связывающее только лишь его стороны, не может рассматриваться как предшествующее или преддрешающее государственное правосудие, в качестве своего рода естественно-правовой основы, предпосылки формирования права на судебную защиту. Оно характеризует иной, обладающий собственной, автономной ценностью тип юрисдикционных отношений, которые примыкают к осуществлению правосудия, но не тождественны ему.

Наличие третейских и иных подобных им институтов отражает богатство и разнообразие юрисдикционных отношений, неофициальные формы проявления которых становятся все более востребованными в условиях современного общества. Но именно в силу своего характера они не могут претендовать на статус, равнозначный государственному правосудию. Подходы КС РФ, выработанные в отно-

правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2013. № 3; *Кажлаев С. А.* Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал российского права. 2016. № 4; *Фетюхин М. В.* Комментарий к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона “О некоммерческих организациях” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Сбербанк России”» // Вестник гражданского процесса. 2014. № 6.

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ч. 1. Ст. 2.

² *Волков А. Ф.* Торговые третейские суды. СПб., 1913. С. 1.

шении третейского разбирательства, ориентируют на развитие альтернативных юрисдикционных механизмов урегулирования правовых споров (конфликтов) в соответствии с объективными особенностями их природы, что является существенно важным как для целей дополнительного гарантирования прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений, так и для оптимизации функционирования судебной системы, испытывающей повышенную рабочую нагрузку. Это коррелирует и с более общей идеей в отношении необходимости укрепления, развития альтернативных юрисдикционных, переговорно-примирительных процедур, которые должны внедряться до суда, наряду с судом и в самом суде¹. Ситуация, когда почти все дела доходят до судебных решений, — это «неправильная постановка правосудия»². Понимание того, что проблема чрезмерного бремени, ложащегося на судебные институты, лишь осложняется в контексте расширения доступности и невысокой стоимости правосудия для заинтересованных лиц и что выходом из ситуации может быть, в частности, развитие внесудебного урегулирования споров, медиация и т. п., получает подтверждение и в зарубежной практике³.

В этом плане следует отметить, в частности, позицию КС РФ, согласно которой право сторон заключить мировое соглашение вытекает из конституционно значимого принципа диспозитивности⁴, распространяется на все стадии гражданского судопроизводства, в том числе на рассмотрение дела в судебном заседании суда кассационной инстанции⁵. Вместе с тем следует учитывать, что, какими бы перспективными и полезными не были альтернативные способы урегулирования споров, такие как медиация или примирительные процедуры, уверенность в надлежащем функционировании именно судебных институтов остается одним из главных признаков демократического общества⁶. Развитие процессуального законодательства на современном

¹ См., например: *Аболонин В. О.* Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М., 2014; *Гайдаенко Шер Н. И.* Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции: науч.-практ. пособие / отв. ред. *Н. Г. Семилотина*. М., 2015.

² *Яковлев В. Ф.* Указ. соч. С. 19.

³ См.: Независимость, эффективность и качество правосудия: сравнительные перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1. С. 95.

⁴ См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 21 ноября 2013 г. № 1778-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 24 июня 2014 г. № 1387-О.

⁵ См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 25 сентября 2014 г. № 2137-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 25 февраля 2016 г. № 409-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 марта 2016 г. № 692-О.

⁶ См. п. 8 Заключения № 6 Консультативного совета европейских судей «По вопросу справедливого судебного разбирательства в разумный срок и роли судьи в

этапе свидетельствует о поиске оптимальных решений, позволяющих при снижении рабочей нагрузки на судей не потерять в качестве правосудия. Речь идет, например, о введении новых процедур в арбитражных судах, таких как приказное производство, обязательный претензионный порядок по спорам, рассматриваемым арбитражными судами.

В актах КС РФ по вопросам судопроизводства дано толкование конституционных принципов разделения властей, самостоятельности судебной власти, в том числе сделан принципиальный вывод, согласно которому правовое регулирование правосудия, включая механизм исполнения судебных решений, — исключительная прерогатива законодателя, а потому эти вопросы не могут быть предметом делегирования исполнительной власти¹. Был раскрыт потенциал судебной интерпретации законодательных решений с учетом того, что при выборе правоприменительных вариантов конституционное содержание соответствующих правовых институтов может быть обеспечено совокупным результатом действия норм права. В качестве содержательной характеристики надлежащего отправления правосудия КС РФ обосновал и символическую (ритуальную) сторону его реализации, указав на то, что соответствующий принцип подразумевает осуществление правосудия в определенной обстановке и с определенной атрибутикой, т. е. в зале судебного заседания, а отступления от этого правила возможны только при исключительных обстоятельствах и в любом случае не должны зависеть от усмотрения одного из участников процесса².

КС РФ отстаивает конституционный статус единой федеральной судебной системы, который не предполагает выделения в качестве самостоятельных судебных систем субъектов РФ³. Создание судов субъектов РФ, в отличие от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, непосредственно на конституционном уровне не предусмотрено, и решение этого вопроса относится к дискреции федерального законодателя, ко-

судебном процессе с учетом альтернативных способов урегулирования споров» (ССJE (2004) Ор. № 6) (Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2014. № 5(05). С. 92—119).

¹ См. абз. 2 п. 4¹, абз. 1 п. 4.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 июля 2005 г. № 8-П.

² См. абз. 3 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П.

³ См. п. 9 мотивировочной части постановления КС РФ от 1 февраля 1996 г. № 3-П; п. 7 мотивировочной части постановления КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П; определения КС РФ от 12 марта 1998 г. № 32-О, от 8 июня 2000 г. № 91-О, от 6 марта 2003 г. № 103-О.

торый может ввести соответствующий региональный компонент судебной системы в качестве обязательного (мировые судьи) либо факультативного, оставив решение вопроса об образовании таких судов к сфере усмотрения самих субъектов РФ. Вместе с тем факультативный, субсидиарный характер соответствующих судебных органов, каковыми в системе действующего федерального законодательства являются конституционные (уставные) суды субъектов РФ, не предполагает, что осуществляемое субъектом РФ правовое регулирование статуса этих органов может происходить в отрыве от принципов разделения властей и независимости судебной власти. В определении от 3 марта 2015 г. № 421-О КС РФ сделал вывод о том, что субъект РФ не лишен возможности — при наличии конституционно значимых оснований и посредством надлежащей конституционно-правовой (уставно-правовой) процедуры — решать вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования учрежденного им конституционного (уставного) суда как субсидиарного органа конституционного контроля, но решение об упразднении этого органа возможно лишь с соблюдением установленной процедуры, что предполагает внесение необходимых изменений в конституцию (устав) субъекта РФ и во всяком случае не может происходить посредством финансового регулирования — приостановление деятельности конституционного (уставного) суда субъекта РФ законом о региональном бюджете, чем бы оно ни мотивировалось, недопустимо.

Принцип единства федеральной судебной системы, рассматриваемый в свете независимости судебной власти, требует особого внимания к обеспечению самостоятельности и нейтральности судебных органов во взаимоотношениях с региональными органами государственной власти, прежде всего исполнительной, предполагает необходимость принятия институциональных, организационно-кадровых, материально-финансовых и иных мер, направленных на исключение формального и фактического, административно-политического влияния на осуществление правосудия на соответствующей территории. Одно из перспективных направлений в этом плане — дальнейшее разведение территориальной организации судебной системы и территориального устройства Российской Федерации, т. е. развитие начал экстерриториальности в организационной основе правосудия и создание судебных округов на основе восприятия в том числе тех подходов, которые были отработаны еще в дореволюционный период¹. Необходимости найти

¹ См.: Выступление Председателя КС РФ В. Д. Зорькина на VIII Всероссийском съезде судей 18 декабря 2012 г. (URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html (дата обращения: 01.11.16); Верховный Суд инициирует реформу

взвешенный подход к решению этого вопроса, учитывающий как материально-финансовые, организационные издержки такого рода преобразований, так и влияние экстерриториального принципа в его конкретном выражении на реализацию доступности правосудия в условиях нашего неравномерного расселения людей, особенностей природно-климатической обстановки и транспортного сообщения.

Важное значение, в том числе в современных непростых социально-экономических реалиях, имеет решение КС РФ, в соответствии с которым признано недопустимым снижение достигнутого уровня финансирования судов, поскольку это означало бы вопреки Конституции создание препятствий для нормального функционирования судебной власти¹. Эффективное правосудие имеет свою цену, которую общество должно быть готово платить, желая оставаться приверженным Конституции и способным сохранять свою устойчивость и потенциал развития, в то время как экономия на судебной власти, возможно сулящая ближайшие сиюминутные выгоды, в перспективе неизбежно сопряжена с куда более масштабными финансово-экономическими потерями, обусловленными в итоге снижением уровня институционального доверия во взаимоотношениях как между субъектами хозяйственного оборота, так и между личностью и публичной властью.

4.4. Право на судебную защиту как выражение особой роли судебной власти: подходы Конституционного Суда РФ

Основа и высшая цель функционирования судебной власти — создание наиболее благоприятных условий для безусловного гарантирования каждому судебной защиты его прав и свобод. Из этого вытекают основополагающие начала взаимоотношений судебной власти и личности, в том числе в их конституционно-правовом закреплении, что обеспечивается и на уровне принципов правосудия, и посредством определения конституционно-процессуальных прав-гарантий человека и гражданина в сфере правосудия. По существу, ядром, первоосновой для всей системы судопроизводственных (юстициарных) правопритязаний является право на судебную защиту, которое носит

судоустройства // Ведомости. 2016. 11 нояб.; Барщевский М. Ю., Морцакова Т. Г. Сверим правописание // Российская газета. 2013. 24 сент.; Лекция полномочного представителя Правительства РФ в КС РФ и ВС РФ М. Ю. Барщевского // Развитие правовой системы в Российской Федерации. Лекции в Государственной Думе. 2014—2015. М., 2015. С. 138—139. URL: http://www.duma.gov.ru/analytics/publication-of-legal-department/Lekcii/44_Lekcii_pravo.pdf (дата обращения: 01.12.16); Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежный компоненты. М., 2008. С. 286—287.

¹ См. постановление КС РФ от 17 июля 1998 г. № 23-П.

универсальный характер, строится на сочетании материально-правовых и процессуальных начал и является своего рода нормативной основой взаимоотношений личности и судебной власти¹.

Ценность права на судебную защиту, как это вытекает из практики КС РФ, определяется тем, что оно относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод². По существу, это своего рода юрисдикционно-процессуальный эквивалент принципа уважения достоинства личности, поскольку именно право на судебную защиту утверждает личность во взаимоотношениях с государством в качестве равноправного субъекта, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, в том числе судебных³. При этом КС РФ определяет право на судебную защиту как носящее публично-правовой характер, в связи с чем особым образом подчеркивается, что это право может быть реализовано лишь с помощью государства, создающего для этого необходимые институциональные и процессуальные условия⁴.

Именно в решениях КС РФ право на судебную защиту интерпретировано как не подлежащее ограничению, в связи с чем государство призвано гарантировать его полное осуществление. Это означает, что судебная защита должна быть не только справедливой, компетентной, но и эффективной, т. е. обеспечивать во всех видах судопроизводства возможность реального восстановления в правах⁵.

Эффективность судебной защиты подразумевает наличие установленного законом механизма (процедуры), который адекватно обусловлен особенностями материальных правоотношений, определяю-

¹ См.: *Бондарь Н. С.* Личность и судебная власть: конституционно-процессуальные основы взаимоотношений // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей / отв. ред. *В. Т. Кабышев*. Саратов, 2017. Вып. 16. С. 19–34; *Жилин Г. А.* Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2.

² См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П; абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 18 мая 2015 г. № 10-П; абз. 5 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 4 октября 2016 г. № 18-П.

³ См. абз. 2 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П; абз. 4 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П.

⁴ См. абз. 3 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 3 июля 2008 г. № 734-О-П; абз. 3 п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 8 февраля 2011 г. № 115-О; абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 1 ноября 2012 г. № 2008-О.

⁵ См. абз. 1 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 8 июня 2015 г. № 14-П.

ших предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, а также характером рассматриваемых дел, существом и значимостью вводимых санкций и правовых последствий их назначения, и позволяет гарантировать вынесение правосудных, т. е. законных и обоснованных, решений¹. Так, поскольку публичные правоотношения не предполагают равенство сторон, одной из которых выступает государство в лице его органов, должностных лиц, служащих, законодатель должен учитывать эти особенности при формировании организационно-процедурной основы рассмотрения дел, вытекающих из этих отношений², и прежде всего это предполагает обеспечение дополнительных процессуальных гарантий в отношении граждан как слабой, уязвимой стороны. Отсутствие же надлежащего правового регулирования, которое позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы, свидетельствует об отступлении от требований Конституции и может служить основанием для признания соответствующих законоположений неконституционными³.

При этом КС РФ неоднократно подтверждал дискреционные полномочия судов как основу реальной судебной защиты во всех видах судопроизводства — по гражданским, административным, уголовным, арбитражным делам, применительно к сфере публично-правовых отношений, связанных с налоговым, таможенным, административным, уголовно-процессуальным регулированием, где гражданину особенно сложно противостоять государству, а также при защите социальных прав и в частноправовых отношениях — при приватизации жилья и другого государственного имущества, при наследовании, изъятии собственности в социально оправданных публичных целях, при банкротстве и т. д. Эффективность судебной защиты неразрывно связана с гарантированием самостоятельности судебной власти, предполагает наличие у суда реальных возможностей с необходимой и достаточной полнотой уяснить существо дело и сформировать по нему объективную правовую позицию. В частности, при проверке тех или иных правоприменительных решений суд не может быть лишен возможности проверить обоснованность решения, оценить мотивы его принятия, поскольку иное превращало бы конституционное пра-

¹ См. абз. 1 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

² См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 июня 2005 г. № 227-О; абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 25 января 2007 г. № 40-О-О; абз. 3 п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 2 декабря 2013 г. № 1908-О.

³ См., например, п. 1 резолютивной части постановления КС РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П; п. 1 резолютивной части постановления КС РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П.

во на судебную защиту в формальность¹. Дискреция — необходимый аспект самостоятельности суда, а ее произвольное ограничение влечет нарушение Конституции. Так, в постановлении КС РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П признаны неконституционными подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в той мере, в какой они в системной связи с п. 3 ст. 1252 данного Кодекса и другими его положениями не позволяют суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуального предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, определить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

В практике КС РФ получила обоснование такая фундаментально значимая характеристика судебной деятельности, как ее универсальность. Праву на судебную защиту, согласно решениям КС РФ, придается значение универсального правового средства государственной защиты прав и свобод человека и гражданина и цивилизованного средства разрешения споров, призванного поддерживать гражданский мир и согласие², т. е. предполагается его распространение на все сферы общественной и государственной жизни и, соответственно, возможность судебной защиты всей системы материальных и процессуальных прав и свобод, законных интересов личности. В частности, КС РФ был сделан вывод о том, что возможно судебное обжалование решений и действий (бездействия) руководящих органов общественных объединений, политических партий, если ими на-

¹ См. абз. 4 п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 24 марта 2009 г. № 6-П.

² См., например, абз. 1 п. 2³ мотивировочной части постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П; абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 27 июня 2013 г. № 15-П; абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 26 июня 2014 г. № 19-П.

рушаются права и свободы граждан, в частности членов объединений, партий¹.

Судебная защита является всеобъемлющей и по субъектному охвату, что также нашло обоснование в практике КС РФ: она распространяется не только на граждан индивидуально, но и на объединения граждан², бюджетные учреждения³, муниципальные образования (как специфические публично-территориальные объединения жителей)⁴ и проч. КС РФ последовательно придерживается того мнения, что право на конституционную жалобу — важнейший элемент конституционного статуса объединения граждан, воплощающий в себе как частные, так и публичные начала⁵. Конституционное значение характеристик права на судебную защиту как универсального, абсолютного проявляется, следовательно, и в том, что судебная защита реализуется везде, где есть индивидуальные и коллективные субъекты, частные и публичные интересы.

Судебная защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если она произвольным образом затягивается, не позволяя обеспечить своевременное восстановление нарушенных прав, законных интересов, равно как если вступивший в законную силу судебный акт не исполняется, приобретая тем самым декларативный характер. КС РФ сделал важные, углубляющие нормативное содержание права на судебную защиту выводы о том, что судопроизводство в разумный срок⁶ и своевременное исполнение судебного решения⁷ — элементы права на судебную защиту. Нехватка бюджетных средств сама по себе не может служить оправданием неисполнения судебного решения⁸.

¹ См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 5 февраля 2009 г. № 247-О-О.

² См. абз. 1—5 п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 22 апреля 2004 г. № 213-О.

³ См. абз. 3 п. 1.3 мотивировочной части постановления КС РФ от 22 июня 2009 г. № 10-П; п. 3² мотивировочной части определения КС РФ от 4 октября 2012 г. № 1911-О.

⁴ См. п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П.

⁵ См.: *Бондарь Н. С.* О развитии института индивидуальной жалобы в практике конституционного правосудия (соотношение частных и публичных начал) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Вып. VII: сб. науч. тр. Казань, 2012. С. 34—50.

⁶ См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П; абз. 5 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 11 ноября 2014 г. № 28-П.

⁷ См., например, п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 15 января 2002 г. № 1-П; абз. 1 п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 мая 2003 г. № 8-П; абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 10 марта 2016 г. № 7-П; определение КС РФ от 20 марта 2008 г. № 244-О-П.

⁸ См. постановление КС РФ от 14 июля 2005 г. № 8-П.

Существенными являются выявленные в практике КС РФ аксиологические характеристики права на обжалование нормативных правовых актов, которое служит важным, неотъемлемым аспектом конституционного механизма гарантирования прав и свобод¹. В свете продолжающейся реформы административного судопроизводства на этом вопросе стоит остановиться подробнее.

Хотя Конституция прямо не называет право на обжалование нормативных правовых актов, в том числе в рамках закрепления права на судебную защиту, это не означает, что это право лишено конституционного содержания, а законодатель обладает в его регулировании дискрецией, как в отношении так называемых приобретенных прав, дополнительных гарантий и т. п. Норма ч. 2 ст. 46 Конституции, согласно которой решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд, конкретизирует универсальные гарантии судебной защиты, содержащиеся в ч. 1 той же статьи, и во взаимосвязи со ст. 2, 18 и 21 Конституции призвана обеспечить условия для наиболее полной и эффективной правовой защищенности человека, его прав и свобод во взаимоотношениях с государством. Конституционные нормы, согласно правовой позиции КС РФ, требуют от государства максимально широких гарантий реализации конституционных прав и свобод, с тем чтобы они были не иллюзорными, а реально действующими и эффективными². В этом плане формула ч. 2 ст. 46 Конституции, определяющая в качестве гарантированного объекта обжалования «решения и действия (или бездействие)» субъектов публичной власти, должна рассматриваться как имеющая автономное конституционное значение, ее содержание не сводимо к любым отраслевым конкретизациям и не детерминировано ими. На этой основе КС РФ был сделан принципиальный вывод, согласно которому «возможность лица обжаловать принятые органами государственной власти и местного самоуправления и их должностными лицами решения, включая нормативные правовые акты, воплощающая в себе как индивидуальный (частный) интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав, так и публичный интерес, направленный на поддержание законности и конституционного правопорядка, является неотъемлемой характеристикой нормативного содержания права

¹ См.: *Никитин С. В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М., 2010. С. 136—157.

² См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П.

каждого на судебную защиту, одной из необходимых и важнейших его составляющих»¹.

Право на обжалование нормативных правовых актов является важным институциональным элементом механизма обеспечения принципа определенности применительно к реализации единообразия в понимании и применении судами норм права. Ограничения этой возможности необходимо оценивать в контексте того, что проверка судами индивидуальных властно-распорядительных актов, имплицитно подразумевающая оценку соблюдения формально-иерархической субординации применительно к лежащим в их основе общенормативным правилам, не исключает возникновения различий в подходах к установлению законности и обоснованности такого рода актов в однородных ситуациях с учетом казуальной судебной интерпретации подлежащих применению норм. В постановлении от 31 марта 2015 г. № 6-П КС РФ пришел к выводу, что с учетом широкого распространения на практике разъясняющих актов налоговых органов, обладающих по своему характеру нормативными свойствами, «их проверка лишь в порядке, предусмотренном действующим законодательством для оспаривания ненормативных актов... при таких обстоятельствах не может быть признана достаточной для обеспечения полной и эффективной судебной защиты прав и свобод как необходимого элемента конституционно-правового режима, основанного на принципах верховенства права и правового государства» (абз. 6 п. 4² мотивировочной части). Применительно к нормативным правовым актам в собственном смысле слова этот вывод КС РФ является тем более важным и актуальным.

Признание права на обжалование нормативных правовых актов, обусловленное в том числе исторически сложившимся конституционно-правовым режимом судебного гарантирования прав и свобод, не предполагает, однако, что легальность нормативного правового акта может быть поставлена под сомнение неограниченным кругом лицом, притом по любым основаниям, в том числе связанным лишь с абстрактными предположениями субъективно-оценочного характера о возможных нарушениях, которые применение этого акта может повлечь для находящихся под защитой Конституции и закона прав, свобод, публичных и частных интересов. В ряде решений КС РФ указывается на то, что конституционное право на судебную защиту, в частности, не означает возможность обжаловать в судебном порядке акты нормативного характера, не подлежащие применению в конкретном

¹ Абзац 2 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 12 мая 2005 г. № 244-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 20 октября 2005 г. № 513-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 24 января 2006 г. № 3-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 12 июля 2006 г. № 182-О.

деле заявителя¹. Одна лишь общая заинтересованность гражданина в поддержании конституционного правопорядка, согласно правовой позиции КС РФ, не создает предпосылок и для возбуждения конституционного судопроизводства, призванного обеспечивать защиту и восстановление нарушенных прав заявителей². Иными словами, устранение из правовой системы законов, нарушающих, по мнению заявителя, конституционные права и свободы человека и гражданина, в том числе в связи с имеющим место, как он полагает, нарушением прав и свобод других лиц либо потенциальной возможностью применения соответствующих законоположений в отношении него самого в будущем, не предreshает обоснованность конституционной жалобы.

Этот подход КС РФ в целом коррелирует с зарубежной практикой по установлению права на иск подобного рода, которая строится на том, что: а) право на публичный иск признается за заинтересованным лицом; б) понятие заинтересованности трактуется широко и в целом понимается как наличие большей заинтересованности, нежели заинтересованность любого члена общества в поддержании законности; в) наличие заинтересованности связывается с применением или возможностью применения оспариваемого акта, притом что соответствующая возможность должна быть реальной, относящейся к обозримому будущему; г) право на иск определяется не наличием формальных критериев, а фактическими обстоятельствами дела в конкретном случае; д) наличие или отсутствие права на иск подлежит оценке в основном процессе³.

В этом нормативно-смысловом контексте и без какой-либо абсолютизации следует воспринимать и попутно высказанное КС РФ — при оценке вновь введенного требования квалифицированного представительства граждан в производстве по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов — суждение о том, что «право граждан на оспаривание в судебном порядке непосредственно нормативных правовых актов органов публичной власти и должностных лиц представляет собой, по существу, дополнительную возможность защиты их прав с использованием судебного механизма»⁴. Необходимо учитывать, что действующее административно-процессу-

¹ См. абз. 7 п. 3³ мотивировочной части определения КС РФ от 27 декабря 2005 г. № 522-О; абз. 7 п. 2³ мотивировочной части определения КС РФ от 2 февраля 2006 г. № 20-О.

² См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 сентября 2015 г. № 2003-О.

³ См.: Михайлова К. А. Право на обжалование нормативного правового акта: право на иск в законодательстве зарубежных стран // Евразийский юридический журнал. 2011. № 2. С. 94.

⁴ Абзац 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 27 сентября 2016 г. № 1782-О.

альное законодательство воспроизводит ранее реализованный через систему гражданского судопроизводства концептуальный подход, в силу которого «сам по себе факт нахождения лица в правоотношениях, регулируемых нормативным правовым актом, уже свидетельствует о возможности рассмотрения соответствующего дела и тем самым о возможности защиты нарушенных прав в рамках оспаривания правового акта, содержащего правила поведения, обязательные для неопределенного круга лиц и рассчитанные на неоднократное применение, не дожидаясь принятия на его основе негативных для данного лица правоприменительных решений» (абз. 7 п. 4² мотивировочной части постановления КС РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П). При таких условиях, в рамках которых законодателем праву на обжалование нормативных правовых актов придается более широкое, чем это вытекает непосредственно из Конституции, нормативное содержание, имеющее существенный удельный вес начал абстрактного нормоконтроля, соответствующие возможности гражданина по возбуждению производства по административному делу об оспаривании нормативного правового акта, строго не обусловленные подтверждением во всех случаях реальной, зримой субъективно-правовой заинтересованности в отмене спорного нормативного правового акта, как раз и выступают в качестве дополнительной судебно-процессуальной гарантии. Но это вовсе не исключает того, что законодатель при определении содержания, порядка и условий пользования соответствующей гарантией не должен соотносить принимаемые решения с требованиями доступности и эффективности судебной защиты, реализации которых подлежит оценке в общей системе действующих процессуальных механизмов обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан с учетом конкретных исторических условий социально-правового развития общества и государства, включая достигнутый уровень правовой культуры, реальные показатели соблюдения законности, единство правового пространства и т. п.

4.5. Конституционно-судебное обоснование статуса судьи

Ценность широкой судебной компетенции и судебной защиты в целом не может быть обеспечена без соблюдения конституционных гарантий статуса судов и судей. Как справедливо отмечается в литературе, правовые основы статуса судьи характеризуются следующими основными моментами. Во-первых, стержнем правовых актов, определяющих статус судьи (и, естественно, стержнем для морально-нравственных и психофизиологических характеристик общего статуса судьи), является его конституционно-правовой статус. Во-вторых,

как историческая категория правовые основы статуса судьи в каждом развитом государстве индивидуальны и постоянно развиваются. В-третьих, основными составляющими правовых основ статуса судьи в нашей стране на нынешнем этапе развития общества являются независимость судей, их несменяемость и неприкосновенность как гарантия при применении к ним соответствующих мер ответственности¹. Все эти основные аспекты статуса судьи неоднократно были предметом рассмотрения и нормативно-доктринального обоснования КС РФ.

Сама категория статуса судьи рассматривается КС РФ как основанная на глубоком переплетении и взаимообусловленности формально-юридических и нравственно-этических начал, поскольку представители судейского корпуса обязаны поддерживать авторитет судебной власти и высокое звание судьи, отличаться не только уровнем профессионализма, но и особыми морально-этическими качествами². Этим, с одной стороны, определяется установление особого правового режима приобретения, осуществления и прекращения статуса судьи, включая специальные квалификационные требования к кандидатам на эту должность. Этические аспекты поведения судей, отмечается в документах Консультативного совета европейских судей, приобретают существенное значение постольку, поскольку, в частности, методы, используемые для разрешения судебных споров, должны всегда внушать доверие, и стандарты поведения, применяемые к судьям, должны соотноситься с определяющими полномочия судьи такими ценностями, как справедливость, истина и свобода, и, соответственно, они вытекают из этих ценностей и лежат в основе доверия к осуществлению правосудия³. Не случайно особое внимание этическим аспектам правосудия, включая статус судей, традиционно уделяется на уровне европейской конвенционной юрисдикции, и, в частности, стоит отметить сложившееся восприятие принципов независимости и беспристрастности как являющихся не только институциональными, но и этическими критериями справедливого правосудия.

¹ См.: *Клеандров М. И.* Правовые основы статуса судьи: курс лекций. М., 2010. С. 122.

² См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 20 июля 2011 г. № 19-П; абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 18 июля 2006 г. № 310-О.

³ См. п. 8 Заключения № 2 Консультативного совета европейских судей «О принципах и правилах, регулирующих профессиональное поведение судей, в частности этические нормы, несовместимое с должностью поведение и беспристрастность» (ССЈЕ (2002) Оп. 3) (URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1050737&Site=COE&direct=true> (дата обращения: 01.12.2016)).

С другой стороны, речь должна идти о необходимости эффективного и сбалансированного сочетания и комбинирования в публичном воздействии на поведение судей как собственно правовых, так и этических регуляторов, при осознании того, что этическое нормирование в данном случае является не факультативно-субсидиарным, а имеет вполне определенный потенциал для того, чтобы занять весьма существенное положение во всей системе форм, методов, средств регулирования поведения судей, включая механизм ответственности судей¹. Другое дело, что этическое, корпоративное регулирование должно оставаться в рамках своего предназначения, характера и не подменять правовые установления, включая определение последствий отступления от соответствующих требований, которые не могут предопределять реализацию юридической ответственности. Неисполнение корпоративных норм, отмечается в одном из решений КС РФ, само по себе не может служить основанием для досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом рассматриваются как несовместимые по своему характеру с высоким званием судьи².

Вклад КС РФ в реализацию задач, связанных с гармонизацией правового и этического начал в статусе судей, может быть раскрыт через фундаментальную, вытекающую из конституционно-судебной практики идею: *несправедливость не должна признаваться конституционной*, притом что в основе оценки справедливости как масштаба поведения судьи (или лица, претендующего на судейскую должность) должны лежать конституционные принципы равенства, соразмерности и законной процедуры, подразумевающей объективность принимаемых решений и возможность их инстанционной проверки.

В постановлении КС РФ от 26 февраля 2015 г. № 3-П впервые получил обоснование принцип профессионального достоинства судьи, который законодатель должен учитывать при осуществлении правового регулирования статусных характеристик лиц, относящихся к судейскому корпусу. Законодательные изменения, вносимые в систему аттестации судей, и связанные с этим условия оплаты их труда, отмечается в данном постановлении, не должны приводить ни к снижению материальных гарантий возможности полного и независимого осуществления правосудия, ни к умалению достоинства и подвергать сомнению профессиональную репутацию судьи. Законоположения,

¹ См.: *Владыкина Т. А.* Кодекс судейской этики: теоретико-правовой аспект // Российский судья. 2010. № 11; *Клеандров М. И.* Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2016; *Черкашина И. Л.* Судейская этика: частное мнение по нечастным вопросам // Российский судья. 2011. № 4.

² См. абз. 2 п. 3³ мотивировочной части постановления КС РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П.

регулирующие совершенствование системы оплаты труда судей, были признаны неконституционными в той мере, в какой они: а) позволяли снижать квалификационный класс судьям, которые ранее замещали должность судьи областного суда и затем были назначены на должность судьи (председателя, заместителя председателя) районного суда, исходя исключительно из замещаемой должности в районном суде, без учета достигнутого ими и отраженного в результатах квалификационной аттестации профессионального уровня; б) приводят к установлению в отношении судей, замещавших должность судьи областного суда и затем назначенных на должность судьи (председателя, заместителя председателя) районного суда, необоснованных различий в части приведения квалификационных классов в соответствие с новым правовым регулированием в зависимости от момента такого назначения (до или после 1 января 2013 г.).

Решениями КС РФ подтверждено, что неприкосновенность судей — необходимая конституционная предпосылка их независимого статуса, являющаяся обоснованным исключением из принципа равенства всех перед законом и судом и выходящая по своему объему за пределы личной неприкосновенности. Это обусловлено тем обстоятельством, что общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления правосудия. Поэтому порядок привлечения судей к ответственности, в частности уголовной, должен быть усложненным, исключать преследование судьи за его профессиональную судейскую деятельность, и, следовательно, увязывание уголовного преследования в отношении судьи с получением согласия органов судейского сообщества имеет под собой разумные конституционные основания¹.

При этом неприкосновенность судьи — один из существенных элементов конституционного статуса судей, обеспечивает самостоятельность судебной власти в целях защиты публичных, а не частных интересов, она не может рассматриваться как некая личная судейская привилегия. КС РФ полагает, что регулирование отношений по поводу уголовного преследования судьи за деяние, совершенное им в процессе осуществления правосудия, требует соблюдения баланса таких конституционно значимых ценностей, как ответственность перед обществом судебной власти, служащей институциональной гарантией законности и верховенства права, с одной стороны, и независимость и неприкосновенность судьи — с другой. В этом плане запрет на привлечение судьи к ответственности за выраженное им при осуществле-

¹ См. постановление КС РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П; определение КС РФ от 17 января 2012 г. № 175-О.

нии правосудия мнение и вынесенные судебные акты касается случаев, когда имеют место неумышленные ошибки ординарного характера, не дискредитирующие априори лиц, их допустивших, тогда как судебные ошибки, являющиеся следствием профессиональной некомпетентности или небрежности судьи, т. е. недобросовестного исполнения им функции по отправлению правосудия, могут влечь за собой применение мер дисциплинарной ответственности¹. Тем более не предполагается ограждение судьи, совершившего преступление, от уголовной ответственности².

В свете необходимости обеспечения указанного баланса конституционных ценностей КС РФ полагает, что возбуждение в отношении судьи уголовного дела и привлечение его в качестве обвиняемого в связи с вынесением им заведомо неправосудного решения могут иметь место лишь после того, как с соблюдением установленного процессуальным законом порядка принятое судьей решение будет признано незаконным и (или) необоснованным. Вместе с тем возбуждение в отношении судьи, постановившего заведомо неправосудное решение, уголовного дела и привлечение его в качестве обвиняемого после полной отмены такого решения могут быть обоснованы любыми обстоятельствами, указывающими на признаки состава данного преступления, а не только теми, которые послужили основанием для отмены решения. Если по итогам проверки представленных следственным органом данных квалификационная коллегия судей придет к выводу о наличии оснований для возбуждения в отношении судьи уголовного дела, она в любом случае не вправе отказать в даче согласия на возбуждение дела.

КС РФ раскрыто содержание и такой статусной гарантии независимости суда, как несменяемость. Несменяемость судьи, как установил КС РФ, не тождественна бессрочности пребывания в этой должности, поэтому федеральный законодатель, будучи не вправе сократить конкретный срок полномочий для тех судей, которые были избраны на установленный законом срок, может при этом, действуя в рамках предоставленных ему Конституцией дискреционных полномочий по дополнительному урегулированию статуса судей, ввести предельный возраст пребывания в должности судьи, в том числе в отношении действующих судей³. Соответственно, принцип несменяемости судей исключает их удаление от должности без законных осно-

¹ См. п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 18 октября 2011 г. № 23-П.

² См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 16 декабря 2004 г. № 394-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 7 февраля 2008 г. № 157-О-О.

³ См. абз. 2—3 п. 3¹ мотивировочной части определения КС РФ от 15 февраля 2005 г. № 1-П.

ваний, предполагает запрет повторного назначения на судебские должности и допускает, в частности, ограничение определенным сроком полномочий впервые назначаемых судей — но лишь при условии, что этот срок рассматривается как испытательный и, следовательно, непредставление судьи на должность без ограничения срока после истечения периода испытания не может быть произвольным, а требует подтверждения непригодности к судебской деятельности. Правовая позиция КС РФ о юридической природе испытательного срока впервые назначаемых судей позволила законодателю в итоге отказаться от данного института.

Требование несменяемости судей, по мнению КС РФ, должно учитываться и при таком уникальном случае, как упразднение в ходе судебной реформы двух высших судов и формирование вновь созданного Верховного Суда РФ: это предполагает предоставление для судей упраздняемых судов возможности продолжить профессиональную деятельность либо в образованном Верховном Суде РФ, либо в других судах судебной системы, а при невозможности такого перевода — гарантирование им материального обеспечения, вытекающего из статуса судьи в отставке (определение КС РФ от 17 июля 2014 г. № 1567-О).

Статусно-должностные гарантии правосудия предопределяют необходимость урегулирования особых субъектных характеристик носителей судебной власти не только непосредственно в период профессиональной деятельности. По окончании полномочий также должен обеспечиваться особый статус судьи, находящегося в отставке. Это дает основания для предъявления к судьям высоких требований и позволяет сохранять доверие к их компетентности, независимости и беспристрастности. Предоставление судьям, пребывающим в отставке, ежемесячного пожизненного содержания является, по мнению КС РФ, дополнительной гарантией надлежащего материального обеспечения в связи с предъявляемыми к судьям высокими требованиями и установленными для них запретами и ограничениями, обусловленными спецификой профессиональной деятельности¹. Но вместе с тем на судью в отставке также распространяются запреты и ограничения, вытекающие из его особого статуса, в том числе запрет на осуществление оплачиваемой деятельности, за исключением отдельных ее видов, прямо предусмотренных законом. Так, запрет на занятие адвокатской деятельностью, установленный в отношении судей в отставке, направлен на исключение ситуаций, которые могут породить объективные сомнения в беспристрастности и непредвзятости судьи, рассматривающего дело при участии в процессе адвоката, яв-

¹ См. определение КС РФ от 17 января 2013 г. № 30-О.

ляющегося одновременно судьей в отставке, и такой запрет не может оцениваться как несоразмерное ограничение прав, не согласующееся с требованиями Конституции¹.

В практике КС РФ затрагивались также вопросы, касающиеся правового статуса председателя и заместителя председателя федерального суда. Как это вытекает из выраженной КС РФ в его определениях от 11 марта 2005 г. № 3-О и от 21 декабря 2006 г. № 535-О правовой позиции, согласно которой введение определенного срока пребывания в должности председателя или заместителя председателя федерального суда само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных гарантий статуса судей, правовой статус председателя суда и его заместителя является производным от правового статуса судьи. Вместе с тем в постановлении КС РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П (абз. 1—2 п. 4 мотивировочной части) подчеркивается, что как в национальной правовой системе, так и на уровне международных стандартов признается важность и значимость организационной работы в сфере правосудия, связанной с реализацией полномочий по организации работы суда в целом, включая работу его аппарата. Вместе с тем правовой статус председателя суда и его заместителя должен рассматриваться в свете общих конституционных и правовых принципов, и во всяком случае осуществлением вытекающих из занятия руководящей должности в суде полномочий не может ставиться под сомнение правовое равенство судей, в том числе выражающееся в их самостоятельности, независимости в решении вопросов, относящихся к реализации правосудия.

Сам принцип независимости судей предполагает исключение произвольного воздействия на судью, от кого бы оно ни исходило, как извне, так и изнутри судебной власти. Хотя вопросу о внутренней независимости в судебной системе уделяется, в том числе в международных документах, меньше внимание, чем вопросу о внешней независимости, понимание требования подчинения судей только закону как подлежащего применению и в рамках самой судебной системы получает признание на уровне формирующихся международных, прежде всего европейских, стандартов справедливого правосудия. Они таковы, что явным нарушением названного принципа будет иерархическая организация судебной власти в смысле подчиненности судей председателю суда или вышестоящим судебным инстанциям при принятии решений².

¹ См. определение КС РФ от 19 июня 2012 г. № 1173-О.

² См. разд. IX «Внутренняя независимость» доклада «Стандарты Венецианской комиссии по независимости судебной системы», CDL(2012)084-rus (Страсбург, 16 января 2013 г.). (URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL\(2012\)084-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL(2012)084-rus) (дата обращения: 01.12.2016)).

Согласно принципу I (2)(d) Рекомендации № R(94)12 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о независимости, эффективности и роли судей (принята 13 октября 1994 г. на 518-м заседании заместителей министров) судьи должны иметь неограниченную свободу беспристрастно принимать решения, руководствуясь своей совестью, своим толкованием фактов и действующими нормами права¹. Консультативный совет европейских судей делает акцент на том, что изложенный принцип касается каждого отдельно взятого судьи, а потому независимость судов связана и со свободой от необоснованного влияния, которое может в некоторых ситуациях исходить от позиции других судей; при этом оговаривается, что эта позиция не может быть интерпретирована в смысле, исключающем такие правовые доктрины, которые основаны на прецедентах в странах общего права (например, обязательства судьи низшей инстанции следовать ранее принятому решению суда более высокой инстанции в отношении правового вопроса, который связан с рассматриваемым делом)². Соответствующие подходы получили развитие в гл. III «Внутренняя независимость» Рекомендации Комитета Министров Совета Европы № Rec (2010)12 государствам-членам «Судьи: независимость, эффективность и ответственность» (принята 17 ноября 2010 г. на 1098-м заседании Комитета Министров)³.

В свете изложенных подходов существенное значение приобретают сложившиеся в зарубежной практике позиции, ориентирующие на то, что назначение на должности председателей судов должно основываться на рекомендациях судейского сообщества, учитывающих также мнение судей конкретных судов; процедура отбора руководителей предполагает не только публичное объявление вакансий, но и предоставление возможности для самовыдвижения на эти должности; в процедурах назначения председателей судов исполнительная власть должна быть либо ограничена списком кандидатов, предлагаемых судейским сообществом, либо последнему должно принадлежать право преодоления вето исполнительной власти, если та отказывает в назначении; наконец, возможен вариант избрания председателя самими судьями⁴.

¹ См.: URL: <http://docs.cntd.ru/document/901927870> (дата обращения: 01.12.2016).

² См. п. 66 Заключения № 1 (2001) Консультативного совета европейских судей «О стандартах независимости судебных органов и несменяемости судей» (URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1053125&Site=COE&direct=true> (дата обращения: 01.12.2016)).

³ См.: Judges: Independence, Efficiency and Responsibilities. Recommendation CM/Rec(2010)12 and Explanatory Memorandum. Stasbourg, 2011. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cdcj/CDCJ%20Recommendations/CMRec%282010%2912E_%20judges.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

⁴ См.: Морщакова Т. Судебное управление в международных нормах «мягкого права» и российских практиках // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1. С. 87.

Практика КС РФ строится на том, что интересы обеспечения независимости исключают текущий контроль со стороны вышестоящих судебных инстанций за ходом рассмотрения дела судом первой инстанции, вмешательство в осуществление им своих дискреционных полномочий¹. Баланс конституционных ценностей, касающихся, с одной стороны, необходимости исправления судом вышестоящей инстанции нарушений закона, допущенных нижестоящими судами, посредством вынесения аргументированных решений, а с другой — соблюдения принципа недопустимости вмешательства кого бы то ни было в сферу самостоятельной деятельности суда при рассмотрении и разрешении им отнесенных к его подсудности дел, должен достигаться, по мнению КС РФ, с учетом следующего подхода. Независимость судей, призванная обеспечивать при отправлении правосудия права и свободы личности, приоритет которых закреплен в Конституции, не затрагивается возложением на суд вышестоящим судом обязанности исходить при новом рассмотрении дела из принятых именно им решений — при условии, что такие решения непосредственно не связаны с вопросами, подлежащими разрешению в итоговом решении суда, в том числе о фактических обстоятельствах дела, оценке достоверности и достаточности доказательств и т. д.²

Обеспечение внутренней независимости судей составляет одну из актуально значимых и перспективных проблем, оптимальное решение которой еще предстоит найти в условиях продолжающейся судебно-правовой реформы. Не секрет, что при формальном закреплении за председателями судов и их заместителями функций и задач, имеющих в своей основе организационный характер, т. е. связанных с организацией работы суда, фактически в должностном статусе председателя суда сконцентрирован значительный административно-управленческий и организационно-хозяйственный потенциал, в том числе применительно к реальному влиянию на процесс назначения судей на должность и их дальнейшую карьеру, на распределение между судьями рабочей нагрузки, на реализацию материально-финансовых задач, связанных с функционированием суда как учреждения. В этом контексте вопрос о роли председателей судов и их заместителей становится существенным в аспекте обеспечения организационной независимости судей, что объясняет как само внимание, уделяемое этому вопросу в различных научно-экспертных оценках

¹ См. абз. 2 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П.

² См. абз. 6 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 5 ноября 2004 г. № 380-О; п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 15 января 2008 г. № 220-О-П; п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 20 ноября 2008 г. № 777-О-О; определения КС РФ от 13 октября 2009 г. № 1189-О-Р, от 18 октября 2012 г. № 1958-О.

перспектив и направлений судебно-правовой реформы, так и принципиальную сходность позиций по всему спектру мнений в отношении необходимости преобразований (в том или ином виде) правового статуса соответствующих должностных лиц. Можно соглашаться или нет с конкретными организационными мерами, такими как избрание председателей судов всех уровней, кроме Верховного Суда РФ, на должность Советом Федерации по представлению председателя Верховного Суда РФ¹ или же их избрание самими судьями из своего состава², но нельзя не согласиться, что основной идеей реформирования правовой конструкции института председателя суда должно быть его восприятие как *primus inter pares*, а не руководителя (начальника) над судьями. Это предполагает необходимость приведения формально-юридического и фактического статуса председателей судов в соответствие с их конституционно обусловленным предназначением, связанным прежде всего и главным образом с реализацией представительских, координационных задач, и тем самым воспрепятствования тенденциям бюрократизации судебной власти, сужающим потенциал эффективного правосудия.

¹ См.: Суд идет. Сам // Российская газета. 2015. 13 марта.

² См.: Бочаров Т. и др. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Ч. 1. С. 107; Тай Ю. Судебная реформа: демократия в суде // Ведомости. 2015. 8 апр.

5. О конституционном развитии отдельных видов судопроизводства

5.1. Конституционное правосудие — динамически развивающийся институт государственности

Практика КС РФ оказывает нормативно-преобразовательное воздействие фактически на все стороны правосудия, обеспечивает непосредственную конституционализацию и одновременно дает конституционно значимые ориентиры и критерии в поиске оптимальных решений для развития различных видов судопроизводства с участием законодателя, судейского и иных профессиональных сообществ, представителей науки. При этом воздействие КС РФ на соответствующие процессуальные отношения разнообразно, не ограничивается приведением к конституционно-правовому режиму функционирования отдельных процессуальных норм, институтов. Фундаментальное и стратегическое значение имеет формирование в практике КС РФ концептуальных моделей соответствующих видов судопроизводства. В этом плане составной частью объекта, охваченного модернизационными процессами в сфере организации и функционирования судебной власти, является, естественно, и само конституционное правосудие

Восприятие конституционного правосудия в качестве не только одного из основных, решающих субъектов конституционно-правовой политики, инструмента конституционно-правового развития российской государственности, но и важнейшей сферы, объекта конституционализации определяется, с одной стороны, его институциональными, нормативно обусловленными целями, задачами, качественными характеристиками, а с другой — историческим статусом конституционного правосудия как нового института демократической правовой государственности России, который находится в стадии утверждения и саморазвития, уточняет свое место в судебной системе и системе государственной власти в целом, совершенствует формы, организационно-правовые механизмы своей деятельности. Это тем более важно, учитывая, что за время существования КС РФ накоплен богатый опыт реализации конституционного законодательства в области организации и функционирования конституционного

правосудия. Его обобщение и учет в процессе развития законодательства о КС РФ — залог успешного решения задач дальнейшего совершенствования конституционной юстиции¹.

Для обеспечения реального верховенства «живой» конституции нужен «живой» конституционный суд. Развитие конституционного правосудия, являющегося одним из институтов системы российской государственности, не может быть оторвано от модернизации всей этой системы, рефлекторно отражает объективные тенденции изменяющегося социально-юридического контекста. Не ставя под сомнение важность конкретных задач и предложений по совершенствованию конституционного правосудия², нужно в то же время учитывать следующее. Действенность, эффективность конституционного правосудия во многом определяется реальной глубиной демократических преобразований в обществе, последовательностью реализации принципа разделения властей и их сбалансированностью, мерой проникновения в общественную практику конституционных принципов и ценностей, включая верховенство права, справедливость, равенство, защищенность прав и свобод личности и т. п. Конституционное правосудие, чтобы быть успешным, должно реально восприниматься как фундаментальная, жизненно необходимая ценность общества и государства. Отсюда понимание того, что объективно необходимой, основной средой для нормального функционирования конституционных судов является конституционная демократия³. Поэтому важным является и согласование конкретных шагов по совершенствованию института конституционного правосудия с общим процессом развития российской конституционной государственности, по отношению к которой КС РФ выступает и хранителем, и в известной степени ее преобразователем.

С одной стороны, есть вопросы, которые изначально, с момента учреждения института конституционного контроля не получили разрешения. С другой — есть вновь возникшие вопросы, которые необ-

¹ См. об этом: *Авакьян С. А.* Конституционный Суд Российской Федерации: неоднозначные законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 1; *Гаджиев Г. А.* Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10; *Даниелян Д. Р.* Конституционный Суд РФ в судебной системе России: значение и перспективы развития // Российский судья. 2014. № 8; *Кряжков В. А., Митюков М. А.* Конституционный Суд Российской Федерации: развитие конституционно-правового статуса // Государство и право. 2011. № 10. С. 12—28.

² См.: *Тониатти Р.* «Живой» суд для «живого» права: конституционная транзитология и государственные слержки и противовесы // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5 (114).

³ См.: *Арутюнян Г. Г.* Конституционное правосудие — отражение сути правового государства и конституционализма // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2. С. 37—44.

ходимо решать в новых условиях российской государственности с учетом накопленного отечественного и зарубежного опыта осуществления конституционного правосудия.

Так, к *первой группе* относится *вопрос о судьбе региональной конституционной юстиции*. Сложившаяся ситуация, когда в течение длительного времени соответствующие органы существуют лишь в отдельных субъектах РФ (всего их на сегодняшний день 16), вызывает критические оценки сторонников последовательной федерализации конституционного правосудия в России¹. Вместе с тем при оценке перспектив решения этого вопроса, в том числе с учетом сложившихся реалий разграничения полномочий, включая законодательно-регулятивные полномочия, между федеральным и региональным уровнями государственной власти, следует учитывать, что создание конституционных (уставных) судов во всех субъектах РФ не является самоцелью. Сам факт того, что предусмотренная ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» возможность субъектов РФ по собственному усмотрению создавать соответствующие органы реализуется в минимальном объеме, свидетельствует о наличии не только понятных субъективных, но и некоторых объективных проблем на пути углубления процессов регионализации данного института в условиях российской судебной системы и характерных для нее особенностей, связанных с распределением подведомственности дел между региональными органами конституционного контроля и судами общей и арбитражной юрисдикции.

Не случайно КС РФ при рассмотрении вопросов, касающихся конституционных (уставных) судов субъектов РФ, проявляет заметную сдержанность и осторожность в своих правовых позициях². Ни из

¹ См., например: *Боброва В. К., Митюков М. А.* Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации: в 2 ч. М., 2004; *Демидов В. Н.* Конституционное (уставное) правосудие в субъектах Российской Федерации — сущностный элемент правового государства // Российский юридический журнал. 2013. № 3; *Жилин Г. А.* Конституционное судопроизводство в субъектах Российской Федерации: некоторые проблемы становления и развития // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 1; *Клеандров М. И.* В защиту конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Российская юстиция. 2015. № 6; *Кряжков В. А.* Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М., 1999; *Курятников В. В.* Конституционное судопроизводство в Российской Федерации: проблематика единства // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 3; *Несмеянова С. Э.* Проблемы становления и развития органов конституционного контроля в субъектах Российской Федерации. Екатеринбург; Челябинск, 2003; *Цалиев А. М.* Образование конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2013. № 10; *Он же.* О Федеральном законе об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Российская юстиция. 2014. № 7.

² См. определения КС РФ от 27 декабря 2005 г. № 522-О, от 2 февраля 2006 г. № 20-О, от 3 марта 2015 г. № 421-О.

Конституции РФ, ни из ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», отмечается в решениях КС РФ, не вытекает обязательность создания в субъектах РФ конституционных (уставных) судов. В системе действующего правового регулирования решение вопроса об использовании субъектами РФ возможности создания конституционных (уставных) судов целиком находится в ведении самих субъектов РФ. Целесообразность создания такого субсидиарного органа конституционного контроля определяется субъектами РФ, в том числе с учетом их финансовых возможностей. Финансирование этого органа, которое должно обеспечивать полное и независимое осуществление им правосудия, осуществляется в данном случае за счет бюджета субъекта РФ.

При этом само по себе наличие или отсутствие регионального органа конституционного контроля не может рассматриваться как лишаящее граждан права на доступ к правосудию или препятствующее его реализации, поскольку в условиях действующего правового регулирования гражданам гарантированы иные механизмы судебной защиты. Если гражданин считает, что нормами закона или иного нормативного правового акта субъекта РФ нарушаются его права, он вправе обратиться в суд общей юрисдикции или арбитражный суд (при соблюдении правил о подведомственности и подсудности). Выявление и устранение фактов нарушений конституций (уставов) и законов субъектов РФ могут быть осуществлены этими судами, которые вправе не только отменять незаконные правоприменительные решения, нарушающие права граждан, но и признавать недействующими нормативно-правовые предписания, противоречащие федеральному закону, основным учредительным актам и законодательству субъектов РФ, если это не отнесено к компетенции конституционного (уставного) суда субъекта РФ. Право на судебную защиту обеспечивается всеми судами в соответствии с их компетенцией, устанавливаемой Конституцией и законодательством. Правовая позиция КС РФ, предполагающая допустимость проверки на соответствие Конституции закона субъекта РФ, признанного региональным конституционным (уставным) судом противоречащим конституции (уставу) субъекта РФ¹, создает новый смысловой контекст, в рамках которого перспективы формирования органов региональной конституционной юстиции требуют дополнительного осмысления.

Вместе с тем очевидно, что вопрос о будущем региональной конституционной юстиции имеет тенденцию к обострению и его необходимо решать, пока проблемы, связанные с деятельностью консти-

¹ См. п. 1² мотивировочной части постановления КС РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П.

туционных (уставных) судов субъектов РФ, не приобрели конфликтный характер (а такие проявления уже имели место, например, в г. Санкт-Петербурге, Свердловской и Челябинской областях, Бурятии). Одним из наиболее рациональных механизмов расширения сферы действия конституционно-уставной юстиции (в регионально-географическом плане) мог бы стать переход на государственно-общественные, сочетающие бюджетные и небюджетные начала деятельности ее судей, как это имеет место, например, в земельных конституционных судах ФРГ. Препградой для такого решения обычно считают вытекающую из Конституции принципиальную однородность правового статуса судов и единство статуса судей, которые не должны быть поколеблены такими столь серьезно отклоняющимися от общих принципов исключениями, как общественный характер деятельности конституционных (уставных) судов. Однако нельзя не учитывать, что соответствующие органы входят в судебную систему с учетом присущих им специфических особенностей, обусловленных их природой как судебных органов конституционного контроля, притом имеют значение субсидиарной институциональной гарантии в механизме защиты конституционных прав и свобод, а также интегрированы в систему государственно-властной деятельности субъектов РФ. Все это может оправдывать изложенный подход как предполагающий последовательное, поступательное развитие региональной конституционно-уставной юстиции с учетом существующих условий в противовес, возможно, более приближенным к идеальной модели, но оборачивающимся очаговой реализацией законодательно-нормативным решениям.

Принимая во внимание сегодняшний уровень интенсивности работы этих органов, имеющийся объем нагрузки был бы вполне сильным судам, которые формировались бы, например, из среды представителей профессорско-преподавательского состава юридических вузов, судей в отставке судов других юрисдикций и т. п. В литературе имеются и другие предложения по совершенствованию конституционного правосудия¹.

Ко *второй группе* вопросов могут быть отнесены, например, проблемы расширения конституционно-судебных полномочий, в частности за счет дел по конституционным спорам, вытекающим из некоторых (конституционных по своей природе) публично-правовых отношений (конституционность политических партий, конститу-

¹ См., например: *Белкин А. А.* К реорганизации российской федеральной конституционной юстиции // Ученые записки юридического факультета. Вып. 4 (14). СПб., 2005. С. 60—65; *Митюков М. А.* О некоторых путях интенсификации деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Там же. С. 102—106.

ционно-правовая ответственность высших должностных лиц государства и т. п.)¹.

Как указывал КС РФ, все споры, которые по юридической природе, характеру и последствиям являются конституционными, разрешаются в порядке конституционного судопроизводства, что соответствует предназначению судебного конституционного контроля, а в противном случае нарушались бы закрепленные Конституцией принципы, лежащие в основе организации и осуществления правосудия, разграничения видов судебной юрисдикции, обеспечения правосудием прав и свобод граждан². Например, установление подконтрольности Центральной избирательной комиссии РФ суду общей юрисдикции в части разрешения споров конституционного характера, т. е. неадекватное определение федеральным законодателем подведомственности судам соответствующих дел, не обеспечивает предусмотренные Конституцией гарантии судебной защиты основ конституционного строя, в том числе верховенства и прямого действия Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина.

В то же время очевидно, что в условиях отечественной модели конституционного контроля в компетенции КС РФ преобладающее значение имеют его полномочия как органа конституционного нормоконтроля. И это превалирующее направление конституционно-юрисдикционной деятельности также нуждается (и, пожалуй, в первую очередь) в совершенствовании.

Так, следует обратить внимание на сохраняющую свою актуальность *проблему разграничения полномочий в сфере судебного нормоконтроля, в том числе нормативных правовых актов Правительства РФ*, которые в условиях действующего законодательства выступают объектом контроля как со стороны судов общей юрисдикции и арбитражных судов на предмет их законности, так и со стороны КС РФ на предмет их конституционности. С учетом объективно существующей тесной связи законности и конституционности это создает предпосылки для возникновения внутрисудебных коллизий при решении вопросов о подведомственности такого рода дел.

Соответствующие вопросы (применительно к разграничению нормоконтрольных полномочий между КС РФ и Верховным Судом РФ) были затронуты в постановлении КС РФ от 27 января 2004 г. № 1-П, однако выраженные в этом решении правовые позиции до настоящего времени не получили должного развития в процессуальном зако-

¹ См.: *Авакьян С. А.* Некоторые проблемы совершенствования конституционного правосудия в Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета. Вып. 4 (14). СПб., 2005. С. 57—59.

² См. постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П, от 11 апреля 2000 г. № 6-П, от 21 марта 2007 г. № 3-П.

нодательстве. В частности, в данном решении КС РФ обосновал допустимость перенесения гражданами спора с Правительством РФ на уровень конституционного правосудия в случае, если имеет место прямая нормативная связь постановления Правительства РФ с федеральным законом и эти акты применены или подлежат применению в конкретном деле в неразрывном единстве. При этом практика КС РФ фактически идет по пути широкой трактовки выработанной правовой позиции в части допустимости конкретного конституционного нормоконтроля в отношении правительственных нормативных актов, так что предметом конституционно-судебного контроля по жалобам граждан могут выступать и такие нормативные акты, которые приняты Правительством РФ на основе общего уполномочия, содержащегося в федеральном законе¹. Решающее значение, таким образом, приобретают не основания делегированного законодательства — по специальному либо общему уполномочию, а характер осуществляемого регулирования, возможность его квалификации как закона в материальном смысле.

Очевидно, расширительная трактовка правовой позиции КС РФ о допустимости конкретного конституционно-судебного контроля нормативных актов Правительства РФ требует проявления разумной сдержанности и неавтоматического подхода. По общему правилу речь должна идти о необходимости следования вытекающим из постановления КС РФ от 27 января 2004 г. № 1-П ориентирам в отношении установления допустимости обращений подобного рода.

При определении методологических подходов к решению соответствующих вопросов необходимо учитывать по крайней мере следующее. Во-первых, наличие прямой нормативной связи федерального закона и постановления Правительства РФ предполагает совместное и неразрывное правовое регулирование ими конкретной сферы отношений, поэтому принятие КС РФ к рассмотрению жалобы гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод постановлением Правительства РФ возможно при условии одновременного применения в конкретном деле и оспариваемого постановления Правительства РФ, и федерального закона, содержащего уполномочие Правительства РФ на принятие такого нормативного акта. Во-вторых, делегирование полномочий должно быть реализовано в конституционно допустимой форме, а именно по общему правилу федеральным законом. В-третьих, делегирование полномочий должно быть осуществлено в соответствии с конституционными принципами наделения Правительства РФ нормотворческой компетенцией, законодатель должен точно установить объем передаваемых полномочий, критерии, усло-

¹ См. постановление КС РФ от 8 июля 2014 г. № 21-П.

вия и пределы их осуществления. В-четвертых, КС РФ должна быть проверена именно конституционность (а не законность!) реализации делегированного законодательства, и, соответственно, основное критериальное значение для проверки правительственных актов имеют конституционные принципы разделения властей и допустимости ограничения конституционных прав и свобод только федеральным законом.

Особую актуальность сохраняет и *проблема разграничения в судебной системе полномочий по толкованию законов*. Формально законодательство долгое время не предусматривало осуществления какими-либо судебными органами функции толкования законодательных, а равно иных нормативных правовых актов, за исключением положения ст. 125 Конституции, закрепляющей исключительные полномочия КС РФ по официальному толкованию Конституции. Но Верховный Суд РФ (а прежде и Высший Арбитражный Суд РФ) правомочен давать разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 126 Конституции), что предполагает интерпретацию в контексте судебной практики подлежащих применению норм закона; да и сама судебно-властная функция, как отмечалось ранее, необходимо связана с правотолковательной деятельностью — от толкования закона нельзя отказаться без угрозы утраты сущностных свойств правосудия в демократическом правовом государстве. Разрешение юридического спора на основе закона, безусловно, предполагает судебное выявление воли законодателя, включая установление ее характера и содержания в изменяющемся социально-правовом контексте, притом что в условиях общеправового принципа равенства перед законом и судом судебно-правовая позиция, отражающая законодательную волю, должна быть единой (универсальной) в отношении соответствующего предмета нормативного регулирования и типичных фактических обстоятельств. КС РФ призван выявлять волю конституционного законодателя, а также (исходя из принципа верховенства Конституции и презумпции конституционности закона) конституционно-правовой смысл оспариваемых законоположений, степень дефектности которых не набирает критического уровня неконституционности. Таким образом, в предметном восприятии толкование закона судами общей юрисдикции, арбитражными судами и КС РФ нередко пересекается (это могут быть один и тот же закон и одна и та же его статья), и на этой почве могут возникать коллизионные отношения вследствие конкуренции толкований.

Необходимость законодательного урегулирования институциональных и процессуальных механизмов устранения внутрисудебных правотолковательных коллизий и противоречий, формализации возможных пределов конституционного истолкования и иных способов и форм толкования положений закона и иных нормативных актов

обозначалась в правовой доктрине давно (в том числе в связи с рассмотрением КС РФ резонансных дел, касающихся, в частности, толкования ст. 125—127 Конституции — постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П, правомочий высшего суда определять практику применения нормы закона, в том числе с последствиями в виде пересмотра состоявшихся по конкретным делам судебных решений, основанных на ином толковании соответствующей нормы, — постановление от 21 января 2010 г. № 1-П). Принятые в конце 2016 г. поправки к ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», закрепляющие официальный статус такого вида постановлений КС РФ, которыми нормативный акт признается соответствующим Конституции в данном КС РФ истолковании, явились важным шагом в направлении гармонизации системы судебного толкования, основанной на приоритете конституционных интерпретаций¹. В соответствии с изменениями, внесенными, согласно пояснительной записке к законопроекту, в целях установления дополнительных гарантий надлежащего исполнения решений КС РФ, предусмотрено, что в случае принятия такого постановления при применении соответствующего нормативного акта или договора исключается любое иное их истолкование, а на последствия принятия такого постановления распространяются положения ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и иных федеральных законов, установленные для случаев признания нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции.

Следует учитывать, что соответствующие поправки появились не вдруг, а это, по сути, оформление уже сложившейся многолетней практики конституционного правосудия и сформулированных КС РФ правовых позиций об обязательном характере конституционного истолкования норм текущего законодательства без признания их неконституционными, что, кстати, было прямо отражено в пояснительной записке к законопроекту. При этом восприятие вновь введенного законодательного регулирования было бы неверно сводить к установлению формальной иерархии судебных толкований. Обусловленный верховенством и прямым действием Конституции приоритет конституционно-судебной интерпретации не только не опровергает ценность «подконституционного» судебного толкования, но и во многом зависит в реализационном плане от такого толкования, основанного на дискреционных полномочиях суда, рассматривающего конкретное дело.

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 1. Ч. I. Ст. 2.

Еще одна важная проблема — это юридическая сила решений КС РФ и, соответственно, разрешение вопроса об установлении эффективного нормативного механизма пересмотра судами общей юрисдикции, арбитражными судами дел в связи с принятием акта конституционного правосудия, которым норма, ставшая основанием для решения судом конкретного дела, признана неконституционной и утратившей силу либо установлен ее конституционно-правовой смысл, отличный от того, который был придан ей общеправовой судебной практикой. Нельзя не учитывать, что в целом эффективность конституционной жалобы как средства защиты прав человека в большей степени зависит от решений обычных судов, применяющих решения конституционного суда, и, когда обычные суды не принимают во внимание конституционно-судебные правовые позиции и формально исполняют только их заключительную часть, конституционная жалоба становится самоцелью и неэффективным средством защиты¹.

В настоящее время (с учетом поправок, внесенных в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» 28 декабря 2016 г.) предусмотрен универсальный механизм пересмотра судебных решений для случаев принятия КС РФ итоговых решений в виде постановлений, содержащих как вывод о противоречии оспариваемой нормы Конституции, так и о признании нормы конституционной, но в выявленном КС РФ истолковании. Вместе с тем процессуальные кодексы в этой части не претерпели каких-либо изменений, и по-прежнему к новым обстоятельствам, влекущим пересмотр дела, отнесено лишь признание КС РФ не соответствующим Конституции закона, примененного судом в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в КС РФ. Хотя нормы ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» имеют приоритет перед нормами кодексов, являющихся федеральными законами, на практике не исключено возникновение определенных сложностей, связанных с реализацией «истолковательных» постановлений КС РФ. Вместе с тем ни ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ни отраслевое процессуальное законодательство не оговаривают правовые последствия в отношении принимаемых КС РФ определений, которые также могут служить формой конституционно-судебного воздействия на законодательство и правоприменительную практику.

В данном случае — в силу верховенства и прямого действия Конституции — необходимо руководствоваться вытекающим из практики

¹ См. подробнее: Исследование о прямом доступе к конституционному правосудию. Венецианская комиссия. Венеция, 2010. С. 21—22. URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2010\)039rev-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)039rev-rus) (дата обращения: 01.12.16).

КС РФ следующим подходом: определение КС РФ, подлежащее применению в нормативном единстве с постановлением, в котором подтверждается конституционность правовой нормы лишь в данном КС РФ истолковании, обладает юридической силой и порождает правовые последствия, сходные с постановлением КС РФ, т. е. также может служить основанием для пересмотра конкретного дела; то обстоятельство, что положения отраслевого процессуального законодательства связывают необходимость пересмотра дела заявителя только с установленной КС РФ неконституционностью нормы, не может служить препятствием для использования этой процедуры и применительно к случаям принятия постановления КС РФ, в котором выявляется ее конституционно-правовой смысл¹. Иное подрывает основы общеобязательности актов конституционного правосудия, имеющей универсальное значение в отношении любых процессуальных решений КС РФ.

Таким образом, существуют, очевидно, значительные резервы для законодательного совершенствования механизма исполнения решений КС РФ, включая ответственность за неисполнение таких решений, в том числе принимая во внимание, что порой неисполненными оказываются и решения, содержащие прямое указание на необходимость возобновления производства по делу в целях пересмотра состоявшихся правоприменительных, в том числе судебных, актов. К примеру, предпринятый в рамках профильного подразделения Секретариата КС РФ анализ практики пересмотра судами общей юрисдикции уголовных дел участников конституционного судопроизводства в 1995—2016 гг. демонстрирует, что решения КС РФ исполнены в делах 124 заявителей (51,23%), тогда как в остальных 118 случаях соответствующие решения КС РФ до настоящего времени остаются неисполненными.

Не менее важной является *проблема дальнейшего совершенствования самого конституционного процесса*. В последние годы законодателем был реализован широкий спектр мер, направленных на преобразование конституционного судопроизводства, включая:

— переход к универсальной (полной) коллегиальности, предполагающей рассмотрение и разрешение всех дел в пленарном составе (с упразднением палат); введение процедуры рассмотрения дел без проведения слушаний (так называемое письменное судопроизвод-

¹ См., например, п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П; п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 28 февраля 2012 г. № 4-П; п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 7 июня 2012 г. № 14-П; п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 7 ноября 2012 г. № 24-П; определения КС РФ от 5 февраля 2004 г. № 78-О, от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р, от 7 июля 2016 г. № 1435-О-Р.

ство); закрепление возможности рассмотрения одновременно нескольких дел, а также введение требования обязательности судебного применения закона как условия для обращения граждан и их объединений в КС РФ¹;

— внедрение механизмов «электронного правосудия» на основе закрепления возможности направления обращения в КС РФ в электронном виде, а также расширения гарантий информационной открытости конституционного судопроизводства в сети Интернет²;

— установление годичного срока для обращения в порядке конкретного нормоконтроля в КС РФ после рассмотрения дела в суде, наделение КС РФ полномочиями по проверке на соответствие Конституции вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации, а также конституционности закона, подлежащего применению судом, при наличии решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при этом применении закона (отдельных его положений), а также изменение подходов к определению кворума в заседаниях КС РФ и замещению в его составе вакантных должностей³;

— введение конституционно-процессуального механизма преодоления возможной неопределенности по вопросу об исполнении решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, основанного на положениях соответствующего международного договора Российской Федерации в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с Конституцией⁴;

— развитие механизма исполнения решений КС РФ путем продления с трех до шести месяцев срока на внесение Правительством РФ в Государственную Думу проекта нового федерального закона в порядке реализации актов конституционного правосудия, а также закрепление напрямую права иных, помимо Правительства РФ, федеральных и региональных органов государственной власти в преде-

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2010. № 45. Ст. 5742.

² См.: Федеральный конституционный закон от 8 июня 2015 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3362.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2014. № 23. Ст. 2922.

⁴ См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51. Ч. I. Ст. 7229.

лах их компетенции осуществлять подготовку законопроектов для исполнения решений КС РФ¹;

Очевидно, процесс модернизации конституционного судопроизводства на этом не завершен. Поиск оптимальных механизмов его реализации, в том числе с точки зрения эффективного обеспечения состязательности и равноправия сторон в процессе, коллегиальности в сочетании с рациональной организацией судопроизводства и процессуальной экономией, конкретизации оснований и пределов осуществления письменного судопроизводства и в свете этого юридической природы и правовых последствий решений КС РФ, требует продолжения. Это предполагает в том числе необходимость осмысления и интерпретационного развития вновь введенного правового регулирования отдельных аспектов конституционно-судебного процесса в последовательном соотношении и увязывании с самой природой, предназначением конституционного правосудия в целях обеспечения в изменяющемся социально-правовом контексте неизменно высокого уровня конституционно-судебного гарантирования основных прав и свобод человека и гражданина во взаимосвязи с иными институтами конституционного строя.

Уникальный потенциал конституционного правосудия состоит в его возможностях, связанных с реализацией принципа «компетенции-компетенции», поскольку КС РФ, и только он, правомочен в соответствии с Конституцией выносить общеобязательные суждения, посредством которых итоговым образом определяется (т. е. выявляется, раскрывается, обосновывается, в доктринально-нормативном виде формализуется) функционально-правовое содержание, основание и пределы компетенции всех субъектов публичной власти, не исключая судебную систему и собственно конституционное правосудие. Усмотрение КС РФ в решении подобных вопросов отражает объективную государственно значимую потребность в обеспечении функционально-правовой определенности публичной власти, ее последовательной детерминации верховенством права и Конституции. При этом КС РФ, будучи и сам связан Конституцией, должен осуществлять возложенные на него полномочия, проявляя осторожность и сдержанность, руководствуясь в том числе вытекающими из Конституции общими требованиями разделения властей и юрисдикций, разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением. Приоритет должен отдаваться КС РФ в пользу такого истолкования релевантных рассматриваемому им делу норм, в том числе определяющих крите-

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 5 апреля 2013 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменения в статью 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1637.

рии допустимости обращений в КС РФ, при котором обеспечиваются наиболее высокие гарантии конституционно-судебной защиты прав и свобод граждан, что подразумевает необходимость минимизации формализма при решении вопросов о принятии, в частности конституционных жалоб, к рассмотрению. Напротив, ориентация на сокращение потенциала конституционно-судебной защиты прав и свобод на основе интерпретационного ужесточения требований, предъявляемых к допустимости конституционной жалобы, привела бы в итоге к ослаблению конституционного правосудия, главным, основным инициативным источником возбуждения которого как раз и является гражданин.

В этом плане уместно отметить, что в условиях нового, сложившегося за последние годы правового регулирования допустимости конституционной жалобы, вероятно, остаются немалые резервы для конкретизирующей оптимизации в том числе посредством самого конституционного правосудия, условий, критериев обращения в КС РФ. В частности, это касается случаев, когда обращению гражданина в КС РФ предшествует применение оспариваемой нормы закона судом при проверке законности нормативного правового акта ниже уровня федерального закона (в том числе по заявлению иного лица, притом что в отношении самого подателя конституционной жалобы, ставившего в порядке административного судопроизводства тот же вопрос, вынесен судебный акт, которым констатирована тождественность заявленных им требований, и заявление возвращено судом без рассмотрения). Здесь необходимо учитывать особенности как конституционного, так и административного вида нормоконтроля, которые не могут оцениваться в отрыве от ранее выработанных в практике КС РФ подходов.

Закрепляя право граждан на обращение в КС РФ с жалобой на нарушение конституционных прав законом, Конституция и конкретизирующий ее положения ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 96, 97) не определяют требования к конкретному делу, при рассмотрении которого должно иметь место судебное применение закона, равно как и не определяют конкретные признаки, свидетельствующие, что такое правоприменение состоялось.

Но логика правового регулирования заключается в том, что конституционное правосудие не может подменять иные, ординарные судебные-юрисдикционные средства защиты прав и свобод; по своему характеру, назначению это субсидиарный институт. Если иные средства не дали искомого результата и заинтересованное лицо усматривает причину этого в конституционных дефектах закона, который был востребован в судебной процедуре, конституционное правосудие приобретает значение единственного (и последнего) средства право-

вой защиты, с помощью которого могут быть восстановлены конституционные права и свободы конкретного лица. Но *субсидиарный характер конституционного правосудия не предполагает ограничительно-го толкования его компетенционных возможностей*; с исчерпанием предусмотренных законом ординарных средств судебной защиты они должны толковаться таким образом, чтобы обеспечить эффективное восстановление нарушенных конституционных прав и свобод заявителя. Именно с этих позиций должны оцениваться, как представляется, и вопросы, связанные с определением нормативного содержания понятий «конкретное дело», «применение закона судом», содержащиеся в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Это тем более важно, если учитывать, что ранее внесенные изменения в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ, от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ) вряд ли могут рассматриваться как направленные на расширение вытекающих из ч. 4 ст. 125 Конституции возможностей граждан на реализацию права на конституционную жалобу.

В этих условиях важно и оправданно учитывать многократно озвученную КС РФ и имеющую универсальный характер правовую позицию (постановления от 6 июня 1995 г. № 7-П, от 13 июня 1996 г. № 14-П, от 28 октября 1999 г. № 14-П, от 22 ноября 2000 г. № 14-П, от 14 июля 2003 г. № 12-П, от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 14 мая 2012 г. № 11-П, от 13 декабря 2016 г. № 28-П и др.), из которой следует, что не только суды общей юрисдикции и арбитражные суды, но и в особенности сам КС РФ призваны минимизировать формализм, чтобы конституционные права получали реальную и эффективную защиту¹. Если из материалов дела следует, что административное судопроизводство по проверке законности нормативного правового акта инициировано в связи с конкретными фактами применения этого нормативного правового акта и последствиями такого применения в отношении заявителя, КС РФ не вправе — при отсутствии иных препятствий, обусловленных требованиями ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», — отказать в принятии жалобы к рассмотрению. Это касается и тождественных исков.

Возможность лица обжаловать нормативные правовые акты воплощает в себе как индивидуальный (частный), так и публичный интерес. Поэтому по своей природе обжалование гражданином нормативного правового акта, как установлено в определении КС РФ от 27 сентября 2016 г. № 1783-О, не ограничивается только определением его прав и обязанностей, но затрагивает правовые интересы всех лиц, которые

¹ См. об этом: *Бондарь Н. С.* Мнение к определению КС РФ от 26 января 2017 г. № 203-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261567.pdf>.

попадают в сферу регулирования этого акта, что влечет, между прочим, и подчеркнутую в этом же определении невозможность принятия судом к рассмотрению административных исковых заявлений об оспаривании нормативных правовых актов, если имеется вступившее в законную силу решение суда, принятое по административному иску о том же предмете (п. 4 ч. 1 ст. 128 КАС РФ). Из этого следует, что в силу конституционного принципа равноправия, включая равные гарантии судебной защиты, для лиц, чьи правовые интересы были затронуты обжалованием нормативного правового акта в порядке административного судопроизводства и для которых судебным актом подтверждена невозможность рассмотрения в аналогичном порядке тех же требований, в удовлетворении которых ранее было отказано, также должны быть обеспечены не меньшие возможности конституционно-судебной защиты их прав и свобод, чем для административного истца, чье заявление об обжаловании нормативного правового акта было рассмотрено судом по существу. В силу этих подходов одним из авторов этой книги было заявлено мнение к определению КС РФ от 26 января 2017 г. № 203-О, в котором КС РФ отказал в принятии жалобы Общероссийской общественной организации инвалидов — Российской ассоциации незрячих студентов и специалистов к рассмотрению на том основании, что заявитель фактически оспаривал конституционность закона вне связи с какими-либо конкретными фактами нарушения прав участников общественного объединения, являвшимися предметом исследования судов и получившими правовую оценку на основании оспариваемых законоположений, т. е. в порядке абстрактного нормоконтроля. При этом КС РФ не счел возможным квалифицировать в качестве конкретного — в смысле критериев допустимости конституционной жалобы, установленных ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», — дело заявителя, в рамках которого определением судьи Верховного Суда РФ заявителю было возвращено административное исковое заявление о признании недействующим подзаконного нормативного правового акта на том основании, что его законность проверена в ранее принятом решении Верховного Суда РФ, которым требования, заявленные иным административным истцом, оставлены без удовлетворения. Но из обстоятельств дела следовало, что обращение заявителя как в Верховный Суд РФ, так и в КС РФ было обусловлено не абстрактно-отвлеченным, а вполне конкретным правовым интересом, связанным с обеспечением полноценной, на равных основаниях реализации членами ассоциации избирательных прав на выборах депутатов Государственной Думы седьмого созыва, в том числе посредством проставления подписей в поддержку выдвижения кандидатов (списков кандидатов).

Проводившиеся до настоящего времени законодательные изменения в области федерального конституционного правосудия трудно вписать в единую парадигму его развития. Многие изменения касались хотя и важных, но все же не основных вопросов его деятельности, имели организационный характер или затрагивали сам по себе статус судей.

Так, ФКЗ от 2 июня 2009 г. № 2-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»¹ был изменен порядок наделения полномочиями Председателя КС РФ и его заместителей. Вместо их избрания на должность самими судьями КС РФ из своего состава, чем обеспечивался определенный уровень демократизма и в то же время не вполне свойственные институтам правосудия политико-правовые, конкурентные начала соответствующего избрания, введена процедура, основанная на ином понимании баланса связанных с решением такого рода вопросов конституционных ценностей, а именно назначение соответствующих руководящих лиц Советом Федерации по представлению Президента РФ. В соответствии с ФКЗ от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» был реализован более гибкий подход к численности судей от их предусмотренного Конституцией общего числа (19), снижающий кворум для принятия решений с трех четвертей до двух третей от общего числа судей, а также расширена дискреция Президента РФ в определении сроков внесения представления о назначении лица на вакантное место судьи. Мотивы принятия этих изменений, как следует из пояснительной записки к законопроекту, состояли в том, что, с одной стороны, ранее внесенными поправками была обеспечена «широкая коллегиальность, в полной мере гарантирующая обоснованность в общественном сознании статуса решений КС РФ как окончательных, не подлежащих обжалованию», а с другой — существует необходимость уделять «больше внимания такому аспекту определения состава КС РФ, как сохранение в нем удачно сложившегося соотношения судей, относящихся к различным научным школам, различным типам правопонимания, имеющих различный... предшествующий профессиональный бэкграунд и так далее». Очевидно, только практика и время дадут наиболее объективную, непредвзятую оценку этого решения, в том числе в свете достижения заявленных целей, ради которых оно было принято².

¹ СЗ РФ. 2009. № 23. Ст. 2754.

² О дискуссии по поводу этих изменений см., например: *Троицкая А.* Конституционный кризис в Польше: уроки для КС РФ. URL: <https://legal.report/author-16/konstitucionnyj-krizis-v-polshe-uroki-dlya-ks-rf> (дата обращения: 01.11.16); Особое

Ранее законодателем менялись — с просматриваемой закономерностью — сроки полномочий судей КС РФ: первоначально в 2001 г.¹, а затем в 2005 г. были внесены новые изменения в ряд законодательных актов о судебной системе, включая ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»². Основной их смысл заключался в продлении предельного возраста пребывания в должности судьи с 65 до 70 лет. Данный возрастной предел был распространен на всех действующих судей, начиная с мировых и заканчивая федеральными, включая судей КС РФ. Применительно к судьям общей и арбитражной юрисдикции такие изменения являются абсолютно оправданными. Они повышают гарантии независимости и несменяемости судей и вместе с тем позволяют обеспечить максимально бережное отношение к квалифицированным судебным кадрам, обладающим необходимой полнотой профессионального опыта и достаточной жизненной энергией для эффективного исполнения полномочий. При этом в данном случае учитывается, что фактически пожизненная профессиональная деятельность этой категории судей сопряжена с реальной возможностью изменения должностного статуса судьи как в суде, где он исполняет свои полномочия, так и внутри судебной системы. Таким образом, для общих и арбитражных судов несменяемость не может восприниматься как неизменность конкретного должностного положения судьи.

Продление же предельного срока пребывания в должности судей КС РФ имеет иное значение. Конституционное правосудие — специфичная форма судебной деятельности. Ее суть такова, что судьями конституционных судов чаще всего становятся лица, которые ранее не были вовлечены в процесс осуществления правосудия. Должность судьи КС РФ для них, как правило, первая и последняя в судебной профессиональной карьере. В этом случае пожизненность статуса конституционного судьи фактически и чаще всего превращается в пожизненность конкретной должности (если не иметь в виду исключения, связанные с возможностью для судьи быть избранным одним из руководителей КС РФ). В итоге это может привести к определенной консервации основной части состава КС РФ как одного из высших органов государственной власти.

мнение о КС // Коммерсантъ. 2016. 28 окт.; В повестку Совета Федерации внесли качество законов // Коммерсантъ. 2016. 27 окт.; КС попал под сокращение // Коммерсантъ. 2016. 1 сент.

¹ Согласно первоначальной редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предельный срок полномочий судьи Суда составлял 12 лет. В феврале 2001 г. он был продлен до 15 лет (см. Федеральный конституционный закон от 8 февраля 2001 г. № 1-ФКЗ).

² См. федеральные конституционные законы от 5 апреля 2005 г. № 2-ФКЗ, от 5 апреля 2005 г. № 3-ФКЗ, Федеральный закон от 5 апреля 2005 г. № 33-ФЗ.

Именно поэтому в абсолютном большинстве государств (а если иметь в виду страны Запада — практически во всех¹), где созданы специальные органы конституционного контроля (конституционные суды), судьи конституционного суда, в отличие, как правило, от пожизненных судей других юрисдикций, назначаются на определенный срок (в Германии и Испании — на 12 лет, в Беларуси — на 11, в Болгарии, Венгрии, Италии, Португалии, Румынии, Словении, Литве, Украине — на 9 лет и т. д.). Небесспорность принципа пожизненности статуса конституционных судей особенно очевидна применительно к государствам переходного периода; неизбежные для таких стран глубокие конституционные преобразования не могут не учитываться в деятельности конституционных судов, а между тем в ситуации незыблемости конституционных судей последние могут «задержаться» (в конституционно-мировоззренческом и иных отношениях) в другой, «доконституционной» эпохе.

Демократическая организация органов правосудия предполагает также периодическую сменяемость не только их состава, но и руководства. Хотя нормативно-правовые подходы к этому вопросу в последнее время претерпели изменения — в виде дифференциации в зависимости от вида и уровня суда, где подлежат применению ограничения по срокам пребывания в должности председателей судов общей юрисдикции и арбитражных судов², — федеральный законодатель тем не менее остался привержен фундаментальному представлению о том, что требование недопустимости замещения одним лицом должности председателя (заместителя председателя) одного и того же суда более двух сроков подряд относится к числу общих принципов, характеризующих правовой статус судей, а исключения из этого принципа подлежат установлению соответствующим федеральным конституционным законом (ч. 14 ст. 6¹ Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

¹ Одним из немногих исключений является Австрийская Республика. Следует, однако, учитывать, что пожизненность осуществления полномочий судьи Конституционного суда Австрийской Республики сопряжена с принципом совместительства данной должности: это могут быть практикующие адвокаты, профессора, преподающие правовые дисциплины в университетах, и даже действующие судьи судов других юрисдикций. Правда, «чиновники управления, назначаемые членами Конституционного суда или запасными членами Конституционного суда, должны быть освобождены от службы» (ч. 2 ст. 147 Конституции Австрийской Республики).

² См. ч. 2 ст. 29, ч. 2 ст. 30, ч. 2 ст. 35 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898); ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 13 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 15 февраля 2016 г.) «О Верховном Суде Российской Федерации» (СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550); ч. 1 ст. 19 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) «О военных судах Российской Федерации» (СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170).

Что же касается реализации принципа периодической сменяемости председателя органа конституционно-судебного контроля, то этот вопрос, естественно, не может решаться в отрыве от понимания наметченной выше (но этим не ограничивающейся) специфики конституционного правосудия, включая объективно высокий уровень концентрации в конституционном судопроизводстве (его предпосылках, основаниях и итогах) политико-правовых начал. Это актуализирует необходимость введения дополнительных (повышенных) институциональных и персональных (статусно-должностных, кадровых) гарантий, направленных на воспрепятствование политизации конституционной юстиции. В данном случае вполне понятное особое значение приобретают сформулированные в европейском конституционализме подходы относительно сроков полномочий собственно судей конституционных судов. Поскольку продолжительность срока полномочий в соотношении с вопросом переизбрания является чрезвычайно важным фактором становления и функционирования конституционного суда, а применяемые конкретные критерии влияют и на динамику состава суда, возможность политического сдвига в нем, и на независимость судей, институциональную стабильность, предпочтительным ориентиром является выбор в пользу системы, основанной на длительном сроке полномочий без возможности переизбрания или же предполагающей только одно возможное переизбрание¹.

Не случайно конституционное законодательство европейских стран устанавливает количество мандатов руководителя органа конституционного контроля, либо содержит прямой запрет на повторное наделение лица соответствующим статусом, либо при установлении краткосрочного (обычно три года) периода замещения должности председателя конституционного суда ограничивает количество сроков замещения этой должности общим и достаточно жестким сроком пребывания в должности судьи (например, ст. 125 Конституции Албании, ст. 147 Конституции Болгарии, ст. 159 и 160 Конституции Испании, ст. 140 Конституции Румынии, ст. 163, 165 Конституции Словении, ст. 148 Конституции Украины).

Таким образом, конституционное правосудие — важная сфера конституционной модернизации российской государственности, и от его качества напрямую зависит конституционно-правовой режим функционирования всей государственно-правовой системы, конституционализация судебной власти и отдельных видов судопроизводства.

¹ См.: The Composition of Constitutional Courts — CDL-STD(1997)020. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), December 1997. P. 4.2 «Terms of Office and Re-Election of Judges». URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-STD\(1997\)020-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-STD(1997)020-e) (дата обращения: 01.12.2016).

5.2. Гражданское судопроизводство: в поисках баланса частных и публичных начал

Одним из важных направлений продолжающейся судебной реформы является *развитие гражданского судопроизводства* на основе последовательной реализации лежащих в его основе конституционных принципов. Здесь следует учитывать, что диапазон регулирующего воздействия Конституции на гражданские и арбитражные процессуальные отношения, как верно на это обращается внимание, довольно широк, и она, будучи источником не только позитивного, но и естественного права, способна применительно к сфере правосудия по своим качественным характеристикам придать должное направление функционированию и развитию процессуального права, с тем чтобы обеспечить эффективность судебной защиты по гражданским делам¹.

В свете существенно важного характера связанных с этим вопросов, требующих прежде всего обстоятельного конституционно-правового осмысления, может показаться малообъяснимым, что в некоторых работах, непосредственно посвященных конституционализации арбитражного правосудия, эти проблемы поднимаются лишь попутно. Между тем одним из конституционно значимых является, например, вопрос о пределах законодательной дифференциации в правовом регулировании гражданского и арбитражного процессов в новых условиях функционирования соответствующих судов, возглавляемых единым Верховным Судом РФ, но при сохранении относительной самостоятельности подсистемы арбитражных судов. Насколько необходимым и обоснованным является, в частности, сохранение раздельного кодифицированного регулирования рассмотрения и разрешения дел соответственно судами общей юрисдикции и арбитражными судами?

При решении этих вопросов нельзя не учитывать, как представляется, сохраняющие силу некоторые правовые позиции КС РФ. Определяющее значение в данном случае имеет впервые сформулированная КС РФ в постановлении от 26 февраля 2010 г. № 4-П² и в дальнейшем не раз подтвержденная³ правовая позиция, согласно которой гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в своих принципах и основных чертах должно быть сходным для этих су-

¹ См.: *Жилин Г. А.* Конституция Российской Федерации как источник гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3.

² См. абз. 2 п. 3.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П.

³ См. абз. 2 п. 6 мотивировочной части постановления КС РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П; абз. 3 п. 3³ мотивировочной части постановления КС РФ 1 марта 2012 г. № 5-П.

дов. В частности, для гражданского судопроизводства является имманентным и имеет фундаментальное, системообразующее значение принцип диспозитивности, в соответствии с которым процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, имеющих возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными правами и спорным материальным правом¹. Следуя этой логике, КС РФ неоднократно указывал на наличие дефектов в части соблюдения конституционного равенства в нормах процессуального права, предусматривающих различный уровень гарантий права на судебную защиту в зависимости от подведомственности дел соответственно судам общей юрисдикции или арбитражным судам (например, постановления от 1 марта 2012 г. № 5-П, от 30 ноября 2012 г. № 29-П). По мнению Председателя КС РФ В. Д. Зорькина, наличие у нас в сфере гражданского судопроизводства двух кодексов «было обусловлено существованием двух независимых судебных систем», а «создание единого высшего суда позволяет отказаться от дискредитировавшей себя на практике идеи дифференциации гражданского процессуального законодательства»². Дифференциация цивилистического процесса до уровня самостоятельных отраслей процессуального права, отмечает Г. А. Жилин, не разрушила его концептуального единства, но привела к значительным неоправданным различиям в законодательном регулировании отдельных судебных процедур при рассмотрении и разрешении дел в зависимости от их подведомственности, и выходом является унификация цивилистического процессуального законодательства на базе концепции единого ГПК РФ³.

¹ См. абз. 3 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П; абз. 2 п. 8 мотивировочной части постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П.

² Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 3.

³ См.: Жилин Г. А. Судопроизводство в механизме обеспечения правового статуса личности // Закон. 2016. № 1. С. 138. О дискуссии по вопросам формирования единого гражданского процессуального кодекса см., например: Габов А. В. и др. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. 2015. № 5; Демичев А. А. Объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, разработка Концепции единого Гражданского процессуального кодекса... Что дальше? // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5; Елисеев Н. Г. Конструктивная критика Концепции единого Гражданского процессуального кодекса на основе динамической теории права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8; Исаенкова О. В. Концепция единого ГПК — от обсуждения к реализации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4; Потапенко С. В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» Гражданского процессуального кодекса // Российская юстиция. 2014. № 9; Поляков И. Н. О ци-

Концептуально-стратегическую роль в процессе конституционализации гражданского судопроизводства сыграло постановление КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. В конкретном назначении оно предопределило реформу правового регулирования надзорного производства, в том числе с учетом признаваемых Россией международно-правовых стандартов, в направлении преодоления множественности надзорных инстанций и чрезмерных по протяженности во времени процедур обжалования и пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, равно как и иных отступлений от принципа правовой определенности. В более же широком плане оно может и должно рассматриваться в аспекте формирования нормативно-доктринальной основы глобального совершенствования, модернизации цивилистического процесса¹.

Регулятивное значение названного постановления сохраняется и в условиях действующего процессуального законодательства. Как неоднократно указывал КС РФ, сформулированные в нем выводы в полной мере распространяются, в частности, на вновь установленную предварительную процедуру рассмотрения судьей единолично кассационных жалобы, представления в суде кассационной инстанции на вступившие в законную силу судебные постановления, поскольку такая процедура по своей сути аналогична той, которая была определена гл. 41 ГПК РФ в редакции, действовавшей до 1 января 2012 г., и, соответственно, не допускается произвольный отказ Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя от внесения представления о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора при наличии предусмотренных законом оснований².

Вместе с тем содержательно-преобразовательный, идейно-доктринальный потенциал постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П далеко не исчерпан. Законодателю еще предстоит обеспечить в полной мере реализацию принципа правовой определенности применительно к урегулированию числа ревизионных инстанций, правомочных пересматривать вступившее в законную силу судебное решение, чтобы не

вильстическом процессе и реформе российской судебной системы (вопросы гармонизации) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8; *Филатова М. А.* Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: о целях судопроизводства и его модернизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3.

¹ См., например: *Филатова М. А.* Значение постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П для реформирования гражданского судопроизводства // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского Суда по правам человека. Краснодар, 2008. С. 102—120.

² См. определения КС РФ от 11 мая 2012 г. № 825-О, от 29 мая 2012 г. № 981-О, от 17 июля 2012 г. № 1413-О, от 2 июля 2013 г. № 1059-О.

ставилась под сомнение стабильность итоговых актов правосудия и опосредованных ими правоотношений¹. Множественность проверочных инстанций не только служит фактором, провоцирующим отступление от конституционно значимого требования единообразия судебной практики, являющегося производным от конституционного равенства, но и создает угрозы автономизации судов регионального (окружного) уровня с учетом различных, в том числе находящихся далеко за рамками процессуального права, обстоятельств.

Укреплению, развитию принципа правовой определенности в гражданском судопроизводстве в практике КС РФ уделяется особое внимание, имея в виду основополагающее, универсальное и сквозное значение этого принципа для всей системы норм, институтов процессуального права. В частности, как указывал КС РФ, в силу этого принципа необходимо четкое разграничение компетенции между судами разного вида юрисдикции, определение законом родовой (предметной) и территориальной (пространственной) подсудности². Требование правовой определенности распространяется на институт обжалования судебного решения, предполагает, помимо прочего, установление срока на такое обжалование³. Ясными, определенными, недвусмысленными должны быть и основания для пересмотра дел⁴. Этим, однако, вовсе не исключается возможность использования оценочных правовых конструкций (понятий), определенность которых обеспечивается в правоприменительной практике сложившимися интерпретационными подходами⁵.

¹ См. об этом подробнее: *Жуйков В. М.* Проблемы правового регулирования проверочных производств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11, 12; *Ковтков Д. И.* Кассационное производство в России: от прошлого к настоящему // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8, 9; *Парфирьев Д. Н.* Перспективы эффективности реформированного кассационного и надзорного обжалования судебных актов арбитражных судов // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 9; *Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В.* Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // Арбитражные споры. 2014. № 1; *Терехова Л. А.* Современное состояние системы пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу // Вестник гражданского процесса. 2016. № 1.

² См. абз. 3 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 25 февраля 2004 г. № 4-П; абз. 4 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 21 января 2010 г. № 2010 г. № 1-П; абз. 4 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 1 марта 2012 г. № 5-П; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 17 июня 2013 г. № 1001-О; абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 9 февраля 2016 г. № 220-О.

³ См.: Постановление КС РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П; определения КС РФ от 16 января 2007 г. № 234-О-П, от 23 июня 2016 г. № 1382-О.

⁴ См. абз. 3 п. 3¹ мотивировочной части постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П; п. 4—5 мотивировочной части постановления КС РФ от 21 января 2010 г. № 1-П.

⁵ См., например, определение КС РФ от 25 февраля 2010 г. № 225-О-О.

В процессуальном праве принцип правовой определенности, не сводимый к формальной точности, ясности, согласованности процессуально-правового регулирования, предполагает, соответственно, прежде всего стабильность вступивших в законную силу судебных решений, юридическая сила которых не может быть поколеблена безосновательно, чрезмерно широким кругом лиц и в сколь угодно долгой перспективе. Принцип *res judicata* отражает ценность определенности правового положения участников процессуальных отношений, которая обусловлена необходимостью поддержания устойчивости гражданского оборота, предсказуемости действий судебной власти, обеспечения доверия к ней со стороны населения. Соответственно, ни одна из сторон не вправе требовать повторного возбуждения дела лишь в целях нового слушания и получения нового решения. Вместе с тем при наличии существенной, фундаментальной судебной ошибки, вследствие которой итоговое судебное решение не может считаться правосудным, недопустимо следование принципу правовой определенности в ущерб принципу справедливости, они должны применяться как взаимосогласованные, взаимодополняемые.

В частности, КС РФ в постановлении от 10 марта 2010 г. № 6-П пришел к выводу о том, что соблюдение надлежащего баланса между принципом правовой определенности и правом на справедливое судебное разбирательство в рамках законодательного регулирования восстановления срока для подачи заявления о пересмотре в порядке надзора вступившего в законную силу судебного акта предполагает возможность восстановления пропущенного срока и, как следствие, возбуждение надзорного производства по делу лишь в течение ограниченного разумными пределами периода и при наличии существенных объективных обстоятельств, не позволивших заинтересованному лицу, добивающемуся его восстановления, защитить свои права ни в ординарной судебной инстанции, ни в рамках общего срока для надзорного обжалования.

В условиях современного уровня динамики гражданского оборота и возрастающей нагрузки на суды приобретают актуальность, перспективную важность выработанные КС РФ критерии баланса конституционных ценностей, касающиеся обеспечения эффективной судебной защиты, основанной на принципах справедливости и равенства правосудия, с одной стороны, и рациональной организации судопроизводства, процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты — с другой.

КС РФ исходит из того, что законодатель должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав, которые отвечали бы требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты

и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения, без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов; игнорирование же принципа процессуальной экономии влечет неоправданное и лишнее использование временных, финансовых и кадровых ресурсов государства для рассмотрения дела¹. Но процессуальная экономия не является для законодателя самоцелью. В первую очередь она призвана заложить основу для организационно наиболее быстрого и эффективного разрешения дел в судебной системе в целом. Ограничение прав сторон, затрагиваемое реализацией этого требования, должно оцениваться в свете соразмерности, закрепленной в ч. 3 ст. 55 Конституции, притом что не допускается какого-либо снижения уровня процессуальных гарантий ради процессуальной экономии.

Уровень требований, предъявляемых к процессуальной экономии, может пропорционально изменяться, в том числе с учетом существа материальных правоотношений, характеризующих предмет соответствующей категории дел, имея в виду цели ускоренного рассмотрения отдельных вопросов. Так, в постановлении от 19 июля 2011 г. № 17-П КС РФ пришел к выводу, что повышенные требования процессуальной экономии могут предъявляться к производству по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, которое является вспомогательным механизмом обеспечения права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Заявление о присуждении такой компенсации не может быть возвращено судом без рассмотрения по существу лишь в случаях, когда наличие или отсутствие нарушения соответствующего права не может быть определено исключительно на основе календарного сопоставления реальной продолжительности рассмотрения дела и нормативной продолжительности, определяемой совокупностью установленных процессуальным законодательством сроков рассмотрения дел в пройденных заявителем судебных инстанциях, и требует исследования обстоятельств, определяющих содержание спорного материального правоотношения, оценка которых возможна только при рассмотрении и разрешении судом дела по существу в судебном заседании.

В постановлении КС РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П подчеркивается, в развитие ранее сформулированных подходов к пониманию процессуальной экономии, что законодательная реализация этого принципа имеет значение не столько в плане рационального расходования публичных ресурсов, которое само по себе не могло бы являться достаточным конституционно-правовым основанием для отступ-

¹ См. п. 4² мотивировочной части постановления КС РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П.

ления от традиционного порядка судопроизводства, сколько с точки зрения создания условий для скорейшего предоставления лицам, участвующим в деле, судебной защиты, своевременности осуществления которой, учитывая характер поставленного перед судом вопроса, может оказаться не менее значимой, чем сама возможность ее получения. В рамках этой логики в названном постановлении определен актуализированный баланс между конституционно значимыми принципами непосредственности, устности судопроизводства и оперативности, своевременности, неотложности судебной защиты. Применительно к осуществлению проверки судом второй инстанции процессуальных актов, которыми дело не разрешается по существу, КС РФ счел оправданным, конституционно допустимым применение процедуры письменного производства, учитывая, кроме прочего, что речь идет о решении в данном случае в своей основе вопросов права, а не факта. Поэтому нет необходимости обязательного присутствия сторон и их непосредственного заслушивания судом в целях прояснения юридически значимых фактических обстоятельств дела. Ценность выработанной КС РФ соответствующей правовой позиции определяется тем, что к самому письменному судопроизводству предъявляются требования, соблюдение которых призвано не допустить отступлений от состязательности и равноправия сторон, а это предполагает безусловное гарантирование сторонам возможности довести до суда свою позицию по рассматриваемому вопросу. Эти подходы получили развитие в постановлении КС РФ от 20 октября 2015 г. № 27-П.

В практике КС РФ затрагивались и иные аспекты реализации принципа процессуальной экономии в контексте требования эффективности судопроизводства. К примеру, КС РФ был сделан вывод о соответствии принципу процессуальной экономии введения в производство в суде апелляционной инстанции в случаях установления факта рассмотрения дела судом первой инстанции в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, правил производства в суде первой инстанции¹. Согласуется с этим принципом и порядок апелляционной проверки не вступивших в законную силу судебных решений, в котором функция по исправлению допущенных судом первой инстанции ошибок возлагается непосредственно на суд апелляционной инстанции². Вместе с тем КС РФ квалифицировал как противоречащее принципу процессуальной экономии и отступающее от Конституции правовое регулирование, исключая возможность

¹ См. определения КС РФ от 17 января 2013 г. № 1-П, от 23 апреля 2015 г. № 935-О.

² См. п. 2.2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 апреля 2015 г. № 924-О; абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 сентября 2015 г. № 2013-О.

кассационной (апелляционной) проверки определения суда первой инстанции об удовлетворении заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку бесконтрольное использование процедуры такого пересмотра, влекущего необходимость прохождения всех стадий судопроизводства, избыточно отягощает судебную систему, с одной стороны, и порождает необоснованное состояние правовой неопределенности в отношении лица, в пользу которого было вынесено решение, — с другой¹.

Принцип процессуальной экономии распространяется как на судебные процедуры, так и на судебные акты. Правило, согласно которому в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части решения суда может быть указано только на признание иска и принятие его судом, как подчеркнул КС РФ, как раз отвечает этому принципу².

Влияние конституционного правосудия на гражданское судопроизводство осуществляется по многим другим направлениям, обеспечивает конституционно-правовую идентичность, целостность и системное развитие цивилистического процесса³.

5.3. Конституционализация уголовного судопроизводства — путь к его гуманизации

Базовым понятием конституционного контроля в сфере уголовного судопроизводства является его определение как имеющего своей целью оценку конституционности уголовно-процессуального закона и обеспечение на этой основе защиты конституционных прав и свобод

¹ См. п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П.

² См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 октября 2014 г. № 2424-О.

³ См., например: *Блажеев В. В.* Постановления Конституционного Суда Российской Федерации и их влияние на развитие гражданского процессуального права // *Право и государство: теория и практика.* 2009. № 9; *Воронцова И. В.* Роль постановлений Конституционного Суда в гражданском процессуальном праве Российской Федерации // *Научные труды РАЮН.* М., 2010. Вып. 10. Т. 2. С. 1101—1105; *Ильин А. В.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации в сфере защиты прав в рамках гражданского судопроизводства // Библиотечка «Российской газеты». 2011. № 20. С. 106—121; *Жилин Г. А.* Значение решений Конституционного Суда РФ как источника гражданского и арбитражного процессуального права // *Журнал конституционного правосудия.* 2008; *Котов О. Ю.* Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. М., 2002; *Красавчикова Л. О.* Гражданское право и процесс в свете практики Конституционного Суда РФ // *Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика.* Екатеринбург, 2004. Ч. 1. С. 62—75; *Рехтина И. В., Боловнев М. А.* Влияние постановлений Конституционного Суда Российской Федерации на преобразование гражданского процессуального законодательства // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2015. № 12.

участников уголовного процесса, равно как и охрану конституционных основ самого по себе уголовного судопроизводства, решение задач, связанных с утверждением законности в сфере уголовного судопроизводства, а в итоге — конституционализацию уголовного судопроизводства¹. При этом посредством конституционного правосудия обеспечивается в том числе интерпретационное выявление, углубление и раскрытие (обоснование) имеющих нормативно-доктринальный характер конституционных начал уголовного судопроизводства, его отдельных институтов, формируются и уточняются в изменяющемся контексте конституционно значимые требования, характеризующие основное содержание концепции (модели) уголовного процесса.

Особое ценностное значение воздействия конституционного правосудия на уголовное судопроизводство во многом обусловлено тем, что связанные с ним отношения образуют одну из наиболее чувствительных и проблемных сфер гармонизации частных и публичных интересов, в рамках которой допускается крайнее по уровню строгости и суровости принудительно-властное вмешательство в свободу личности. Последствия же дисбаланса частных и публичных интересов в этой сфере в сравнении с другими областями общественной жизни наиболее вредоносны². Не случайно обращения по вопросам уголовного судопроизводства составляют ежегодно не менее одной трети от общего числа обращений в КС РФ, а научно-экспертному осмыслению вопросов направлений, форм, способов влияния конституционного правосудия на различные аспекты уголовно-процессуального регулирования, судебной и правоприменительной практики в этой области уделяется заметное влияние³.

Выбор целесообразных решений в области уголовного процесса, которые являются наиболее продуктивными с учетом всей совокупности факторов государственного и общественного развития на данном этапе, — прерогатива законодателя. Согласно правовой позиции КС РФ оценка целесообразности избранного варианта уголовной и уголовно-процессуальной политики к компетенции КС РФ не относится⁴. Имен-

¹ См.: *Ляхов Ю. А.* Конституционализация уголовного судопроизводства России // Современный российский конституционализм: доктрина и практика: матер. межвуз. науч.-практ. конф. (ЮФУ, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (СПбГУ, 5 марта 2011 г.) / отв. ред. *Н. С. Бондарь*. Ростов н/Д., 2011. С. 171—174.

² См.: *Соколов Т. В.* Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. С. 5.

³ См., например: *Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного суда Российской Федерации*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013; *Даровских С. М.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся реализации принципа состоятельности в уголовном судопроизводстве. М., 2011.

⁴ См. абз. 4 п. 3³ мотивировочной части определения КС РФ от 27 сентября 2016 г. № 2153-О.

но законодатель определяет конкретные направления реформ для обеспечения осуществления предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел на основе состязательности и равноправия сторон, исключения возможности проявления обвинительного уклона в деятельности суда, а также органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование¹. Но вопрос о том, как введенное в рамках дискреции законодателя уголовно-процессуальное регулирование соотносится с конституционными принципами, лежащими в основе уголовного судопроизводства, и конституционными гарантиями права на судебную защиту как подозреваемых, обвиняемых, осужденных, так и потерпевших от преступлений, подлежит окончательному разрешению именно КС РФ, за ним остается последнее слово. Реформирование уголовного процесса детерминировано конституционными принципами и предполагает необходимость тонкой и гибкой настройки нормативно-правовых и правоприменительных механизмов преодоления возникающих в этой сфере коллизий конституционных ценностей и интересов. В рамках оценки уголовно-процессуальных норм (как прежнего, так и ныне действующего кодекса) КС РФ было вынесено 59 постановлений (12% от общего числа) и 5240 определений (21% от общего числа), которые во взаимосвязи с иными его решениями по смежной тематике образуют концептуальную, методологическую и нормативно-правовую основы конституционной модернизации уголовного судопроизводства.

Постановления и определения КС РФ, касающиеся различных аспектов уголовного процесса, по существу сформировали концептуальный костяк современного уголовного судопроизводства, получившего свое нормативно-правовое выражение в УПК РФ от 18 декабря 2001 г. Следует вспомнить постановления по вопросам: судебного контроля применения в качестве меры пресечения заключения под стражу²; судебного обжалования постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела³ и о прекращении уголовного дела⁴, а также действий и решений следственных органов, затрагивающих права и свободы граждан⁵, и ответствующих промежуточных судебных актов⁶; суда присяжных⁷; передачи дела из одного суда в другой⁸; прекращения уголовного дела в связи с изменением обстановки⁹; обеспечения права пользоваться помо-

¹ См. определение КС РФ от 25 марта 1999 г. № 82-О.

² См. постановления КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 14 марта 2002 г. № 6-П.

³ См. постановление КС РФ от 29 апреля 1998 г. № 13-П.

⁴ См. постановление КС РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П.

⁵ См. постановление КС РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П.

⁶ См. постановление КС РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П.

⁷ См. постановление КС РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П.

⁸ См. постановление КС РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П.

⁹ См. постановление КС РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П.

щью защитника (адвоката)¹; ознакомления обвиняемого с материалами окончательного расследования²; обеспечения процессуальных прав потерпевшего³; разграничения конституционной функции осуществления правосудия и функции уголовного преследования⁴, в том числе применительно к возможности возвращения уголовного дела прокурору⁵; пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в различных проверочных процедурах⁶; права осужденного на доступ к правосудию, включая возможность довести до сведения суда свою позицию⁷; судебного рассмотрения просьбы осужденного о его условно-досрочном освобождении от отбывания наказания⁸. Вместе с тем в условиях вновь сформированного уголовно-процессуального регулирования в контексте практики его применения воздействие КС РФ на его развитие не ослабевает, а, наоборот, усиливается. Если на первоначальном этапе развития уголовно-процессуальных отношений в рамках Конституции 1993 г. основной задачей КС РФ было, по существу, преодоление наиболее одиозных проявлений сложившейся в предшествующий советский период карательно-репрессивной модели уголовного процесса, то в настоящее время ключевым является поиск конституционного баланса интересов участников уголовного судопроизводства в свете требований равенства и справедливости.

Сам характер уголовного судопроизводства предполагает, что в этой сфере особое, правогагарантирующее значение имеет обеспечение системности, четкости, ясности уголовно-процессуального законодательства. Конституционное требование правовой определенности и, соответственно, необходимой полноты, согласованности урегулирования судебно-процессуальных гарантий прав и свобод, согласно правовой позиции КС РФ, приобретает особое значение применительно к уголовному судопроизводству, объективно связанному с возможностями вмешательства в сферу свободы личности⁹. Именно этим обусловлен сформулированный в ряде решений КС РФ¹⁰ подход, в си-

¹ См. постановления КС РФ от 28 января 1997 г. № 2-П, от 27 июня 2000 г. № 11-П, от 25 октября 2001 г. № 14-П.

² См. постановление КС РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П.

³ См. постановление КС РФ от 15 января 1999 г. № 1-П.

⁴ См. постановления КС РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П, от 14 января 2000 г. № 1-П.

⁵ См. постановления КС РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П, от 4 марта 2003 г. № 2-П.

⁶ См. постановления КС РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П, от 6 июля 1998 г. № 21-П, от 17 июля 2002 г. № 13-П.

⁷ См. постановления КС РФ от 10 декабря 1998 г. № 27-П, от 14 февраля 2000 г. № 2-П.

⁸ См. постановление КС РФ от 26 ноября 2002 г. № 16-П.

⁹ См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 5 ноября 2015 г. № 2664-О.

¹⁰ См. постановление КС РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П; определения КС РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О, от 2 марта 2006 г. № 54-О, от 15 января 2016 г. № 186-О.

лу которого федеральный законодатель, кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе установить приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции. В случае коллизии законов его приоритет действует при условии, что речь идет о правовом регулировании именно уголовно-процессуальных отношений, поскольку уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства Российской Федерации, а установление новых норм, регламентирующих уголовно-процессуальные отношения, по общему правилу — согласно самой сути, природе уголовно-процессуального закона — должно быть согласовано с УПК РФ. Кодификация, что немаловажно, делает уголовно-процессуальное законодательство обозримым, а это облегчает правоприменение, повышая определенным образом гарантии единообразия в его толковании.

Вместе с тем приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным, а ограничен как установленной Конституцией иерархией федеральных конституционных законов и федеральных законов, так и правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений. Приоритет норм УПК РФ ограничен требованием наибольшего благоприятствования правам и свободам, поэтому он не может находить применение в случаях, когда в других законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и свобод.

Важнейшей методологической позицией, вытекающей из практики КС РФ, является — в свете актуальных задач реформирования уголовного процесса — идея о том, что должна обеспечиваться последовательная *гуманизация* уголовного права и судопроизводства, что предполагает *экономия уголовной репрессии*¹. Федеральный законодатель должен обеспечивать нечрезмерное, гибкое и пропорциональное реагирование на противоправные действия, исходя из понимания того, что в условиях конституционного правопорядка предназначение

¹ См., например, абз. 3 п. 3¹ мотивировочной части постановления КС РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П; абз. 1 п. 5³ мотивировочной части постановления КС РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П; абз. 1 п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 17 января 2013 г. № 2-О.

государственного принуждения заключается главным образом в превентивном использовании соответствующих юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства¹, а обращение к мерам уголовного характера является крайним средством. В этом плане существенное значение для оптимизации механизма публичной ответственности и повышения ее социальной эффективности имеет обеспечение сбалансированного соотношения и взаимодействия уголовно-правового и административно-деликтного инструментария с учетом присущего российской правовой традиции (и неизвестного многим другим правовым порядкам, например Австралии, Великобритании, Германии, Швейцарии и др.) разграничения соответствующих видов публичной ответственности.

Обращаясь к вопросам нормативного регулирования оснований, условий и сроков привлечения к юридической ответственности, КС РФ сформулировал, в частности, следующие значимые для решения указанной задачи подходы (постановления от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 19 марта 2003 г. № 3-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 17 января 2013 г. № 1-П, от 14 июля 2015 г. № 20-П, от 29 ноября 2016 г. № 26-П и др.):

закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающими из ст. 55 (ч. 3) Конституции критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированное ст. 19 (ч. 1) Конституции равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия);

конституционные требования справедливости и гуманизма определяют необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая для совершивших правонарушение лиц конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, личностью и степенью

¹ См. абз. 5 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П.

вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств;

виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов (ограничений);

в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма;

криминализация федеральным законодателем деяний, ранее признаваемых административными правонарушениями, представляет собой ужесточение публично-правовой ответственности за их совершение, проявляющееся в повышенной строгости уголовных санкций по сравнению с административными санкциями, большей степени ограничения прав при применении уголовно-правового института судимости по сравнению с институтом административной наказанности; отмена законом административной ответственности за определенное деяние с одновременным переводом такого деяния под действие УК РФ означает, что законодатель не только продолжает оценивать данное деяние как правонарушающее, но и считает возросшей степень его общественной опасности, поэтому недопустимо прекращение исполнения постановления о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, если отмена законом административной ответственности за административное правонарушение одновременно сопровождается введением уголовной ответственности за то же деяние.

Движение в направлении гуманизации уголовно-правовой политики в аспекте сбалансированной реализации уголовных и административно-деликтных мер связано с оценкой возможностей использования в этих целях, в частности, так называемых составов преступлений с административной преюдицией, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т. е. имеющим специальную административную наказанность. Конструкция уголовно-правовых норм с признаком административной пре-

юдиции носит дискуссионный характер в уголовно-правовой науке, которая демонстрирует поляризацию мнений по вопросу о самой допустимости ее применения¹, в частности, имея в виду проблему ее согласованности с принципом *non bis in idem*, приоритетную ориентацию на оценку личности правонарушителя, а не совершенного противоправного деяния, спорность формально-количественного критерия для изменения оценки уровня общественной опасности деяния и перевода его в уголовно-правовую сферу лишь по мотиву неоднократности совершения конкретного деликта. Так, Н. Ф. Кузнецова писала по этому поводу, что между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие; ни одно административное правонарушение не обладает специфическим криминальным свойством деяния — общественной опасностью; количество проступков неспособно перерасти в качество преступления («сто кошек не могут образовать одного тигра»)². Впрочем, очевидно и то, что выраженная в устойчивой неоднократности и регулярности противоправная ориентация поведения субъекта, хотя бы каждый его проступок в отдельности и не доходит до уровня криминальной общественной опасности, свидетельствует о том, что административно-деликтные меры не срабатывают и не выполняют свою функцию, а совокупный вред, причиняемый в результате такой деятельности общественным интересам, не сводит-

¹ См., например: Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1; Лапина М. А., Карпухин Д. В., Трунцевский Ю. В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11; Маркунцов С. А., Одоев О. С. О перспективах применения уголовно-правовых запретов, сформулированных с использованием конструкции административной преюдиции // Судья. 2016. № 6; Оноколов Ю. П. Сочетание административной преюдиции и декриминализации как инструмент предупреждения административных правонарушений и преступлений // Административное право и процесс. 2013. № 2; Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6; Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10.

² См.: Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 142—143. Впрочем, этот подход был автором уточнен: с тем чтобы минимизировать квалификационные ошибки, связанные с избыточностью криминализации деяний, Н. Ф. Кузнецова предложила два варианта — это либо декриминализация преступлений небольшой тяжести и передачи их как проступков в гражданский, административный, трудовой, таможенный и т. д. кодексы с одновременным усилением санкций за них в этих кодексах, либо по ряду норм возврат к конструкциям с административной и гражданско-правовой преюдицией (см.: Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 36). Это лишь подтверждает сложность, неоднозначность проблемы административной преюдиции.

ся к простой сумме вреда каждого из совершенных проступков. Но, пожалуй, более важным является то, что административная преюдиция — одна из возможных юридических форм такого законодательно-решения вопросов уголовной политики об ограничении уголовно-правовой регламентации, которое позволяет осуществлять процесс постепенной декриминализации этих деяний, имея в виду, что включение законодателем в состав преступления указания на административную преюдицию может стать одним из ориентиров к последующему изменению закона. В этом плане нормы, устанавливающие административную преюдицию, могут служить как бы «промежуточной формой» постепенного перехода от уголовной ответственности к административной, что, однако, не исключает и того, что в отдельных случаях они могут использоваться и для криминализации административных проступков.

Принципиальные оценки институту административной преюдиции даны в постановлении КС РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П применительно к ст. 212¹ УК РФ, которой была введена уголовная ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, а именно если соответствующее лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение 180 дней. Содержащиеся в этом постановлении выводы свидетельствуют о том, что КС РФ, не подвергая сомнению правомочие законодателя в рамках имеющейся у него достаточно широкой дискреции в области уголовно-правовой политики воспользоваться конструкцией составов преступлений с признаком административной преюдиции, тем не менее ориентирован на весьма сдержанные оценки в отношении сферы, порядка и условий применения таких составов, принимая во внимание в том числе, что «при установлении уголовной ответственности за повторное (неоднократное) нарушение тех или иных запретов нельзя не учитывать природу таких правонарушений, исключая отнесение к преступлениям деяний, хотя и противоправных, но не обладающих действительной общественной опасностью (*malum prohibitum*)» (абз. 2 п. 4² мотивировочной части).

Выработанное КС РФ конституционно-правовое истолкование подвергшейся проверке уголовно-правовой нормы имеет, вероятно, более широкое значение для применения административной преюдиции и предполагает, по крайней мере, что уголовное преследование за нарушение, содержащее признаки уголовно-правового состава с ад-

министративной преюдицией, может иметь место при соблюдении следующих условий:

а) лицо вновь совершило административный проступок в пределах срока, в течение которого оно считается подвергнутым административному наказанию за такое административное правонарушение, притом что имеются вступившие в законную силу судебные акты о привлечении лица определенное количество раз за конкретный временной период к административной ответственности;

б) совершенное деяние не ограничивается нарушением формальных правил, а повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям;

в) совершенное деяние носит умышленный характер;

г) фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами по делам об административных правонарушениях, сами по себе не определяют выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении преступления, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел о совершенных этим лицом административных правонарушениях;

д) возможность назначения лицу наказания в виде лишения свободы существует лишь при том условии, что правонарушение повлекло причинение либо реальную угрозу причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям, притом что без назначения данного вида наказания невозможно обеспечить достижение целей уголовной ответственности за преступление.

Вместе с тем применение института административной преюдиции связано с необходимостью учета и иных вытекающих из Конституции требований, предъявляемых к правовому регулированию публичной ответственности. В частности, законодатель, будучи связан конституционным принципом равенства и производным от него императивом формальной определенности закона, который наиболее существенное значение приобретает в сфере применения мер государственного принуждения, должен, как представляется, обеспечить ясность и обоснованность решений, касающихся выделения круга административно-

правовых деликтов, неоднократное совершение которых приобретает преюдициальное значение для целей применения уголовной ответственности. Дифференцированное — без указания конкретных мотивирующих признаков — применение публичной ответственности к административно-правовым деликтам, одни из которых порождают, а другие не порождают преюдициальный уголовно-правовой эффект, может рассматриваться как отступление от принципа равенства. Вместе с тем законодатель должен внести определенность в вопросы, касающиеся количественных и временных показателей криминально-значимой преюдициальной противоправности. Поскольку законодатель придает признаку неоднократности совершения административно-правовых деликтов значение куммулятивного фактора криминального уровня общественной опасности, то существует, помимо прочего, необходимость специального правового регулирования для случаев, когда аналогичное противоправное деяние совершается в период судимости в связи с привлечением в уголовной ответственности за совершение преступления с административной преюдицией. Квалификация подобного деяния как относящегося к сфере административной ответственности также может рассматриваться как проявление неравенства, поскольку критерий оценки общественной опасности срабатывает произвольным образом. Не менее важной является проблема реализации административной преюдиции в условиях различий в субъектных составах административной и уголовной ответственности, имея в виду, что юридические лица уголовно-правовой репрессией не охвачены и, соответственно, в их отношении административная преюдиция не может применяться.

Реализация целей гуманизации уголовно-правовой политики предполагает необходимость сбалансированного учета публичных и частных интересов и не может — как это вытекает из практики КС РФ — достигаться в ущерб обеспечению эффективной защиты интересов потерпевшего наравне с обвиняемым. Прежде всего здесь следует назвать решение, которым КС РФ признал не соответствующей Конституции ст. 405 УПК РФ в той мере, в какой она, не допускающая поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяла тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела¹.

КС РФ полагает также, что не может расцениваться как принятие на себя судом не свойственной ему функции обвинения вынесение

¹ См. постановление КС РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П.

решения, направленного на исправление допущенных органами, осуществляющими уголовное преследование, нарушений или ошибок, которые могут затрагивать интересы как обвиняемых, так и потерпевших, — иное вынуждало бы его принять решение, заведомо противоречащее закону, что в принципе недопустимо. Соответственно, инициирование судом процедуры устранения препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела не противоречит принципам правосудия и не свидетельствует о том, что суд тем самым осуществляет уголовное преследование обвиняемого или участвует в нем, а безусловное следование инициативе стороны обвинения или стороны защиты, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиций сторон. Таким образом, КС РФ сделал вывод, что при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления¹. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным.

Необходимость обеспечения баланса частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве, гармонизации интересов лиц, в отношении которых существуют основания полагать, что они совершили уголовно-наказуемое деяние, и потерпевших предполагает, что реализуемое в уголовном процессе диспозитивное начало, связанное в том числе с обособлением уголовных дел частного обвинения, которые возбуждаются по общему правилу не иначе как по заявлению потерпевшего, не может приводить к ограничению его (потерпевшего) прав и законных интересов.

В постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П КС РФ признал неконституционными отдельные положения УПК РФ в той мере, в какой они не обязывают прокурора, следователя, орган дознания и дознава-

¹ См. определение КС РФ от 14 января 2016 г. № 15-О.

теля принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступления, отнесенного к делам частного обвинения, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальным законом порядке. Если любое из преступлений, дела о которых рассматриваются в порядке частного обвинения, совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам (в том числе ввиду того, что данные о виновном в совершении такого преступления потерпевшему не известны) не может защищать свои права и законные интересы, то руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель, согласно позиции КС РФ, возбуждают уголовное дело и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя; если же указанные обстоятельства будут установлены после принятия заявления к производству, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора¹.

В постановлении от 20 июля 2016 г. № 17-П КС РФ был затронут иной аспект балансирования частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве, касающийся вновь введенного института досудебного соглашения о сотрудничестве. КС РФ в целом привержен идее о том, что предоставление обвиняемому возможности добиться уменьшения объема обвинения или размера наказания в случае признания своей вины или отказа от оспаривания предъявленных обвинений еще до проведения судебного разбирательства либо в обмен на плодотворное сотрудничество с органом следствия не может рассматриваться как отступающее от требований Конституции, является общей чертой европейских систем уголовной юстиции. Эта мера является необходимой для обеспечения эффективного противодействия преступности, что в современных условиях делает особенно востребованным получение информации со стороны вовлеченных в преступную деятельность субъектов. Вместе с тем должна обеспечиваться определенность правового регулирования соответствующего института, исключающего возможность злоупотреблений.

КС РФ пришел к выводу о необходимости, в частности, конкретизировать правовой статус процессуальной фигуры обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбирательстве по основному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним. Здесь есть своя специфика, которая должны быть учтена, а именно:

¹ См. определение КС РФ от 17 сентября 2013 г. № 1336-О.

а) такое лицо в силу особенностей своего правового положения в уголовном процессе не является подсудимым (обвиняемым) по основному уголовному делу и в то же время как обвиняемый по выделенному уголовному делу, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу;

б) на обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления не распространяются требования об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные УПК РФ правила о предупреждении допрашиваемых лиц о такой ответственности;

в) обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу предупреждается о последствиях нарушения при даче показаний обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от судебного следствия каких-либо существенных сведений.

Досудебное соглашение о сотрудничестве — одно из многих проявлений развития особых договорно-согласовательных правовых средств в уголовно-процессуальном праве. Так, в постановлении от 7 марта 2017 г. № 5-П, раскрывая юридическую природу отношений, связанных с конфискацией предметов контрабанды в случае прекращения уголовного преследования по мотиву истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, КС РФ пришел к выводу, что при согласии собственника на такое изъятие имеет место, по существу, заключаемое между обвиняемым (подсудимым) и государством *публично-правовое соглашение sui generis*, соотносимое по своему характеру с применяемыми в рамках института освобождения от уголовной ответственности альтернативами уголовному преследованию (судебному разбирательству). Тем самым проявляется усиление диспозитивного начала в уголовном процессе, обусловленное защитой субъективных интересов лица, в отношении которого ведется уголовное преследование.

Значимое направление воздействия конституционного правосудия на уголовное судопроизводство касается также института суда при-

сяжных. При всей сложности, дискуссионности связанных с конституционно-судебной практикой в этой сфере проблем¹, бесспорно, важным является вывод КС РФ о том, что судопроизводство с участием присяжных заседателей как конституционно одобряемый способ участия граждан в отправлении правосудия, в ходе которого не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно принимает решение по вопросу о виновности подсудимого, имеет «особую конституционно-правовую значимость», поэтому законодатель не вправе «допускать произвольный и необоснованный отказ от этой формы судопроизводства при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена»; дискреция законодателя не является абсолютной и не освобождает его от обязанности при конкретизации предписаний Конституции относительно суда с участием присяжных заседателей действовать правомерным образом, т. е. исходя из необходимости обоснованной и объективно оправданной дифференциации процессуальных форм судебной защиты при сохранении баланса конституционных ценностей и соблюдении принципа правовой определенности, не допуская несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина и при безусловном обеспечении гарантированных Конституцией равенства всех перед законом и судом и равноправия².

В аспекте обеспечения конституционализации института суда присяжных следует подчеркнуть выработанные КС РФ правовые позиции, согласно которым, в частности:

— принципиальное требование беспристрастности распространяется как на профессиональных судей, так и на входящих в состав суда присяжных заседателей³;

— ограничение предмета прений сторон при производстве по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, имеет целью недопущение воздействия на присяжных заседателей, которое препятствовало бы свободной оценке доказательств, осуществляемой ими по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, ру-

¹ См., например: *Габов А. В., Хромова Н. М.* Суд присяжных в России: новая реформа // Судья. 2016. № 5; *Головко Л. В.* Конституционный суд vs суд присяжных // ЭЖ-Юрист. 2010. № 10; *Кипнис Н.* Комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 6.

² См. абз. 2 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П; абз. 3 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П; абз. 4 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П.

³ См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 сентября 2016 г. № 1801-О.

ководствуясь законом и совестью, и могло бы повлиять на вынесение присяжными объективного вердикта¹;

— коллегия присяжных заседателей не вправе выносить вердикт по рассматриваемому уголовному делу произвольно, без учета всех исследованных в судебном заседании доказательств, ее выводы не могут основываться на предположениях и на доказательствах, признанных судом недопустимыми²;

— форма судопроизводства с участием присяжных заседателей предполагает такое разграничение функций между профессиональным судьей и коллегией присяжных, при котором разрешение вопросов факта (о доказанности деяния, совершения его подсудимым, виновности подсудимого в его совершении) относится к компетенции присяжных заседателей, и особенности их вердикта, который представляет собой лаконичные ответы на поставленные вопросы, содержащие лишь выводы коллегии присяжных без приведения доводов, подтверждающих их позицию, исключают возможность его проверки по фактическим основаниям и, как следствие, возможность отмены или изменения вынесенного на основе такого вердикта приговора ввиду несоответствия изложенных в приговоре выводов фактическим обстоятельствам уголовного дела; отмена вынесенного коллегией присяжных заседателей приговора возможно лишь при наличии существенного нарушения уголовно-процессуального закона, неправильного применения уголовного закона и несправедливости приговора³.

5.4. Административное судопроизводство: притязания на учет особенностей конституционно-правового статуса

Конституционная категория «административное судопроизводство» (ч. 2 ст. 118 Конституции) при всем многообразии научных подходов, связанных с определением как непосредственно этого, так и смежных с ним понятий, включая административный процесс, административную юрисдикцию⁴, характеризуется в системе сложившейся

¹ См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 сентября 2015 г. № 1873-О.

² См. абз. 6 п. 2² мотивировочной части определения КС РФ от 25 января 2005 г. № 68-О; абз. 5—6 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 7 ноября 2008 г. № 1029-О-П; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 25 февраля 2016 г. № 294-О.

³ См. абз. 2 п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2003-О; абз. 5—6 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 27 октября 2015 г. № 2340-О.

⁴ См., например: *Старилов Ю. Н.* Административная юстиция в России // *Lex Russica*. 2016. № 1; Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства.

конституционно-судебной практики двуединым институциональным наполнением. С одной стороны, административное судопроизводство охватывает собой судебно-процессуальный аспект юрисдикционной формы разрешения дел, возникающих в связи с привлечением к административной ответственности, с другой — судебный контроль законности нормативных и индивидуальных актов субъектов, на которые возложено осуществление функций и задач публичной власти. Используя терминологию, воспринятую рядом административистов, можно говорить о разделении рассматриваемых в порядке административного судопроизводства дел соответственно на административно-деликтные и административно-тяжебные¹. При этом уместно отметить, что сам термин «административно-тяжебная юрисдикция» не является нашей новацией, а используется в романоязычных странах наряду с термином «административная юстиция» как синонимичный (*jurisdiction confentieux administratif*).

Понимание административного судопроизводства в свете судебного контроля деятельности публичной администрации является традиционным, тогда как включение в состав этого понятия судебного порядка привлечения к административной ответственности дискутируется, и, соответственно, требуются некоторые пояснения в этой части в аспекте конституционного правопонимания. Принципиально здесь то, что в обоих случаях речь идет о реализации судебной власти на основе принципов правосудия в связи с разрешением дел, возникающих из публичных правоотношений, между сторонами которых отсутствует служебное подчинение, в целях обеспечения субъективных публичных прав личности или публичных интересов государства и общества, подкрепляемого возможностью применения особых публично-правовых санкций карательного или же восстановительного характера.

Еще в конце 1990-х гг. КС РФ выработал правовую позицию, согласно которой судопроизводство по делам, связанным с рассмотрением деяний, влекущих административную ответственность, должно быть административным судопроизводством независимо от того, осу-

Вып. 7. Воронеж, 2013; *Абсалямов А. В.* и др. Административное судопроизводство / под ред. *В. В. Яркова*. М., 2016; *Зеленцов А. Б.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как предпосылка смены парадигмы в теории административного права // *Административное право и процесс*. 2015. № 11; *Кононов П. И.* Административное судопроизводство как структурная часть административного процесса // *Административное право и процесс*. 2015. № 11; *Панова И. В.* Административная юстиция. М., 2016.

¹ См., например: *Бахрах Д. Н.* Административное судопроизводство в России в начале XXI века // *Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Право»*. 2005. Вып. 6. № 8 (48). С. 67–72; *Зеленцов А. Б.* Административно-правовой спор (теоретико-методологические подходы к исследованию) // *Правоведение*. 2000. № 1. С. 70.

ществляется оно судом общей юрисдикции или арбитражным судом, и таковым же, т. е. административным, будет при этом предварительное производство, равно как и производство в случаях, когда принятие решения по существу принадлежит органам исполнительной власти, наделенным соответствующими полномочиями¹. Развивая этот подход в постановлении от 28 мая 1999 г. № 9-П, КС РФ подчеркнул, что обособление в ч. 2 ст. 118 Конституции видов судопроизводства вызвано тем, что различные процессуальные процедуры, обусловливаемые характером рассматриваемых дел и, следовательно, природой и значимостью применяемых санкций, имеют неодинаковые правовые последствия. При этом в рамках осуществления административного судопроизводства на основе законодательства об административных правонарушениях суды (судьи) наделены как полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях и привлечению к административной ответственности, так и полномочиями по контролю за законностью и обоснованностью постановлений о наложении административных взысканий, выносимых другими уполномоченными на это органами (должностными лицами)².

Категориально разграничивая административное судопроизводство и административную юрисдикцию, КС РФ полагает, что Конституцией не предопределяется необходимость рассмотрения дел об административных правонарушениях лишь в процедуре административного судопроизводства, т. е. только судами (судьями), и законодатель, учитывая природу и особенности административных правоотношений, вправе наделять административной юрисдикцией органы исполнительной власти. Однако в любом случае должно обеспечиваться соблюдение требований ст. 46 Конституции, гарантирующей гражданину судебную защиту его прав и свобод и право на обжалование в суд решений и действий органов государственной власти и должностных лиц³.

По смыслу изложенных правовых позиций, судебный контроль законности деятельности публичной администрации имплицитно присутствует в производстве по делам об административных правонарушениях и неотделим от этого производства, по крайней мере как контроль *a posteriori*. Вместе с тем осуществление судебного контроля

¹ См. абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 12 мая 1998 г. № 14-П. См. также абз. 2 п. 3¹ определения КС РФ от 5 июля 2001 г. № 130-О.

² См. абз. 1—2 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 28 мая 1999 г. № 9-П.

³ См. абз. 2—3 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 13 апреля 2000 г. № 53-О; абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 25 сентября 2014 г. № 2095-О.

нормативных и индивидуальных актов субъектов, на которых возложено осуществление функций и задач публичной власти, сопряжено с реализацией публично-правовой ответственности, поскольку нарушения законности, допускаемые в деятельности публичной администрации, являются по своему характеру административными.

В основе административного судопроизводства лежат единые для всех видов судопроизводства принципы правосудия, соблюдение которых является важнейшей гарантией, которая позволяет реализовать право на судебную защиту в полной объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. В решениях КС РФ особо подчеркивается, что принципы состязательности и равноправия сторон должны распространяться на все стадии административного судопроизводства¹. В то же время спецификой лежащих в основе административного судопроизводства материальных правоотношений обусловлены определенные особенности регулятивного воздействия соответствующих конституционных принципов в этой сфере в соотношении с иными видами судопроизводства. Как бы то ни было, правовое регулирование административного судопроизводства должно во всяком случае закреплять процессуальный механизм, который обеспечивал бы эффективное и своевременное достижение целей правосудия, четкое, определенное разграничение судебной юрисдикционной компетенции по административным и иным смежным делам, в том числе подпадающим под юрисдикцию конституционного правосудия, процессуальное взаимодействие между судебными органами.

Отнесение публичных деликтов к административным правонарушениям либо к преступлениям, влекущее установление соразмерных им санкций в виде административных или уголовных наказаний, согласно правовой позиции КС РФ, предопределяет в рамках российской системы отраслей права обособление процессуальных правил, опосредующих применение норм материального права в адекватных юридической природе предусматриваемых ими деликтов формах судопроизводства². Действующий КоАП РФ, как замечено, в своих общих положениях базируется на том, что, хотя административная и уголовная ответственность объективно тяготеют друг к другу, они все же имеют автономный статус, исключающий свободное, а тем более

¹ См. абз. 1 п. 3² мотивировочной части определения КС РФ от 12 апреля 2005 г. № 113-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 12 мая 2005 г. № 145-О.

² См. п. 3¹ мотивировочной части определения КС РФ от 5 февраля 2015 г. № 236-О.

произвольное сопряжение их собственных (отраслевых) возможностей для защиты охраняемых законом ценностей¹.

КС РФ исходит из того, что, поскольку установленный КоАП РФ порядок производства по делам об административных правонарушениях, которые характеризуются в том числе массовостью, ориентирован преимущественно на внесудебную процессуальную форму, имеющую упрощенно-ускоренный характер, обычно не предполагает проведения административного расследования, законодатель не может быть лишен возможности использовать дифференцированный подход к определению конкретных процессуальных механизмов, гарантирующих обеспечение права на судебную защиту, в зависимости от отраслевой принадлежности правонарушений, строгости установленных за них наказаний, процедурных особенностей производства по соответствующим делам и других оправданных и обоснованных критериев.

В частности, административный процесс, вытекающий из деликтных отношений, объективно более приспособлен для самостоятельной защиты заинтересованным лицом от привлечения к административной ответственности и одновременно менее финансово затратен для осуществления такой защиты при посредстве иных лиц, включая адвоката. Поэтому вопрос о необходимости предоставления привлекаемому к административной ответственности лицу права на получение бесплатной юридической помощи может приобретать конституционное значение в тех случаях, когда обусловленная привлечением к такой ответственности степень реального вторжения в конституционные права сопоставима с мерами уголовно-правового воздействия². При этом в рамках административного процесса требования, предъявляемые к обеспечению личного участия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, менее строгие, чем в уголовном судопроизводстве. Безусловная обязательность рассмотрения дела об административном правонарушении, производство по которому осуществлялось в форме административного расследования, судьей районного (городского) суда по месту расположения органа, проводившего расследование, и, соответственно, отсутствие возможности передать рассмотрение дела об административном правонарушении в суд по месту жительства привлекаемого к административной ответственности лица, согласно правовой позиции КС РФ, не нарушает конституцион-

¹ См.: *Князев С. Д.* Конституционные стандарты административной ответственности в правовой системе Российской Федерации // *Административное право и процесс.* 2014. № 2. С. 17.

² См. абз. 3 п. 3, п. 4 мотивировочной части определения КС РФ от 9 февраля 2016 г. № 214-О.

ных гарантий права на судебную защиту. Это объясняется тем, что законодательное регулирование предоставляет лицу, привлекаемому к административной ответственности, широкий комплекс процессуальных прав, которыми он может — независимо от места рассмотрения дела об административном правонарушении — воспользоваться (прибегая, если сочтет целесообразным, к помощи защитника) на протяжении всего производства по делу об административном правонарушении¹.

Однако гарантии процессуального участия в административном производстве должны быть реальными, а не носить формальный характер: полноценное участие лица, привлекаемого к административной ответственности, в разрешении всех возникающих в связи с производством по делу об административном правонарушении вопросов, по оценке КС РФ, не только отвечает персональным интересам этого лица, но и согласуется с общими задачами административно-деликтного производства, цивилизованное решение которых в правовом государстве недостижимо без соблюдения общепризнанных принципов гуманизма, справедливости и юридического равенства в отношении каждого, кто подвергается преследованию за административно-противоправное деяние (действия, бездействие)². Сделанный на этой основе в постановлении от 17 ноября 2016 г. № 25-П вывод — о неконституционности норм, допускающих исчисление срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, лишь со времени его вытрезвления, а не фактического задержания, вследствие чего ограничение свободы такого лица до судебного решения может превысить 48 часов, — можно рассматривать как важный поворотный момент в конституционализации административно-деликтного законодательства, свидетельство решительного отказа от отживших моделей репрессивного правосудия в пользу современных правовых стандартов реализации администрации превенции.

В отличие от уголовно-процессуального законодательства правовое регулирование производства по делам об административных правонарушениях не влечет возникновения сходных с уголовным процессом ситуаций, когда лицо, в отношении которого производство по делу прекращено в связи с его смертью, признавалось бы виновным в его совершении фактически без рассмотрения дела по существу, и не порождает для супруга, супруги, близких родственников умершего лица и других заинтересованных лиц негативных последствий. В связи с этим КС РФ не нашел оснований для распространения на административное судопроизводство выраженной в постановлении от

¹ См. определение КС РФ от 5 ноября 2015 г. № 2482-О.

² См. абз. 5 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 17 ноября 2016 г. № 25-П.

14 июля 2011 г. № 16-П правовой позиции, в силу которой прекращение уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) требует согласия его близких родственников¹.

Специфика производства по делам об административных правонарушениях характеризуется также особенностями проявления принципа состязательности, который реализуется с учетом повышенного значения судебного руководства процессом. Судья вправе не только исследовать представленные в качестве доказательств протоколы и иные документы, но и в целях проверки содержащихся в них сведений вызвать в судебное заседание как свидетеля составившее данные документы должностное лицо, что не может расцениваться как осуществление судом не свойственной ему функции². Судья правомочен также дать судебное поручение судье по месту совершения административного правонарушения допросить в качестве свидетелей должностных лиц, составивших представленные в качестве доказательств протоколы и иные документы, а также понятых, присутствовавших при их составлении, в целях проверки содержащихся в данных документах сведений. Это не исключает возможности извещения лица, совершившего административное правонарушение, и его защитника о месте и времени исполнения судебного поручения, а также их участия при совершении необходимых процессуальных действий³. В то же время Конституция не предопределяет необходимость участия должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении, в производстве по делу об административном правонарушении, а его отсутствие в судебном процессе не означает возложения на суд реализации обвинительных задач: процессуальные действия, направленные на сбор доказательств, осуществляются должностными лицами, а собранные и представленные ими доказательства — наряду с доказательствами, представленными участниками производства по делу, имеющими на это право, — исследуются судом, который тем самым осуществляет функцию правосудия, но не обвинения⁴.

С учетом того, что дела об административных правонарушениях рассматриваются не только судами, но и иными органами и должностными лицами, возникает вопрос о конституционных основаниях обжалования в суд постановлений по делам об административных правонарушениях. Согласно правовой позиции КС РФ Конституция

¹ См. определение КС РФ от 4 июня 2013 г. № 900-О.

² См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 18 сентября 2014 г. № 1817-О.

³ См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 18 сентября 2014 г. № 1817-О.

⁴ См. определение КС РФ от 24 июня 2014 г. № 1311-О.

гарантирует рассмотрение на основе принципов состязательности и равноправия сторон только тех дел, которые отнесены к подведомственности судов, однако лица, в отношении которых вынесено постановление по делу об административном правонарушении должностным лицом или органом, вправе обжаловать его в суд, и судебная проверка законности и обоснованности таких постановлений осуществляется судом с соблюдением всех конституционных принципов и гарантий¹. Отсутствие же возможности оспорить в порядке надзора постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права². Возбуждение надзорного производства, являющегося дополнительной возможностью защиты прав граждан, обусловлено своевременным обращением к основному средству судебной защиты прав: обжалованию постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного органом или должностным лицом, в соответствующий суд³.

Комплексный, основанный на сочетании судебной и внесудебной составляющих характер производства по делам об административных правонарушениях предполагает необходимость взвешенного решения вопросов, связанных с распределением подведомственности между административными и судебными органами, с тем чтобы нагрузка на суды в этой сфере, характеризующейся большим числом возникающих дел, не была чрезмерной и обеспечивались условия реального качества судебного рассмотрения дел как собственно административно-деликтных, так и иных категорий. Сегодня нагрузка на судей в производстве по делам об административных правонарушениях, по оценкам специалистов, неоправданно велика из-за нарушения принципов системности законодательного регулирования, отсутствия четких критериев разграничения подведомственности дел, отступлений от принципа соразмерности административных наказаний⁴, в связи с чем предложения, направленные на исправление этой ситуации, требуют учета в рамках готовящейся реформы КоАП РФ.

В условиях нарастающей тенденции усиления административной ответственности, в том числе путем повышения размеров админист-

¹ См. определение КС РФ от 3 апреля 2012 г. № 598-О; абз. 3–4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 апреля 2013 г. № 630-О.

² См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 25 ноября 2010 г. № 1468-О-О.

³ См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 20 ноября 2014 г. № 2629-О.

⁴ См.: *Салищева Н. Г.* Оптимизация деятельности судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях // Российское правосудие. 2016. № 10.

ративных штрафов, налагаемых на юридических лиц за те или иные административные правонарушения, особое значение приобретают возможности в рамках производства по делам об административных правонарушениях обеспечить индивидуализацию и соразмерность применяемой санкции содеянному общественно опасному поступку. Это предполагает наличие необходимых и достаточных законных средств реализации усмотрения суда при решении соответствующих вопросов. Постановления КС РФ, которыми были признаны неконституционными отдельные положения КоАП РФ, устанавливающие минимальные размеры административных штрафов, применяемых в отношении юридических лиц, — в той мере, в какой эти положения во взаимосвязи с общими правилами применения административных наказаний не допускают назначения административного штрафа ниже низшего предела, — предопределили реформирование административного процесса на основе развития более гибких, вариативных и дифференцированных подходов к реализации административной ответственности¹. Но очевидно и то, что потенциал, заложенный соответствующими решениями КС РФ, использован пока далеко не в полной мере, фрагментарно, и необходимы изменения системного характера, направленные на совершенствование административных санкций и методологии их назначения.

Вопросы судебного контроля законности деятельности публичной администрации, включая судебный нормоконтроль, относятся к отдельному виду административного судопроизводства, объективная специфика которого не может не учитываться законодателем.

Уже давно было замечено, что судебное разбирательство публично-правовых споров, интегрированное в систему гражданского судопроизводства, переросло границы ГПК РФ, нуждается в самостоятельном процессуально-правовом опосредовании². КС РФ неоднократно, начиная с 1998 г., обращал внимание федерального законодателя на его конституционную обязанность предусмотреть адекватный природе публично-правовых споров судебный процессуальный механизм их разрешения³. Ведь производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, к каковым относятся и дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных

¹ См. постановление КС РФ от 17 января 2013 г. № 1-П; п. 31 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П; постановление КС РФ от 25 февраля 2014 г. № 10-П; п. 42 мотивировочной части постановления КС РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П.

² См.: *Тихомиров Ю. А.* Административное право и процесс: полный курс. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005. С. 681—690.

³ См. п. 7 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П; п. 5 мотивировочной части постановления КС РФ от 27 января 2004 г. № 1-П.

или муниципальных служащих, образует особый порядок осуществления правосудия¹.

В системе действующего законодательства правовое регулирование вопросов административного судопроизводства производится в соответствии с правовыми позициями КС РФ в обособленном кодифицированном виде, в рамках введенного в действие с 15 сентября 2015 г. КАС РФ, который, впрочем, не исчерпывает нормативную основу разрешения административных дел. Но установленные КАС РФ процедуры носят общий характер, могут и должны быть востребованы во всех тех случаях, когда прямо не предусмотрено рассмотрение и разрешение тех или иных административных исковых заявлений в ином судебном порядке, что нашло подтверждение и в практике КС РФ². В частности, КС РФ уже неоднократно указывал на то, что нормы КАС РФ, регулирующие роль судьи в принятии административного искового заявления, направлены на предотвращение принятия судом к рассмотрению дел, явно не относящихся к его подведомственности, установленной законом, и не препятствуют, между прочим, судебному обжалованию неправомерных решений и действий (бездействия) должностных лиц судов общей юрисдикции, в том числе должностных лиц суда, в результате которых нарушены права и свободы гражданина, созданы препятствия к осуществлению гражданином своих прав и свобод, на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность или он незаконно привлечен к ответственности³. Вместе с тем КС РФ по общему правилу воздерживается от собственной оценки принадлежности конкретного дела как предполагающего необходимость его рассмотрения в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, поскольку это является прерогативой иных судебных органов⁴, не препятствует обратиться за защитой прав, законных интересов в ином порядке⁵.

Специфика дел, возникающих из публичных правоотношений, связанных с административной деятельностью и нормотворчеством,

¹ См. абз. 2 п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 8 июня 2015 г. № 14-П.

² См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 сентября 2016 г. № 1937-О.

³ См. абз. 2—3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 28 января 2016 г. № 128-О; абз. 3—4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 июня 2016 г. № 1384-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 19 июля 2016 г. № 1663-О.

⁴ См. определения КС РФ от 18 декабря 2003 г. № 461-О, от 20 октября 2011 г. № 1410-О-О.

⁵ См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 24 мая 2005 г. № 169-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 20 октября 2005 г. № 352-О.

как это вытекает из практики КС РФ, обусловлена единством частных и публичных начал, включая как возможности личности отстаивать свои интересы во взаимоотношениях с государством в лице любых его органов, должностных лиц, так и публично-правовую потребность государства в исключении незаконного нормативного правового акта из сферы правового регулирования тех или иных правоотношений¹. Следовательно, приоритетные задачи данного вида судопроизводства определяются интересами законности, защиты прав и свобод граждан². В контексте фактической асимметрии между сторонами административно-процессуальных отношений это определяет особую ценность активной роли суда в процессе, призванную компенсировать дефицит возможностей административного истца по реализации процессуальных прав на диспозитивной основе. Более того, особенности административного судопроизводства могут оправдывать введение определенных ограничений принципа диспозитивности в целях оптимально сбалансированного обеспечения публичных и частных интересов.

Так, КС РФ счел обоснованным наделение суда в административном процессе полномочием выйти за пределы оснований и доводов заявленных требований, поскольку это имеет целью обеспечение полноты проверки законности оспариваемых решений, действий (бездействия) и установление дополнительных гарантий права на судебную защиту граждан как слабой стороны в публичных правоотношениях³. Но суд не вправе вступать в обсуждение содержательных вопросов, касающихся оценки законности спорного решения, действия (бездействия), наличия или отсутствия нарушения прав и законных интересов, в стадии возбуждения дела, в которой не проводится судебное заседание с участием сторон и решаются вопросы лишь процессуального характера⁴. Что касается введения ограничений принципа диспозитивности, обусловленных спецификой публично-правового спора, то следует учитывать, что такие ограничения, в силу правовой позиции КС РФ, допустимы лишь в случаях, когда природа

¹ См., например, абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 21 декабря 2006 г. № 555-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 19 июня 2012 г. № 1227-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 июня 2016 г. № 1223-О.

² См. абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 4 июня 2013 г. № 1026-О.

³ См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 3 февраля 2010 г. № 237-О-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 18 октября 2012 г. № 1870-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 сентября 2015 г. № 2088-О.

⁴ См. определения КС РФ от 8 июля 2004 г. № 238-О, от 21 декабря 2004 г. № 397-О, от 18 октября 2012 г. № 1868-О.

спорного публичного правоотношения не предполагает возможность свободного распоряжения субъективным материальным правом¹.

Притом что административное судопроизводство призвано обеспечивать в равной мере защиту во взаимоотношениях с государством граждан индивидуально и объединений граждан, конституционный принцип равенства, согласно правовой позиции КС РФ, не препятствует законодателю устанавливать различные правила подсудности дел, возникающих из публичных правоотношений, по заявлениям граждан и юридических лиц, учитывая специфику данной категории дел, для осуществления судебной защиты своих нарушенных прав и законных интересов². Материальные предпосылки и условия для реализации гражданами и юридическими лицами процессуальных прав в административном судопроизводстве, как правило, неодинаковы, и в предоставлении особых (повышенных) гарантий права на судебную защиту нуждается прежде всего гражданин, обращающийся с административным иском индивидуально. Соответственно, в частности, установление подсудности административных дел по выбору истца-гражданина, т. е. альтернативной подсудности, не может рассматриваться как нарушение конституционных прав юридического лица, которое не лишено возможности подать соответствующее обращение в суд с соблюдением общих правил подсудности.

Важнейшей составляющей административного судопроизводства является судебный нормоконтроль. КС РФ исходит из того, что не исключаются дискреционные возможности законодателя по-разному разграничить компетенцию судебных органов по рассмотрению дел об оспаривании нормативных правовых актов в зависимости от их характера³. Но при этом не должны ставиться под сомнение конституционные принципы дифференциации видов судопроизводства. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды в порядке административного судопроизводства правомочны проверять лишь нормативные акты ниже уровня федерального закона на соответствие иному, имеющему большую юридическую силу акту⁴.

В последнее время, правда, все активнее ставится вопрос о том, насколько обоснованным является отнесение к сфере административного нормоконтроля также законов субъектов РФ. Эта проблема была

¹ См. абз. 4 п. 3 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П.

² См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 23 июня 2005 г. № 227-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 25 января 2007 г. № 40-О-О.

³ См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 мая 2012 г. № 991-О.

⁴ См. абз. 2 п. 7 мотивировочной части постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П.

обозначена, в частности, в рамках Сенатских чтений 19 апреля 2017 г. Председателем КС РФ В. Д. Зорькиным¹. И, следует признать, для такой постановки имеются все основания, связанные, в частности, с тем, что закон субъекта РФ — не административный акт, его нормоконтроль должен осуществляться прежде всего с позиций Конституции, включая конституционные начала разграничения нормотворческих полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами (ст. 71—73 Конституции РФ). Стало быть, в принципиальном плане есть основания для постановки вопроса об уточнении оснований разграничения нормоконтрольных полномочий в отношении законов субъектов РФ между конституционным и административным судопроизводством. Вероятно, оправданным мог бы стать по крайней мере дифференцированный подход к законодательству субъектов РФ с точки зрения выявления таких региональных законов, которые в безусловном порядке (как по материальному содержанию, так и по иным, в том числе формально-юридическим, признакам) могли бы рассматриваться как акты, имеющие конституционное значение и объективно нуждающиеся в конституционно-судебном нормоконтроле.

Применительно к нормативным правовым актам, прямо перечисленным в ст. 125 Конституции, КС РФ разграничил для целей разведения функций конституционного и административного видов нормоконтроля институциональные категории соответственно признания нормативного правового акта *недействительным* и признания его *недействующим*. Решение суда, которым тот или иной из вышеназванных нормативный правовой акт признан противоречащим федеральному закону, не является подтверждением недействительности этого нормативного правового акта, его отмены самим судом, тем более лишения его юридической силы с момента издания, а означает лишь признание его недействующим и, следовательно, с момента вступления решения суда в силу не подлежащим применению; как любое судебное решение, оно обязательно к исполнению всеми субъектами, которых оно касается. Иное не согласуется с конституционным полномочием органов и лиц обращаться в КС РФ с требованием о подтверждении конституционности нормативных актов уровня ниже федерального закона, как принятых в соответствии с установленным Конституцией разграничением компетенции между федеральными органами государственной власти².

¹ См. об этом, например: *Пушкарская А.* Валерий Зорькин нашел лишние полномочия у судов общей юрисдикции по проверке законов субъектов РФ // *Коммерсантъ*. 2017. № 69. С. 3.

² См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П; абз. 2 п. 2 мотивировочной части постановления КС РФ от 15 декабря 2003 г. № 19-П; определение КС РФ от 28 мая 2013 г. № 761-О.

Однако это вовсе не означает, что суды общей юрисдикции и арбитражные суды выведены из сферы функционально-правовых возможностей дисквалификации нормативных правовых актов, в том числе имплицитно в свете нарушения принципов, норм Конституции. КС РФ прямо указал на допустимость законодательного наделения иных, помимо конституционных (уставных), судов полномочием по проверке перечисленных в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 125 Конституции нормативных актов с точки зрения их соответствия федеральному закону, с тем чтобы могло иметь место признание проверяемого акта в случае его незаконности не только не подлежащим применению (недействующим), но и утрачивающим юридическую силу¹. Что же касается проверки судами нормативных правовых актов, не упомянутых в ст. 125 Конституции, то в данном случае отсутствуют конституционные основания для ограничения возможностей судов по дисквалификации таких нормативных правовых актов путем лишения их юридической силы вследствие противоречия иерархической субординации в правовой системе, нарушения прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. Это подтверждается и сделанным КС РФ выводом о том, что суд вправе признать нормативный правовой акт, который в соответствии со ст. 125 Конституции может быть проверен в процедуре конституционного судопроизводства, недействующим только с момента вступления решения суда в законную силу, тогда как иные нормативные правовые акты могут быть признаны судом недействующими как со дня их принятия, так и с иного указанного судом времени, в том числе со дня вступления решения суда в законную силу². Это является выражением самостоятельности судебной власти и одним из дискреционных полномочий, призванных обеспечить при определении судом момента, с которого будет признан недействующим нормативный правовой акт, учет судом в целях реализации принципа правовой определенности всех обстоятельств, свидетельствующих как о моменте, с которого оспариваемый нормативный правовой акт вошел в противоречие с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу, так и о реализации на основании этого нормативного акта прав и свобод граждан и организаций.

Вместе с тем нельзя не заметить, что при всех оговорках, касающихся разграничения признания нормативного правового акта недействительным или недействующим, остается весьма дискуссионным вопрос о совместимости с самой природой, предназначением, процессуальной формой административного судопроизводства рас-

¹ См. абз. 2 п. 3 резолютивной части постановления КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 8 февраля 2001 г. № 15-О.

² См. абз. 2—3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 28 мая 2013 г. № 761-О.

смотрения в таком порядке судами дел об оспаривании законов субъектов РФ, как это имеет место в настоящее время. Вряд ли есть сомнение в том, что законы субъектов РФ не могут быть отнесены к административному (подзаконному) нормотворчеству. Но если это так, то, вероятно, требуется применение для целей их проверки иных, адекватных нормоконтрольных процедур.

Судебный нормоконтроль связан с наступлением правовых последствий общего характера, которые распространяются на неопределенный круг лиц, являющихся субъектами отношений, урегулированной соответствующей нормой. В рамках анализа практики КС РФ уместно подчеркнуть, что это не предполагает отказ суда в принятии заявления о признании принятого и опубликованного в установленном порядке нормативного правового акта органа государственной власти противоречащим закону или прекращение производства по делу, если основания, указанные в заявлении, отличаются от оснований, по которым судом ранее было проверено соответствие этого нормативного правового акта закону¹.

Всего за период после введения в действия КАС РФ было принято уже более 100 решений КС РФ в связи с обращениями о проверке конституционности отдельных положений этого Кодекса. Это характеризует, с одной стороны, глубину осознания общественным мнением конституционной ценности административного судопроизводства как необходимого инструмента обеспечения прав и свобод личности во взаимоотношениях с носителями публичных полномочий. С другой — очевидным является и наличие потенциала для дальнейшего совершенствования, повышения качества процедур административного судопроизводства на основе последовательной реализации конституционных принципов правосудия.

Вполне оправданным является вытекающий, в том числе из практики КС РФ, методологический подход, согласно которому развитие административного судопроизводства должно происходить во взаимосвязи с совершенствованием законодательства, регулирующего процедуры выработки и принятия управленческих решений, осуществления юридически значимых действий, укрепления внесудебных юрисдикционных механизмов разрешения административно-правовых споров. В этом плане существенно актуализируется необходимость разработки федерального закона «Об административных процедурах», совершенствования регламентов исполнения публичных услуг и

¹ См. абз. 4 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 21 декабря 2004 г. № 397-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 20 октября 2005 г. № 360-О; определение КС РФ от 20 февраля 2007 г. № 150-О-О; абз. 2 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 28 мая 2013 г. № 760-О; п. 2¹ мотивировочной части определения КС РФ от 23 октября 2014 г. № 2516-О.

предоставления публичных услуг¹. Здесь могут быть востребованы сформулированные в многочисленных решениях КС РФ применительно к различным категориям дел правовые позиции, касающиеся возможности введения законодателем обязательного *досудебного порядка урегулирования правовых споров*². В наиболее концентрированном виде соответствующие подходы отражены в определениях КС РФ от 8 апреля 2003 г. № 158-О и от 29 мая 2003 г. № 202-О. Суть позиции КС РФ состоит в том, что досудебный порядок урегулирования правовых споров как таковой направлен на оперативное разрешение соответствующих конфликтов и не может рассматриваться как ограничение права на судебную защиту, поскольку, предусматривая возможность устранения нарушений уже на досудебной стадии, в том числе в рамках ведомственного контроля, он служит дополнительной гарантией государственной защиты прав и свобод, закрепленной в ч. 1 ст. 45 Конституции, а также поскольку не исключается для заинтересованного лица возможность обратиться в суд с жалобой на решение, состоявшееся по итогам досудебного разбирательства.

Таким образом, решения КС РФ по вопросам различных видов судопроизводства служат конституционным ориентиром развития законодательства по соответствующим направлениям, обеспечивают реализацию, укрепление судебной власти на основе вытекающих из верховенства права гуманистических идей справедливости, соразмерности, баланса частных и государственных интересов.

¹ См.: Семенихина А. Ю. Развитие административной юстиции в России: теоретические, правовые и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10, 57, 114, 180.

² См., например, определения КС РФ от 8 октября 1998 г. № 125-О, от 16 ноября 2000 г. № 238-О, от 17 октября 2001 г. № 198-О, от 2 октября 2003 г. № 393-О, от 20 ноября 2003 г. № 395-О, от 24 января 2013 г. № 122-О, от 29 мая 2014 г. № 1017-О, от 23 октября 2014 г. № 2481-О, от 24 марта 2015 г. № 663-О, от 10 марта 2016 г. № 448-О.

6. Конституционализация правовой жизни в контексте общепризнанных принципов и норм международного права

6.1. Судебная власть в механизме имплементации международно-правовых норм

Анализ проблем конституционализации правовой жизни посредством правосудия, т.е., по существу, судебного обеспечения прямого действия Конституции в режиме ее верховенства, предполагает в современных условиях правовой глобализации необходимость осмысления взаимосвязей конституционно-судебной и иной юрисдикционной практики в Российской Федерации, с одной стороны, и реализации международно-правовых норм — с другой. Речь идет в итоге о выявлении и обосновании соотношения прямого действия Конституции с имплементацией наднационального права, а также возникающих в рамках данных процессов взаимоотношений национальных и наднациональных юрисдикционных институтов, прежде всего в свете реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом ее интерпретации в практике ЕСПЧ.

При этом нельзя не учитывать, что сам институт имплементации имеет аксиологическую (ценностную) основу, и без учета национальных исторических, социокультурных ценностей в их соотношении с общепризнанными принципами и нормами международного права и получающими в них отражение общедемократическими ценностями имплементация международно-правовых норм в национальные правовые системы в принципе невозможна. Более того, ценностным по своей сути является уже сам по себе выбор государства в пользу международного правового сотрудничества, в том числе признание компетенции наднациональных юрисдикционных органов, общих пределов восприятия национальным правопорядком общепризнанных принципов и норм международного права, равно как и выбор конкретного характера (способа) восприятия и реализации того или иного принципа, нормы международного права или норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая практику ее толкования ЕСПЧ, во внутригосударственной практике правоприменения.

Судебные органы самым активным образом включаются в процессы международно-правового взаимодействия, что проявляется на уровне как наднациональной, так и внутригосударственной юстиции. Наднациональные суды служат существенным фактором поддержания жизнеспособности соответствующего конвенционного регулирования посредством реализации юстиционных контрольно-интерпретационных механизмов, направленных в том числе на обеспечение единообразия в толковании и применении международных правовых норм, а также на защиту прав граждан, их объединений от нарушения наднациональными органами. Наднациональные суды могут приобретать существенное собственно интегративное значение путем создания обоснованных, взвешенных, объединительных, неформализованных и убедительных решений¹.

Вместе с тем национальные судебные органы, безусловно, играют ключевую роль в имплементационном механизме². В рамках разделения властей они ответственны за реализацию принятых государством обязательств даже в случаях, когда другие ветви власти от этого уклоняются, а также способны восполнять дефицит властно-обеспечительных, контрольных средств реализации соответствующих обязательств, характерный для международного права. При этом очевидно, что национальные суды, будучи элементом конституционного механизма народовластия, призваны находить средства правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости, эффективный неполитизированный баланс коллизионных ценностей и интересов, связанных с приверженностью глобальному взаимодействию на началах конституционно-правовой идентичности, т. е. обеспечивать решение вопросов о восприятии международно-правовых норм в свете необходимости безусловного соблюдения требований Конституции в ее понимании, сложившемся в национальном социально-правовом

¹ См.: Дьяченко Е. Б., Мысливский П. П., Нешатаева Т. Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой. М., 2015.

² См. об этом подробнее: Бондарь Н. С. Ценностные начала судебной имплементации конвенционных требований в российскую правовую систему: из практики Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 2; Джага-рян А. А. Гармонизация национальной правовой системы и ее конституционно-судебное обеспечение в условиях глобализации // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19—21 мая 2016 г. СПб., 2016. С. 573—575; Жеребцова Е. Е. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в имплементации решений Европейского суда по правам человека // Право и политика. 2011. № 1; Морщакова Т. Г. Конституционная и судебная имплементация Европейской конвенции по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 24; Оганесян В. Конституционный Суд Республики Армения как важнейший инструмент имплементации международных обязательств страны по правам человека // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. Вып. 4 (70). С. 96—109.

контексте, включая его нормативный, доктринальный, общественно-культурный и иные аспекты. В этом плане вовлечение судебных органов в имплементационный механизм имплицитно предполагает юрисдикционную адаптацию норм международного права к национальному правопорядку, а судебно-правовые подходы как инструмент обеспечения правовой имплементации имеют универсальное значение, ведь правовые позиции, которые вырабатываются высшими судебными органами, являются обязательными и для исполнительной, и, что особенно важно, для законодательной власти.

При заметном повышении в последнее время уровня и качества участия судебных органов в правовой имплементации есть все основания для определенного разграничения функциональной роли судов различных юрисдикций в этом механизме применительно к европейским конвенционным требованиям. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды ориентированы в основном на применение европейских конвенционных норм исходя из установленного текущим законодательством на основании ч. 4 ст. 15 Конституции приоритета применения норм международного права как перед соответствующими, вступающими с ними в противоречие, правилами судопроизводства (ч. 3 ст. 3 АПК РФ, ч. 2 ст. 1 ГПК РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ, ч. 2 ст. 2 КАС РФ), так и перед иными отраслевыми нормами (в частности, ст. 4 БК РФ, ст. 7 ГК РФ, ст. 9 ЖК РФ, ст. 4 ЗК РФ, ст. 7 НК РФ, ст. 6 СК РФ, ст. 10 ТК РФ и др.). Суды также обеспечивают исполнение конкретных решений ЕСПЧ в рамках пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам (п. 4 ч. 2 ст. 311 АПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ). В разъяснениях Верховного Суда РФ, касающихся применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, подчеркивается, помимо прочего, что применение судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции, а неправильное применение судом соответствующих общепризнанных принципов и норм международного права может являться основанием к отмене или изменению судебного акта; если же при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер¹.

¹ См. п. 9—11 постановления Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (Российская газета. 2003. 2 дек.).

Несомненна, однако, особая роль в судебном механизме правовой имплементации европейских конвенционных требований конституционного правосудия, которое в силу своей природы и характера решаемых задач активно вовлекается (в том числе в зарубежных странах) в решение вопросов, связанных с принятием мер общего характера и, соответственно, имплементацией тех или иных норм Конвенции в национальное законодательство.

Так, решение судебного органа конституционного контроля может стать первым этапом принятия мер общего характера и, соответственно, имплементации тех или иных норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в национальное законодательство. Примером может служить, в частности, постановление КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П, которым Суд обязал федерального законодателя привести правовое регулирование надзорного производства в гражданском процессе в соответствии с признаваемыми Российской Федерацией конвенционными стандартами с учетом требований, предъявляемых в практике ЕСПЧ. Можно вспомнить также определение КС РФ от 3 июля 2008 г. № 734-О-П, содержащее требование «с учетом необходимости скорейшей реализации международно-правовых обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод» ввести в порядке специального законодательного регулирования эффективное средство правовой защиты от нарушений, связанных с неисполнением судебных решений, вынесенных по искам против государства и иных публичных образований, а до его введения обеспечить восполнение существующего пробела в законодательстве путем толкования и применения в судебной практике общих положений об ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) государственных органов, должностных лиц, иных публичных образований.

В качестве еще одного примера стоит назвать постановление КС РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П; его особенностью было то, что ЕСПЧ еще до рассмотрения данного дела в КС РФ принял решение по жалобе того же заявителя и, удовлетворив ее, отметил в ряду мер общего характера необходимость совершенствования национального законодательства, приведения его в соответствие с конвенционными требованиями. КС РФ, в свою очередь, признал неконституционными обжалуемые нормы, связанные с возможностью судебной защиты прав недееспособных лиц, восприняв подходы ЕСПЧ, что в последующем получило законодательную реализацию. Тем самым это решение КС РФ стало отправным импульсом и важным элементом государственного механизма имплементации соответствующих международно-правовых стандартов, выработанных ЕСПЧ.

Практике КС РФ известны и такие случаи, когда конвенционная норма в истолковании, приданном ей ЕСПЧ, напрямую интегрируется в резолютивную часть итогового акта конституционного правосудия и тем самым приобретает значение конституционного критерия оценки проверяемых норм, оказывает в рамках соответствующего решения КС РФ обладающее той же юридической силой регулирующее воздействие как на законодателя, так и на правоприменителя. Так, в постановлении КС РФ от 15 ноября 2016 г. № 24-П нормы УИК РФ в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания, дисквалифицированы КС РФ как не соответствующие ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 23 и ч. 3 ст. 55 Конституции во взаимосвязи со ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее интерпретации ЕСПЧ (п. 1 резолютивной части).

Сама постановка проблемы конституционализации национальной жизни в свете взаимосвязей национального и международного права вытекает в формально-юридическом плане из ч. 4 ст. 15 Конституции. Содержащиеся в этой норме положения о признании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой системы и их применении в случае установления иных правил, чем предусмотренные законом, в силу ст. 16 Конституции относятся к основам российского конституционного строя и имеют, как и иные конституционные нормы, прямое действие и высшую юридическую силу, обязывая и законодателя, и правоприменителя; они получают развитие, более объемное институциональное наполнение в иных конституционных нормах (ч. 1 ст. 17, ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 55, ст. 79).

На основе этих конституционных положений происходит проникновение наднациональных, в том числе европейских, правовых идей, ценностей, норм, институтов в пространство российской правовой системы, обеспечивается их определенное взаимодействие и вместе с тем открываются возможности для дополнительного гарантирования реализации национальных конституционных ценностей, принципов, норм на основе прямого действия Конституции, поддерживаемого наднациональными юридическими механизмами. Из ч. 4 ст. 15 Конституции во взаимосвязи с положениями ч. 1 той же статьи и ст. 16 следует, что прямое действие Конституции служит исходной нормативно-правовой основой для включения в российскую правовую систему наднациональных регуляторов, юрисдикционно-контрольных институтов, которые призваны в итоге обеспечивать — в силу императива их тождественности российскому конституционному строю — укрепление институциональных механизмов наиболее эффективной

и полной реализации ценностно-нормативного потенциала Конституции, усиление ее прямого действия. КС РФ в своих решениях указывал, что прямое действие свойственно и положениям международных правовых актов, таких, например, как Международный пакт о гражданских и политических правах и Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹, но характер их прямого действия иной, производный от прямого действия Конституции.

Здесь важно обратить особое внимание на три момента, которые, к сожалению, учитываются далеко не всегда, что порождает представления о якобы неоднозначности, противоречивости конституционного регулирования в части соотношения Конституции с наднациональным правом. В действительности, в Конституции этот вопрос решен однозначно и исчерпывающе. Во-первых, Конституция прямо и недвусмысленно утверждает свое верховенство на всей территории (ч. 2 ст. 4) и свою высшую юридическую силу перед любыми правовыми актами (ч. 1 ст. 15): ее учредительный, системообразующий характер несовместим с наличием в правовой системе актов выше ее по силе. Во-вторых, именно Конституция признает нормы наднационального права частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15), т. е. статусные, функционально-целевые, иерархические и иные характеристики, касающиеся их места и роли в правовой системе, производны от Конституции. Наконец, в-третьих, содержащееся в ч. 4 ст. 15 Конституции коллизионное регулирование, связанное с возможной несогласованностью внутригосударственных и международно-правовых источников, со всей определенностью предполагает, что нормы наднационального права: а) обладают именно и только правоприменительным коллизионным приоритетом и этим не ставится под сомнение действительность, юридическая сила соответствующих внутригосударственных норм; б) подлежат применению в случае возникновения коллизии с положениями актов ниже уровня Конституции.

Нашедшее отражение в Конституции понимание ее соотношения с наднациональными источниками соотносится с самой природой международного права, которое выступает, по сути, методом коллективного государственного правотворчества, ориентированного на внутригосударственное исполнение и применение². Поскольку основанием международного права служит консолидированная дипломатическим процессом конституционно обусловленная государственная воля, признание и уважение национально-государственного суверенитета, включая верховенство правовой системы, отражает объектив-

¹ См., например, абз. 7 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 15 января 2016 г. № 186-О.

² См. об этом: *Вельяминов Г. М.* Международное право: опыты. М., 2015. С. 149–152.

но-принципный аспект международного права, служащего порождением, источником поддержания и укрепления суверенно-государственного партнерства и одновременно цивилизованной, отвергающей агрессивное насилие формой преодоления межгосударственных разногласий. Понимание международного права с позиции реализуемого в условиях формального равенства признания и уважения государственного суверенитета предполагает необходимость учета того обстоятельства, что национальный правовой порядок не только не противостоит международному, а как бы прирастает его нормативным потенциалом, обретая в нем продолжение и подкрепление. Международно-правовые нормы не существуют в отрыве от национального права, состоят в неразрывном системно-смысловом единстве, не могут приобретать регулятивные направления и формы, нерелевантные его (национального права) фундаментальным основам. Как таковое международное право не умаляет государственный суверенитет, в том числе созданием конвенционных органов, уполномоченных принимать обязательные решения по спорам о договорных правах и обязанностях государств-участников, поскольку, как подчеркнул КС РФ, подобное обязательство принимается посредством согласования позиций суверенных государств, воли которых юридически равноправны¹.

В русле этих отправных подходов конституционно-методологического плана должен вестись поиск оптимальных механизмов взаимоотношений национального и наднационального, включая европейский, правовых порядков, эффективных путей преодоления противоречий. Вполне оправданно исходить из того, что успешность самих процессов по укреплению правового сотрудничества в современной Европе и формированию европейского конституционализма, в рамках которого Конвенция о защите прав человека и основных свобод служит неким воплощением прямого действия верховенства права, во многом обуславливается учетом социокультурного многообразия, лежащего в основе европейской традиции права и определяющего ее богатство. Поэтому и движение к европейскому конституционализму, вероятно, не может строиться посредством бескомпромиссной стандартизации по декларируемому принципу: «никаких “если”, никаких “но”, никакой зависимости от культурных особенностей»², а призвано отразить национально-конституционную интеграцию через взаимообогащение государственно-правовых систем при сохранении юридического суверенитета.

¹ См. п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П.

² См.: Конвенция по правам человека под угрозой. Выступление Генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда на заседании ПАСЕ (Страсбург, 26 января 2016 г.). URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/01/26/7043923/> (дата обращения: 01.12.2016).

Гармонизация национальной правовой системы в условиях международного сотрудничества не может оцениваться вне конституционного измерения, и в этом плане сама имплементация международно-правовых норм в национальную правовую жизнь выступает, по сути, специфическим преломлением конституционализации. Такой подход не снимает, однако, проблему взаимодействия национального и наднационального права, которая может приобретать особую коллизионную остроту в случаях, когда проводником, интегратором международно-правовых норм в национальные правовые системы выступают не сами по себе национальные государства, принявшие на себя соответствующие обязательства, но и наряду с ними специализированные юрисдикционно-контрольные органы, включая ЕСПЧ, призванные обеспечивать соблюдение международного (регионального) права, в том числе посредством привлечения национальных государств к ответственности за нарушение тех или иных международных (региональных) обязательств.

Теория европейского конституционного права до настоящего времени не выработала универсальных подходов к проблемам оснований и пределов правовой имплементации конвенционных требований в их истолковании ЕСПЧ, в том числе применительно к ситуациям расхождения в позициях ЕСПЧ и национального органа конституционного контроля. Несмотря на довольно длительный период существования Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ее контрольного органа, единая методология решения связанных с этим вопросов вызывает острые дискуссии, с трудом вырабатывается правоприменибельной и конституционно-судебной практикой национальных государств. В частности, она получила весьма обстоятельную — и, надо признать, не во всем общепризнанную — проработку в практике Федерального Конституционного суда ФРГ. Этот Суд исходит из того, что предметом проверки ЕСПЧ являются решения и действия национальных властей, а не нормативные правовые акты; в соответствии со своей компетенцией ЕСПЧ не определяет конкретные субъективные права и обязанности заявителя, а потому его решения, являясь основанием для восстановления нарушенных конвенционных прав и свобод, должны исполняться в системе внутригосударственного права с учетом всего комплекса фактических обстоятельств по делу лица, в отношении которого ЕСПЧ признано нарушение Конвенции. В рамках этой логики Федеральный Конституционный суд ФРГ не считает, что принятие ЕСПЧ решения о наличии или, напротив, об отсутствии нарушения конвенционных прав гражданина со стороны национальных властей устраняет предмет конституционного контроля и выводит за пределы допустимости конституционную жалобу на нарушение прав и свобод человека и гражданина нормами внутриго-

сударственного права, примененными при тех фактических обстоятельствах, которые уже получили конвенционную оценку ЕСПЧ. В решении Федерального Конституционного Суда ФРГ от 4 мая 2011 г.¹ (2 BvR 2365/09; 2 BvR 740/10; 2 BvR 2333/08; 2 BvR 1152/10; 2 BvR 571/10) подчеркивается, что гарантии, содержащиеся в Конвенции, имеют конституционно-правовое значение в том смысле, что они влияют на толкование основных прав и принципов правового государства в Основном законе, и, соответственно, текст Конвенции и практика ЕСПЧ служат инструментами толкования, если это не ведет к неодобряемому самой Конвенцией ограничению или умалению защиты основных прав. При этом обращение к указанному интерпретационному инструментарию не предполагает проведение схематических параллелей отдельных конституционно-правовых понятий, а должно служить тому, чтобы избежать нарушений международного права — содержание прав человека в конкретном международном договоре должно быть переосмыслено в рамках активного процесса рецепции в контекст принимающего правопорядка, а границы международно-правового толкования задаются Основным законом; возможности соответствующего Конвенции толкования заканчиваются там, где оно становится невозможным в соответствии с признанными методами толкования законов и интерпретации конституций.

В этом плане важно обратить внимание на то, что эта Конвенция безотносительно к имеющейся дискуссии о ее природе как международного договора особого рода, без сомнения, регулирует универсальные для стран — участниц Совета Европы вопросы конституционного значения. Этот факт сам по себе, независимо от особенностей национальных конституционных систем с точки зрения их отношения к общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам, можно квалифицировать как признание Конвенции в качестве своего рода *квазиконституционного акта*. Вместе с тем в этом качестве Конвенция не может рассматриваться как часть национальной конституционной системы, по крайней мере до тех пор, пока сама конституционная система государства (как, например, это имеет место в Австрии, Швейцарии) не признает за ней такое значение. Но не менее важен и другой аспект: даже для тех стран, в которых нормы Конвенции обладают статусом обычного закона (Италия, Испания, Турция, Греция, Португалия, Финляндия, Дания и др.), очевидным является *конституционное значение этого акта*, прежде всего с точки зрения закономерностей формирования общеевропейского конституционного пространства.

¹ См.: URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2011/05/rs20110504_2bvr236509.html (дата обращения: 01.12.2016).

Но это, однако, не означает, что нормативные положения Конвенции, имеющие подвижное, динамичное содержание в свете прецедентной практики ЕСПЧ, не требуют своей имплементации в увязке с обеспечением прямого действия Конституции. Последовательно признавая за решениями ЕСПЧ юридическую ценность для правоприменительной и нормотворческой имплементационной практики, КС РФ исходит из *принципиального тождества юридической природы конституционных и наднациональных конвенционных прав*¹. Следует сказать, что сама постановка вопроса о приоритете конвенционных требований перед конституционными требованиями является некорректной. Конвенция защищает права не в абстрактном смысле, а в их определенном понимании, которое, являясь тождественным сложившимся представлениям на уровне национальных конституционных правопорядков государств-участников, воспринято и зафиксировано в рамках общеевропейского консенсуса. Конвенционный механизм является субсидиарным развитием национально-конституционных средств обеспечения прав и свобод, и в итоге речь должна идти о поиске оптимальных в конкретном контексте условий, форм их сбалансированной реализации².

В этом находит подтверждение тот факт, что происходит не только прямое влияние международных (европейских) институтов защиты прав человека на национальные конституционные системы, но и своего рода конституционализация общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе проникновение внутригосударственных юридико-правовых (конституционных) начал в сферу международных отношений, определяющих, в частности, сферу европейского конституционного пространства.

В то же время нельзя не признать, что режим взаимоотношений ЕСПЧ с национальными органами конституционной юрисдикции находится в стадии формирования, а его реализация не может не учитывать как специфику юрисдикционного статуса ЕСПЧ, так и особенности конкретного национального конституционного правопорядка, включая место и роль института конституционного правосудия.

¹ См. абз. 2 п. 3³ мотивировочной части постановления КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П.

² Характерно, что сам ЕСПЧ в ряде случаев прямо указывает на необходимость соотнесения применимого к делу правового подхода с социальной, культурной, политической средой, историческими и иными традициями государства. См., например, § 103 постановления ЕСПЧ от 16 марта 2006 г. по делу Жданок (Zdanoka) против Латвии (жалоба № 58278/00) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72794> (дата обращения: 01.12.2016)); § 68 постановления ЕСПЧ от 18 марта 2011 г. по делу Лаутси и другие (Lautsi and others) против Италии (жалоба № 30814/06) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104040> (дата обращения: 01.12.2016)); § 158 постановления ЕСПЧ от 9 октября 2014 г. по делу Лисейцева и Маслов (Liseyitseva and Maslov) против Российской Федерации (жалобы № 39483/05 и 40527/10) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-146774> (дата обращения: 01.12.2016)).

6.2. О юридической силе решений Европейского суда по правам человека

Юрисдикция ЕСПЧ в отношении Российской Федерации и характер принимаемых им решений опосредованы нормами Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также требованиями Конституции РФ и федерального законодательства.

Российская Федерация признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов¹. Но из этого вытекает обязательность для нее не всех решений ЕСПЧ, а лишь той части его практики, которая сформирована в связи с рассмотрением дел о нарушениях Россией конвенционных обязательств. Решения, вынесенные в отношении иных государств, могут связывать Россию лишь в части официальной интерпретации Конвенции.

Спецификой правовой природы ЕСПЧ, сочетающего юрисдикционно-контрольную (правоприменительную) и интерпретационную функции, определяется то, в каком качестве его решения присутствуют в составе российской правовой системы.

Во-первых, они служат *актами казуального решения споров* о соответствии решений и действий (бездействия) российских властей Конвенции и в этом аспекте имеют предметные и субъектные пределы действия с обратной силой в случае установления конвенционного нарушения. По общему правилу они имеют последствия для судебных актов, вынесенных по конкретному делу и в отношении конкретного заявителя², что не исключает их распространения и на иных находящихся в аналогичном с заявителем положении граждан как участников тех же конкретных правоотношений³. При этом не предполагается обязанность судов безусловно удовлетворять соответствующие заявления — вопрос о возможности пересмотра окончательных судебных постановлений разрешается судом в конкретном деле, исходя из его фактических обстоятельств⁴.

¹ См. ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514).

² См., например, абз. 3 п. 2² мотивировочной части определения КС РФ от 26 мая 2016 г. № 1106-О.

³ Например, на соистцов по делу, применительно к которому констатировано нарушение Конвенции. См. определения КС РФ от 7 июня 2011 г. № 8 53-О-О, от 4 апреля 2013 г. № 504-О и от 22 апреля 2014 г. № 919-О.

⁴ См. определения КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2118-О и от 14 января 2016 г. № 13-О.

На неавтоматический порядок пересмотра решений национальных судов вследствие установления нарушения конвенционных прав ЕСПЧ ориентирует и Комитет Министров Совета Европы, который в Рекомендации от 19 января 2000 г. R (2000) 2 о пересмотре дел и возобновлении производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями ЕСПЧ¹, признавая обязанность государства-ответчика осуществлять меры, обеспечивающие, насколько возможно, восстановление той ситуации, в которой лицо находилось до нарушения государством Конвенции (*restitutio in integrum*), отмечает вместе с тем, что основанием для пересмотра судебного акта является не всякое установленное ЕСПЧ нарушение Конвенции, и подчеркивает его необходимость именно в том случае, когда потерпевшая сторона продолжает испытывать влияние негативных последствий от решения национальной инстанции, которое не обеспечивает справедливой компенсации и не может быть изменено путем пересмотра или возобновления производства по делу, притом что решение национальной инстанции по существу противоречит Конвенции либо признанное нарушение основывается на процедурных ошибках или нарушениях, столь серьезных, что они оказывают влияние на результаты внутригосударственного разбирательства.

Соответственно, КС РФ исходит из того, что принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления ЕСПЧ в случае, если нарушенное право не может быть восстановлено путем присуждения и выплаты денежной компенсации и для устранения нарушения требуется преодоление окончательности судебного акта, вступившего в законную силу, институциональные и процедурные условия его пересмотра — учитывая конституционное и международно-правовое требование стабильности актов правосудия — должны исключать возможность безосновательного возобновления судебного разбирательства, не вытекающего из выводов, содержащихся в соответствующем решении ЕСПЧ, которым хотя и признано нарушение Конвенции в отношении заявителя, но не связанное с самим судебным разбирательством и не повлиявшее на исход дела². В свете этого подхода КС РФ пришел к выводу, что при решении вопроса о возобновлении производства по уголовному делу в связи с констатацией ЕСПЧ нарушения конвенционных прав не исключается необходимость оценки того, оказало ли соответствующее нарушение определяющее влияние на формирование доказательственной базы по уголовному делу и, как следствие, на правосудность приговора,

¹ См.: URL: <http://docs.cntd.ru/document/901802716> (дата обращения: 01.12.2016).

² См. абз. 4 п. 3 мотивировочной части определения КС РФ от 14 января 2016 г. № 14-О.

вследствие чего приговор и мог бы быть поставлен под сомнение, притом что, в частности, признание факта незаконности содержания под стражей или неудовлетворительных условий такого содержания само по себе не является обстоятельством, исключающим преступность и наказуемость деяния¹.

Во-вторых, значение для правовой системы постановлений ЕСПЧ как *актов официального, нормативно значимого толкования Конвенции* состоит в том, что они связывают содержащейся в них интерпретацией конвенционных прав и свобод российские власти относительно к тому, сформулирована ли эта интерпретация в деле в отношении Российской Федерации или же иного государства. Решения ЕСПЧ — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, — являются, согласно правовой позиции КС РФ, составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права².

Все это позволяет судебным органам, включая КС РФ, активно обращаться к прецедентной практике европейского конвенционного контроля, в том числе для целей адекватного выявления смысла подлежащих применению нормативных положений, разрешения нормативных коллизий и восполнения пробелов в законодательстве, усиления правовой аргументации.

Конвенционно-интерпретационный аспект правового статуса ЕСПЧ в сочетании с обыкновением принятия национальными властями мер как индивидуального характера по исполнению решения ЕСПЧ, так и общего характера, направленных на недопущение возможного повторения подобных нарушений в будущем, может создавать ложное ощущение сходности правового эффекта конвенционно-контрольных актов и правовых последствий конституционно-судебного нормоконтроля. Хотя добросовестное следование принципу *parata sunt servanda* обязывает национальные власти принять все возможные и зависящие от них меры по исполнению решения, установившего нарушение Конвенции, это вовсе не означает, что само такое решение ЕСПЧ может считаться юридическим фактом, определяю-

¹ См. абз. 5 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 24 марта 2015 г. № 620-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 26 апреля 2016 г. № 908-О; абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения КС РФ от 29 сентября 2016 г. № 2029-О.

² См. абз. 2 п. 2¹ мотивировочной части постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П.

шим действие или тем более действительность той или иной нормы национального права. Более того, следование правовой аксиоме *pacta sunt servanda* корреспондирует с таким же по характеру требованием *facta contra jus non valere*, отрицающим легальность совершаемого вопреки праву. Нет оснований сомневаться, что легитимация международного договора, в том числе Конвенции, должна восходить в итоге — и прежде всего — к конституции как высшей форме выражения всего политико-правового бытия народа. Государство, чтобы удерживаться в состоянии правопорядка, не может произвольно уклоняться от взятых на себя международных обязательств, но и не правомочно безоговорочно исполнять все такие обязательства любой ценой, поскольку ничто не может являться основанием для отказа в уважении присущего каждой личности человеческого достоинства, и международные, в том числе юрисдикционные, механизмы носят в его обеспечении субсидиарный характер. Не имеет значения, насколько далеко ЕСПЧ счел возможным зайти в критических оценках в отношении предпосылок и условий, приведших к нарушению Конвенции, включая дискреционное формулирование абстрактных позиций применительно к существующим, по мнению ЕСПЧ, национально-нормативным факторам.

ЕСПЧ не раз отмечал, что не рассматривает отвлеченно совместимость с Конвенцией положений законодательства и практики, решая только вопрос о том, привело ли к нарушению Конвенции применение тех или иных правил в рассматриваемом деле¹. Но реальность такова, что Суд нередко формулирует оценочные суждения в отношении национальных норм, в том числе конституционных, если видит в них предпосылки конвенционно-дефектного правоприменения². Хотя подобная трактовка его компетенционных возможностей может

¹ См., например, § 39 постановления ЕСПЧ от 21 февраля 1975 г. по делу Голдер (Golder) против Соединенного Королевства (жалоба № 4451/70) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57496> (дата обращения: 01.12.2016)); § 60 постановления ЕСПЧ от 25 марта 1999 года по делу Николова (Nikolova) против Болгарии (жалоба № 31195/96) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58228> (дата обращения: 01.12.2016)); § 101 постановления ЕСПЧ от 8 ноября 2011 г. по делу Якубов (Yakubov) против Российской Федерации (жалоба № 7265/10) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-107329> (дата обращения: 01.12.2016)).

² Так, в одном из постановлений ЕСПЧ установил, что государства-участники призваны обеспечивать соблюдение Конвенции в рамках их юрисдикции в целом, которая часто осуществляется в первую очередь за счет Конституции, и то обстоятельство, что ограничения, возложенные на заявителей, проистекают непосредственно из Конституции, не препятствует рассмотрению дела ЕСПЧ. См. § 48—52 постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации (жалобы № 11157/04 и 15162/05) (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122260> (дата обращения: 01.12.2016)).

находить инициативную поддержку в отдельных государствах-участниках, это не изменяет предназначения ЕСПЧ, который, по замыслу Конвенции, нормоконтрольными полномочиями не обладает. Позиция России в этом вопросе однозначна, она получила в том числе конституционно-судебное подкрепление: к компетенции ЕСПЧ как субсидиарного межгосударственного судебного органа по разрешению конкретных дел, отмечается в одном из решений КС РФ, не относится осуществление нормоконтроля, т. е. проверка внутригосударственного законодательства на предмет его соответствия Конвенции¹.

6.3. Национальная и конвенционная юрисдикции: не противостояние, а диалог

С расширением взаимодействия национальной правовой системы и наднационального права, все более активным проникновением в нее прецедентных актов европейской конвенционной юрисдикции связано возможное возникновение различного рода конфликтов, коллизий, противоречий, которые могут приобрести особенно острый, принципиальный характер в случае расхождения во мнениях ЕСПЧ и КС РФ относительно обстоятельств одного и того же (или аналогичного) дела.

Впервые такая ситуация возникла в связи с нашумевшим делом Константина Маркина, в рамках которого ЕСПЧ, в отличие от КС РФ², признал дискриминацией отсутствие у мужчин-военнослужащих возможности воспользоваться отпуском по уходу за ребенком³. Сама подобная коллизионность служит в своей основе естественным рефлекторным отражением объективных различий ценностных начал конвенционной и национальной конституционной юрисдикций, многообразия национальных судебных доктрин, и поэтому ее спекулятивные оценки в духе конфронтационного подхода неприемлемы, а следует взять за основу координаты достижения компромисса, баланса интересов и ценностей. Нельзя не согласиться с тем, что негативный фон, сложившийся в международных отношениях применительно к России, не является обязательным условием для

¹ См. абз. 3 п. 1³ мотивировочной части постановления КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П.

² См. определение КС РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О.

³ См. постановления ЕСПЧ по делу Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации (дата обращения: 01.12.2016): от 7 октября 2010 г. (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100926> (дата обращения: 01.12.2016)); от 22 марта 2012 г. (URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109868> (дата обращения: 01.12.2016)).

самой постановки вопроса о месте решений ЕСПЧ в правовой системе России и порядке их реализации, поскольку этот вопрос не чисто российский и не порожден исключительно желанием России достойно ответить на принятые в отношении нее негативные меры¹.

Коллизии между национальной и наднациональными юрисдикциями имеют, по сути, конституционный характер, и в основе их устранения должно лежать требование обеспечения безусловного верховенства и прямого действия Конституции. Именно из этих концептуальных позиций исходил КС РФ при оценке конституционности ряда законоположений, на основании которых подлежит разрешению вопрос об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления ЕСПЧ, возлагающего на государство обязательства, не согласующиеся с Конституцией². Ни Конвенция, ни основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, полагает КС РФ, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции (абз. 2 п. 2² мотивировочной части постановления от 14 июля 2015 г. № 21-П). В связи с этим в п. 5³ мотивировочной части названного постановления установлено, что, если действия и решения, которые требуются для исполнения постановления ЕСПЧ, могут привести к нарушению Конституции, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России, и данный вопрос подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства.

Сформулированные КС РФ подходы к реализации в российской правовой системе решений ЕСПЧ не только получили законодательное закрепление, но и были универсализированы путем распространения на все другие межгосударственные органы по защите прав человека³. КС РФ со своей стороны исходит из того, что международное сотрудничество России, опирающееся на универсальные конституционные принципы, предполагает принципиальную общность правовых начал взаимодействия национальных и наднацио-

¹ См.: *Маерин С. П.* Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1.

² См. постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

³ См. Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”».

нальных, включая юрисдикционные, органов независимо от характера, направлений такого взаимодействия. Соответственно, участие России в евразийской интеграции не образует каких-либо предпосылок для отступления от принципа верховенства Конституции и обязанности обеспечивать конституционно признаваемые права и свободы, и потому формулируемые созданным в порядке такой интеграции наднациональным юрисдикционным органом правовые позиции также не могут служить основанием для отступления от содержащегося в Конституции требования признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина не только согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и в соответствии с Конституцией; органы государственной власти Российской Федерации, включая суды, должны применять право Евразийского Союза в системе действующего правового регулирования с учетом требований Конституции, основанных на них правовых позиций КС РФ и законодательства Союза, не допуская при этом нарушений конституционных прав и свобод граждан и их объединений (юридических лиц)¹.

В то же время следует акцентировать внимание на том, что, отстаивая безусловный приоритет Конституции, КС РФ явным образом заявил о стремлении к поиску наиболее сбалансированных решений в рамках международного правового сотрудничества. Как прямо отмечено в абз. 5 п. 6 мотивировочной части постановления КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, если Конституция не позволяет согласиться с отдельным постановлением ЕСПЧ, КС РФ обязан отразить это несогласие в своем решении, но вместе с тем, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление ЕСПЧ, КС РФ «готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция». Свое подтверждение и развитие этот подход, основанный на понимании того, что только диалог позволяет добиться надлежащего равновесия между различными правовыми системами, получил и в первом рассмотренном Конституционным Судом деле о возможности исполнения в соответствии с Конституцией постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу Анчугов и Гладков против России². Построенный по методу «расщепления» итоговый вывод как раз обозначает перспективы встречного движения россий-

¹ См. определения КС РФ от 3 марта 2015 г. № 417-О, от 2 апреля 2015 г. № 583-О, от 21 мая 2015 г. № 1095-О, от 16 июля 2015 г. № 1792-О, от 29 сентября 2015 г. № 1903-О.

² См. постановление КС РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П.

ской правовой системы в направлении гармонизации с конвенционными требованиями в электоральной сфере и одновременно границы, выход за которые недопустим под угрозой утраты национальной конституционной идентичности. Европейский конвенционный порядок, опирающийся на уважение общего наследия политических традиций Высоких Договаривающихся Сторон (преамбула Конвенции), подразумевает наличие консенсуса как предпосылки и условия динамической нормативно значимой интерпретации образующих его принципов, а национальные конституционные суды не могут быть лишены возможности, — не переходя, однако, границы того, что образует собственную юрисдикцию конвенционного органа, — осуществлять контроль *ultra vires* в тех случаях, когда становится очевидным, что действия европейских органов осуществляются вне переданной компетенции.

Безусловно, в наиболее острой форме коллизионные взаимоотношения национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций проявились в связи с разрешением КС РФ вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ (постановление от 19 января 2017 г. № 1-П). Особенность дела состояла в том, что:

во-первых, постановление ЕСПЧ, проверку возможности исполнения которого в соответствии с Конституцией инициировало Министерство юстиции РФ, было вынесено по вопросу о справедливой компенсации и являлось дополнением к основному постановлению ЕСПЧ по данному делу от 20 сентября 2011 г. — ЕСПЧ обязал Россию, как признанную нарушившей ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, выплатить акционерам компании-заявительницы в возмещение материального ущерба, включая компенсацию понесенных ею инфляционных потерь, 1 866 104 634 евро;

во-вторых, нарушение конвенционных прав и, соответственно, основание для выплаты указанной компенсации ЕСПЧ усмотрел в применении в отношении компании-заявительницы норм российского права, относительно которых на момент рассмотрения дела в ЕСПЧ состоялись итоговые акты конституционного правосудия — постановления КС РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П и от 14 июля 2005 г. № 9-П, которыми соответствующие законоположения не были признаны неконституционными; более того, ЕСПЧ в основном постановлении счел, что, по существу, именно постановлением КС РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П было обусловлено придание вновь сформированной в этом акте интерпретации ст. 113 НК РФ о трех-

летнем сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений ретроактивного действия и применение ее судами в отношении компании-заявительницы, что повлекло взыскание с нее, по мнению ЕСПЧ, вопреки требованиям ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, налоговых штрафов; соответственно, поставленный перед КС РФ вопрос касался возможности исполнения постановления ЕСПЧ в соответствии с Конституцией в ее интерпретации в итоговом, постановляющем акте конституционного правосудия;

в-третьих, в обоснование своей позиции по делу заявитель выдвинул довод о нарушениях, допущенных в ходе разбирательства в ЕСПЧ, сославшись на то, что адвокат, защищавший интересы компании-заявительницы, не является надлежащим представителем в деле «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» против России»; тем самым предполагалось, что КС РФ правомочен вступить в обсуждение процедурных моментов осуществления европейской конвенционной юрисдикции.

КС РФ не нашел процессуальных преград рассматривать дело по существу, признав по умолчанию, что в любой своей части постановление ЕСПЧ может быть подвергнуто конституционно-судебной оценке на предмет исполнимости в соответствии с Конституцией. В общем это вытекает из самого существа данного вида производства в КС РФ, призванного обеспечить соблюдение конституционно-правового режима реализации Россией возложенных на нее международных обязательств. Даже если таковые носят сугубо имущественный характер, касаются применения индивидуальных мер или выплаты компенсации, в основе их формирования, установления лежит определенная интерпретация конвенционных положений, определяющих правовой статус личности и корреспондирующие требования к публичной власти, что и обуславливает ту или иную квалификацию конкретных действий национальных органов в отношении заявителя. Но если положениям Конвенции был придан смысл, выходящий за рамки условленного значения, оговоренного национальными властями при вступлении в международный договор в соответствии с требованиями конституционного правопорядка, не могут считаться совместимыми с Конституцией и находить применение в национальной правовой системе не только нормативные, но и иные правовые последствия такой интерпретации, во всяком случае они не могут рассматриваться как имеющие обязывающее юридическое значение.

Вполне естественно, в том числе в свете уже сложившихся конституционно-судебных подходов, не вызвало сомнений у КС РФ и то,

что критерием оценки исполнимости постановления ЕСПЧ являются не нормы Конституции *per se*, а их интерпретация в практике КС РФ. Конституционный правопорядок, не отвергающий конституционное правосудие, не может оправдывать и оказывать поддержку возможностям легального неисполнения итогов актов конституционного правосудия, являющихся окончательными, неопровержимыми и находящимися в прямой нормативной связи с Конституцией, чем бы подобные отступления ни мотивировались, — итоговое решение КС РФ, воплощающее в себе начала верховенства, прямого действия, высшей юридической силы Конституции, связывает публичную власть универсальным образом как во внутрисударственных, так и в международных отношениях.

Вместе с тем конституционно-судебный контроль исполнимости актов конвенционной юрисдикции терпит ограничения, обусловленные разграничением и известной автономностью конституционного и конвенционного правопорядков, равно как и признанием прерогатив ЕСПЧ как органа, действующего на универсальных, общепризнанных принципах судебной власти. Вопросы процедуры конвенционного контроля не образуют предмет конституционно-судебной проверки, поскольку это не относится к вопросу о возможности исполнения в соответствии с Конституцией постановления ЕСПЧ. Впрочем, Российское государство, очевидно, не могло бы считать себя связанным конвенционно-контрольным актом, процедура принятия которого испытала искажения столь существенные, что его невозможно считать актом правосудия, отвечающим требованиям равенства, состязательности, справедливости, и, соответственно, наличие явных и фундаментальных по своему характеру отступлений от общепризнанных принципов правосудия, вероятно, может не исключать возможность соответствующего реагирования конституционного правосудия на оценку исполнимости конкретного конвенционно-контрольного акта.

Что касается существа дела, то КС РФ признал исполнение постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. невозможным: сама по себе выплата присужденной ЕСПЧ бывшим акционерам компании, выстроившей незаконные схемы уклонения от налогообложения, их наследникам и правопреемникам столь значительной денежной компенсации из той бюджетной системы, которая регулярно не получала от нее в должном объеме огромные суммы налоговых платежей, необходимые в том числе для выполнения публичных обязательств перед всеми гражданами, преодоления финансового и экономического кризиса, отмечается в абз. 3 п. 4⁵ мотивировочной части постановления КС РФ,

противоречит конституционным принципам равенства и справедливости в налоговых правоотношениях.

Не вступая в детальное обсуждение содержательных моментов принятого КС РФ решения применительно к акту европейской конвенционной юрисдикции, мотивированному едва ли строго правовой логикой, стоит остановиться на двух основных моментах, вытекающих из постановления КС РФ и имеющих в общем принципиальное значение для развития дальнейшей практики взаимодействия соответствующих юрисдикций.

Во-первых, постановление КС РФ от 19 января 2017 г. № 1-П вполне определенно свидетельствует о том, что во взаимоотношениях с европейской конвенционной юрисдикцией, имеющей субсидиарный характер, существует имманентный конституционному правопорядку ограничитель в виде национальной преюдиции, которая не может опровергаться применительно к толкованию норм конституционного уровня, характеризующих основное ядро национальной правовой системы. Конвенция, имея бесспорно фундаментальный характер, в то же время не является универсальным актом, регулирует один из аспектов взаимоотношений личности и публичной власти, характеризующий общие начала свободы человека, и ни сама по себе, ни в интерпретационном развитии не может претендовать на замещение конституционного регулирования, определяющего систему государственности во взаимоотношении, неразрывных связях и взаимозависимостях всех элементов конституционного строя. Примат сегментного правового акта, каковым является Конвенция, над универсальным, каковым является Конституция, не сулит, однако, безусловной пользы и правам, свободам личности, которые из сложившегося конституционного правопорядка, включая мировоззрение, правопонимание, традиции, навыки, опыт и т. п., выпасть не могут.

Во-вторых, КС РФ смог продемонстрировать, что даже в наиболее трудных вопросах его готовность к диалогу сохраняет свое значение. Не признавая соответствующей Конституции императивную обязанность исполнения постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 года, КС РФ тем не менее не исключил возможности проявления Россией доброй воли в определении пределов такого компромисса и механизмов его достижения в отношении акционеров ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»», пострадавших от неправомερных действий компании и ее менеджмента. В связи с этим в постановлении подчеркивается, что Правительство РФ правомочно инициировать рассмотрение вопроса о выплате соответствующих сумм в предусмотренной российским и зарубежным законодательством процедуре распределения вновь выявленного имущества ликвидированного юридического лица, что мо-

жет быть осуществлено только после расчетов с кредиторами и принятия мер по выявлению иного имущества (например, сокрытого на зарубежных счетах); однако такая выплата в любом случае не должна затрагивать доходы и расходы бюджета, а также имущество Российской Федерации.

Формирующаяся конституционно-судебная практика взаимодействия с европейской конвенционной юрисдикцией в условиях вновь созданного специального механизма проверки исполнимости постановления ЕСПЧ в рамках соблюдения требований Конституции обнаруживает немало острых и нетривиальных вопросов, в том числе процедурно-процессуального характера, которые требуют осмысления и поиска взвешенных решений. Во всех ли случаях использование лицом, в отношении которого ЕСПЧ установлено нарушение конвенционных прав, отраслевого процессуального механизма пересмотра дела должно считаться обязательной предпосылкой для возбуждения конституционного судопроизводства, если КС РФ до разбирательства в ЕСПЧ отказал в принятии жалобы того же лица к рассмотрению, не обнаружив признаков конституционно-дефектной неопределенности, а заявитель, получив удовлетворение на конвенционном уровне, полагает, что исполнение вынесенного по его жалобе решения ЕСПЧ связано с необходимостью возвращения к вопросу об оценке норм закона, на основании которых было решено его конкретное дело, на предмет их соответствия Конституции?

Как соотносится (и разграничивается) использование предусмотренных действующим законодательством, с одной стороны, механизма конкретного конституционного нормоконтроля, в рамках которого не исключается возможность, в том числе для лиц, не являвшихся участниками производства по делу в ЕСПЧ, поставить вопрос о конституционности примененной в их конкретном деле национальным судом той же нормы закона, в связи с применением которой впоследствии в аналогичном деле ЕСПЧ было установлено нарушение конвенционных прав, а с другой — специальных судебно-конкретного (ч. 2 ст. 101 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») и административно-абстрактного (гл. XIII¹ ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») механизмов, призванных целенаправленно обеспечивать реализацию мер по проверке соответственно конституционности норм национального законодательства в свете вновь принятого постановления ЕСПЧ и исполнимости постановления ЕСПЧ в свете требований Конституции? Этот вопрос приобрел тем более высокую актуальность после принятия КС РФ постановления от 15 ноября 2016 г. № 24-П, в котором КС РФ после принятия постанов-

ления ЕСПЧ, констатировавшего нарушение российскими властями конвенционных прав осужденного к пожизненному заключению лица, не могущего до отбытия 10 лет лишения свободы получить длительное свидание, счел возможным в связи с обращением третьих лиц не только вернуться к вопросу об оценке соответствующих законоположений, в которых ранее не усмотрел признаков отступления от Конституции, но и признать проверяемые нормы неконституционными. Есть ли основания придавать этому решению применительно к вопросам допустимости обращений в КС РФ прецедентный характер, или все же предложенный подход корректнее рассматривать как намечающий пока только контуры, но не фиксирующий завершённое видение моделей взаимодействия с наднациональной конвенционной юрисдикцией, чем предопределяется возможность его определенной корректировки, уточнения, в том числе в свете практики функционирования существующих иных процедурных средств обеспечения реализации постановлений ЕСПЧ, очевидно, покажет время.

Не менее важно и то, в каком соотношении между собой находятся специализированный механизм проверки исполнимости решения ЕСПЧ в свете требований Конституции, допустимость обращения к которому связана с убежденностью заявителя в том, что «исполнение решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека невозможно, поскольку оно основано на положениях международного договора Российской Федерации в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией» (ст. 104² ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), и механизм толкования положений Конституции «в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия между положениями международного договора Российской Федерации в истолковании, данном межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, и положениями Конституции Российской Федерации применительно к возможности исполнения решения соответствующего межгосударственного органа» (ст. 105). Этот последний вопрос тем более существенный, если иметь в виду, что правомерным субъектом запроса в КС РФ о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека является федеральный орган исполнительной власти, наделенный компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации (п. 3² ст. 3, ст. 104¹ ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Фе-

дерации»), каковым является Министерство юстиции РФ, тогда как правом на обращение в КС РФ с запросом о толковании положений Конституции в целях устранения неопределенности в их понимании применительно к возможности исполнения решения соответствующего межгосударственного органа обладают Президент РФ и Правительство РФ (ч. 2 ст. 105 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), т. е. высшие политические органы государственной власти.

В этом плане, очевидно, нуждается в дальнейшем прояснении и то, на каком именно этапе в процессе решения вопросов, связанных с возможностью исполнения решения ЕСПЧ, является юридически и социально оправданным обращение к инструментарию конституционного правосудия и, в частности, должны ли этому предшествовать те или иные политико-юридические согласительные процедуры, направленные на выяснение направлений и мер по исполнению решения ЕСПЧ, в процессе или по итогам которых и формируется убежденность в том, что существует неопределенность с точки зрения самой возможности исполнить решение ЕСПЧ без ущерба для защищаемых Конституцией ценностей. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает, что «федеральный орган исполнительной власти» обращается в КС РФ с запросом о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека и гражданина «на основании заключения федеральных государственных органов, на которые возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать меры по исполнению решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека» (ст. 104¹), но не раскрывает предпосылки, процедуру формирования и предметное содержание указанного заключения, в связи с чем соответствующие характеристики этого акта, наличием которого определяется допустимость запроса в КС РФ, могут быть уточнены в порядке конституционного судопроизводства.

Это лишь малая часть вопросов в сфере чрезвычайно сложной и деликатной проблематики, связанной с преодолением коллизий между национальной конституционной и наднациональной конвенционной юрисдикциями, где односторонне-упрощенные, негибкие меры могут повлечь долгосрочные обоюдоневыгодные последствия. Обеспечение прямого действия и верховенства Конституции предполагает ориентацию на использование всех доступных средств гармонизированного с Конституцией исполнения актов наднациональной юрисдикции. Лишь в исключительных случаях фундаментальной своей несогласованности с конституционным строем России меры индивидуального

или общего характера, вытекающие из решения наднационального юрисдикционного органа, не могут получать легитимную поддержку и находить применение в национальной правовой системе. В любом случае это не может препятствовать диалогу, в том числе на международном уровне, для поиска взаимоприемлемых конструктивных решений.

Contents

Introduction	9
1. Court in a present-day society: introduction in the constitutional and court range of problems	12
2. Constitutionalization of the legal life through courts of justice	34
2.1. Court in the legal life of the society	34
2.2. On court constitutionalization: national and international legal principles	39
2.3. Justice as a factor of assertion of the constitutional principles of legal life	49
2.4. On the court integration of the Constitution in the legal life of the society	58
3. Court constitutionalization as a means of juridification of politics	73
3.1. Political and legal principles of justice: out of politization	73
3.2. Administered justice should be grounded by extralegal reasoning	80
3.3. Transforming influence of justice on the legal life of the society	93
4. Constitutional Court of the Russian Federation and its decisions under the court and legal reform	97
4.1. The court and legal reform as an instrument for constitutional modernization of the Russian statehood	97
4.2. Unity of jurisdictional and constitutional norm-setting principles as a basis for the transforming impact of the Constitutional Court of the Russian Federation in the court sphere	104
4.3. Constitutional Court of the Russian Federation on the nature, status characteristics of judicial power	112
4.4. Access to courts as a special role of judicial power: approaches applied by the Constitutional Court of the Russian Federation	118
4.5. Constitutional and legal justification for the judge's status	126

5. On the constitutional development of some manners of proceedings	136
5.1. Constitutional justice as a dynamically developing statehood institution	136
5.2. Civil justice: in search of a balance between private and public principles	156
5.3. Constitutionaization of criminal justice as a way to humanization	163
5.4. Administrative legal proceedings: claims to the recognition of peculiarities of the constitutional and legal status	178
6. Constitutionalization of legal life in the international legal context	194
6.1. Judicial power in the mechanism of implementing international legal norms	194
6.2. On the legal force of the decisions made by the European Court of Human Rights	204
6.3. National and conventional jurisdictions: rather a dialogue than opposition	208

*Бондарь Николай Семенович,
Джагарян Армен Арменович*

Правосудие: ориентация на Конституцию

Монография

Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

ООО «Юридическое издательство Норма»
101990, Москва, Колпачный пер., 9а
Тел./факс: (495) 621-62-95. E-mail: norma@norma-verlag.com
Internet: www.norma-verlag.com

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru

Корректор *О. Ч. Кохановская*
Верстка: *В. М. Родин*

Дизайн переплета — ООО «Профпресс»

Подписано в печать 15.08.17
Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Ньютон». Печать цифровая
Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 14,53
Тираж 200 экз. Заказ №

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа)
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru

Отдел «Книга — почтой»
Тел.: (495) 280-15-96 (доб. 246)

Н. С. Бондарь
Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М.: Формула права, 2012.

Первый выпуск серии «Библиотечка судебного конституционализма», в котором раскрываются методологические основы авторской концепции судебного конституционализма, понимаемого в качестве режима судебно-правового обеспечения верховенства права и Конституции, обеспечения баланса конституционных ценностей. На основе обоснования комплексного философско-правового содержания явлений конституционной действительности анализируются истоки, предпосылки и механизм формирования судебного конституционализма, выявляется значение методологического плюрализма в качестве социально-философской основы развития судебного конституционализма в условиях глобализации современного мира.

Н. С. Бондарь
Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2013.

Второй выпуск серии «Библиотечка судебного конституционализма», в котором раскрываются как общетеоретические подходы к пониманию конституционных ценностей в системе судебного конституционализма, особенности юридической природы, так и их практическое назначение для нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда РФ как критерия оценки нормативных правовых актов на соответствие Конституции РФ. Поиск баланса конституционных ценностей и разрешение на этой основе социальных противоречий и правовых коллизий является важнейшей задачей конституционного правосудия. В современных условиях глобализации особое значение приобретает проблема конституционных ценностей в контексте соотношения национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций.

Н. С. Бондарь
Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М.: Юрист, 2014.

Третий выпуск серии «Библиотечка судебного конституционализма», в котором на основе понимания юридического образования как конституционной ценности анализируется нынешнее состояние юридического образования сквозь призму конституционной безопасности государства, общества, личности; исследуется соотношение национальных и наднациональных (космополитических) начал в связи с включением юридического образования в Болонский процесс и внедрением двухуровневой системы юридического образования («бакалавриат — магистратура»), оценивается изменение философско-мировоззренческих начал отечественного юридического образования и обосновывается необходимость выработки национальной концепции подготовки юридических кадров.

Н. С. Бондарь

Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра. Ростов-на-Дону: Профпресс, 2014.

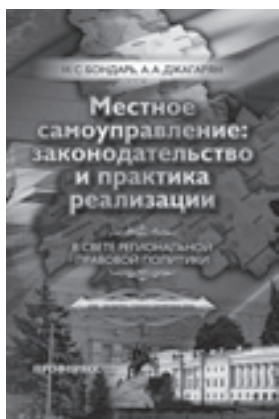
Четвертый выпуск серии «Библиотечка судебного конституционализма», в котором на примере Ростовской области анализируется конституционно-правовой статус территориально-государственных образований в лице областей (краев) как субъектов Российской Федерации, обосновывается их активное участие в конституционно-правовой жизни России. Особое внимание уделяется решениям Конституционного Суда РФ, принятым по обращениям Законодательного Собрания Ростовской области, а также федеральных судов, действующих на территории Ростовской области, по жалобам граждан — жителей области.

Н. С. Бондарь

Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. М.: Юнити-Дана, 2014.

Пятый выпуск серии «Библиотечка судебного конституционализма» посвящен обоснованию современной доктрины конституционной модернизации российской государственности, в связи с чем анализируется социокультурное и политико-правовое значение Конституции РФ как нормативной основы соответствующих процессов и на этой основе обосновывается уникальная роль Конституционного Суда как универсального института развития модернизационных процессов в современной России. В условиях глобализации, углубляющегося кризиса современного конституционализма поиск баланса конституционных ценностей и разрешение на этой основе социальных противоречий и правовых коллизий является важнейшей задачей конституционного правосудия.

Н. С. Бондарь, А. А. Джагарина

Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Ростов-на-Дону: Профпресс, 2016.

В шестом выпуске серии «Библиотечка судебного конституционализма» анализируются в свете актуальных задач развития Ростовской области современные проблемы развития местного самоуправления как фактора утверждения сильной эффективной государственности России. Обосновывается, что собственные местному самоуправлению начала самостоятельности, самоорганизации определяют его реальный потенциал для повышения качества управления, укрепления и развития социально ориентированной рыночной экономики, преодоления неоправданного социального расслоения, в том числе на региональном уровне.

Н. С. Бондарь
Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма, 2017.

Седьмой выпуск авторской серии «Библиотека судебного конституционализма» посвящен обоснованию доктрины экономического конституционализма и на этой основе — анализу современных конституционно-правовых проблем финансово-экономической политики России; соответственно анализируется экономическое значение Конституции РФ, обосновывается роль Конституционного Суда РФ как универсального института конституционализации национальной финансовой системы и экономического развития современной России. Вытекающие из решений Конституционного Суда основные направления и способы модернизации финансово-экономических институтов рассматриваются в контексте общих закономерностей развития конституционализма в России. В условиях глобализации, углубляющегося финансово-экономического кризиса особое значение приобретает поиск баланса частных и публичных интересов, стабильности и динамики в конституционном развитии собственности, финансов и экономики в целом как фундаментальных начал современного общества и государства.